

Индаруяром

НОВОГОДА

Семь раз проверь, один раз убей

Казалось бы, эпохи охоты на ведьм, фальшивого коммунизма и манипуляций идеями о всеобщем равенстве остались в прошлом. Так было до конца XXI века, пока к власти не пришли те, кто решил вернуть все и сразу.

Ульрих, как и многие в его время, боится, что люди будут истреблены теми, кто пришел им на смену, и поэтому считает, что лучший выход из ситуации — стать одним из них.

По миру прокатывается волна необъяснимых явлений. Одни утверждают, что двери, ведущие в параллельные миры, приоткрылись, впустив внутрь опасных гостей, другие — верят в то, что неупокоенные души терроризируют всех, кто попадетс я им под руку.

А во что верит Ульрих? Это и предстоит выяснить экзо — двум сумеречным чистильщицам, изгоняющим нечисть из домов и тел.

Вступление

Я — демон, сотканный из хрупких нитей уязвимости, невинности, физической слабости и наивности. Растение, объявленное сорняком, только потому что его больше нельзя использовать.

Сегодня я — символ демонизации жертвы, символ торжества закона над справедливостью, символ отчаяния и ненависти, возвращённых чужими руками на почву, которая изначально была для них непригодной.

Ульриху это не нравилось. Ой как не нравилось.

На половике с жестким ворсом, у самого входа в квартиру, лежала маленькая плоская фигурка. Настолько маленькая, что она занимала кончик указательного пальца.

У него было неважное зрение, и по привычке опустив взгляд, он увидел лишь еле заметное платиновое пятнышко на букве «п» в слове «пожаловать». Ульрих знал, что найдет его именно в этот день, именно в этом месте, но вот буква «п»... Раньше он не обращал на это внимание. Чтобы это ни значило? Предатель, поддонок или даже пугало, — любой вариант верен. Он просто ничтожество.

Или же... Она наконец простила его и «п» значит «правильно», «правда», «прости». А может быть, он просто сошёл с ума? Исключено. Все остальные 364 дня в году он проживает, как обычный мужчина 29 лет. Все остальные 364 дня Ульрих не видит и не слышит странных вещей, которые каждый раз происходят с ним 28 мая. Ни днем раньше, ни днем позже. Не может же он сходить с ума ровно на одни сутки, а на следующий день продолжать жить, как ни в чем не бывало. Или может?

Фигурка, зажатая между большим и указательным пальцем, отливала золотом. Искусно сделанная, ибо делалась на заказ. Он сам заказал её для своей сестры. Ульрих подумал так: ворон — существо красивое, величественное, умное не только на вид, но и по своей сути, хотя и очень противоречивое, как символика.

Например, в греческой мифологии Афина, она же Паллада, она же Минерва, взяла его себе в качестве спутника, но после заменила на сову, обвинив его в излишней болтливости.

Аполлон же решил отблагодарить птицу за верную службу, отняв у нее дар человеческой речи и окрасив серебряные перья в черный цвет, а позже, и того хуже, — закинул её маленьким, симпатичным созвездием на небо. Вот тебе и благодарность за долгие годы полетов от Корониды к Аполлону и обратно, за правду об её измене.

Он же занимает третью ступень в модели нравственного совершенства в культе митраизма. Он же — прорицатель, тот, кому не страшны горячие языки солнечного пламени. Кельтские богини войны, — Бадб, Морриган и Немайн — да и сам верховный бог викингов, Один, оказались умнее греческих, и по достоинству оценили положительные качества этих птиц, взяв воронов себе в вечные сопровождаемые и сделав их своими советчиками.

Бывало, почитывал Ульрих греческие мифы, и прям обида брала за бедную птицу. Не красоваться ей больше блестящими серебряными крыльями, не молвить на человеческом (хотя бы одном из них), не быть символом мудрости. Паришь себе в небе пугающим, черным пятном и выкрикиваешь:

— Кор...Кор...Коронида...Кур...кур...курва...

Поэтому-то он и выбрал этот образ для фигурок, которые мастер по его просьбе

нацепил на браслет.

Каждый платиновый ворон с золотым рисунком не был похож на остальных. Ульрих сам зарисовал их в разных позах. Один стоял боком, отчего походила на букву из египетского алфавита. Другой — в анфас, сложив крылья за спиной. Третий вскинул их, собираясь взлететь. Четвертый — застыл в полете. Пятый был запечатлен, как бы снизу, как если бы он пролетал прямо над головой. Шестой — нагнул голову к земле, то ли рассматривая что-то, то ли собираясь утащить пару зерен. Седьмой стоял спиной к зрителю и каркал, повернув голову влево и широко раскрыв клюв. Восьмой... Так вот он восьмой, лежит у него на пальце. Спящий ворон, присевший на ветку и распушивший перья, видимо, чтобы не замерзнуть. Были ещё два — один чистил свои перья, другой гордо зажимал в клюве монету.

Все это было его задумкой, которую мастер искусно воплотил в жизнь. А ещё рядом с фигурками воронов висели два золотистых глаза. Сестра сама их добавила. Он не хотел вспоминать эту историю, но сознание само вытаскивало на поверхность эти болезненные воспоминания.

Этот день, 28 мая, каждый раз напоминает ему о прошлом. Хотя не было ни дня, чтобы он не думал об ЭТОМ.

Вечная дилемма мучает его снова и снова — правильно ли он поступил? За эти долгие 8 лет он окончательно запутался, и остался уверен лишь в том, что все ЭТО прекратится только с его смертью.

Все это... Все это не ограничивалось подарочной фигуркой с браслета той, образ которой будет преследовать его до окончания времен. Она издевалась над ним, посмеивалась, создавая страшные образы, всякий раз, когда он осмеливался посмотреть в зеркало; пробегалась по его позвоночнику ледяным дыханием, когда он облегченно вздыхал, наивно полагая, что все закончилось; громко дышала, когда он выключал свет перед сном.

За эти восемь лет ему стоило бы привыкнуть, но этого не происходило. Такое случалось с ним всего один раз в год, поэтому до следующего раза он успевал позабыть пережитый ужас и снова начинал выключать светильник по ночам.

Глупый... Каким же глупым он был, раз решился на это. Но ведь Ульрих должен был так поступить. Правительство говорило — таков долг каждого уважающего себя гражданина. Неважно, кем тебе приходится ведьма или ведьмак, ты должен сдать ее/его в отдел по исследованию людей с паранормальными способностями. Сам президент в своем выступлении говорил, эти люди нагло присвоили то, что должно принадлежать каждому. Кажется, он назвал их капиталистами нового порядка, мешающими строить интеллектуальный коммунизм.

Да, звучит бредово, но если вдуматься, все так и есть. Ведьмаки и ведьмы родились такими. Им не пришлось полжизни горбатиться, чтобы одной силой мысли сдвинуть спичечный коробок на сантиметр. Они получили силы задаром, а раз так — должны делиться.

Хотя в последнее время Ульрих все чаще задумывался: а что если «паранормальные капиталисты» просто не способны поделить своей силой? Что если, что их сила не настолько всеобъемлюща, как утверждают представители власти, и даже если бы они хотели пожертвовать хоть толику своих ведьминских способностей «малоимущим», у них ничего бы не вышло? У него была возможность это проверить, но он ею не воспользовался.

Ульрих отбросил эту антикоммунистическую догадку. Все-таки если бы люди со

способностями или первенцы новой эпохи, как их еще называют, могли бы поделиться своей силой с ними, они бы точно предпочли это опытам, которые нередко заканчивались летальным исходом, которому всегда предшествовала агония.

Или... Они согласны поделиться своими способностями с остальной частью человечества, но правительство предпочло брать их силой, что тоже разумно. Ты отпустишь ведьмака, и окажется, что он блефовал, обещая сотрудничать. Тогда в лучшем случае он сбежит, и впредь больше не будет брать выпивку из чужих рук, или... убьёт обманщиков, устроивших ловушку.

«Ведьмы... Ведьмаки... Почему их до сих пор так называют? Неужели в конце 21 века кто-то до сих пор считает, что они получают силу с помощью трав, крысиных хвостов и крыльев летучей мыши? Слово осталось, а смысл отчасти изменился. Нет уже того образа женщины, энергично помешивающей отвар в котле. Нет уже черта или дьявола за её спиной. Кажется, мы приблизились к пониманию того, кто она, при этом практически не изменив к ней отношения».

Раздумывая, Ульрих медленным шагом направлялся в ванную, чтобы положить фигурку спящего ворона к остальным семи. Год за годом он складывал их в одно и то же место — в шкафчик над умывальником. Когда он наконец выбрался из дебрей своего сознания, то нашёл себя стоящим перед зеркалом с рукой, сжимающей ручку шкафчика.

— О, нет-нет. Только не это. — он зажмурился, для верности прикрыв глаза ладонью. Так он точно не увидит ничего лишнего в зеркале. И как он не додумался снять его за день до годовщины. С другой стороны, в его квартире и так полно предметов с глянцевой поверхностью.

Ульрих нащупал дверцу шкафчика, открыл её и протянул руку со сжатой между пальцев фигуркой. Что-то мягкое прошлось по тыльной стороне ладони и захлопало, словно с его руки слетела птица. Он замер. Нащупал полку, на которую складывал остальные фигурки, и опустил на неё руку с пополнением коллекции.

Ему вдруг почудилось, что полка, которой он коснулся пальцами, стала мягкой и теплой. На ней появились изгибы и даже какие-то бороздки, как на... ладони. Его рука машинально отдернулась, повинувшись инстинкту самосохранения, но кто-то вцепился ему в запястье.

Боясь открыть глаза, он судорожно дергал рукой. Во время одного из таких рывков фигурка выпала. Хватка исчезла. Он ударился о стиральную машину, которая стояла сзади. Его глаза на мгновение приоткрылись, и он заметил черные зрачки с золотистой радужкой, смотрящие на него с зеркала.

«А ты спрашивал... зачем... зачем... Пригодились же?»

Он уже видел их раньше. На браслете.

Примечания:

Минерва — соответствует Афине в римской мифологии.

Ворон известил Аполлона об измене жены, за что он выпустил в нее стрелу. Умирая, Коронида солгала, что она бежала ему на встречу, и скинула одежду не потому, что изменяла ему с кем-то, а чтоб легче было бежать. Аполлон поверил ей и проклял птицу за клевету.

Митраизм — культ бога Митра, божества индоиранского происхождения, связанного с дружественностью, договором, согласием и солнечным светом.

Вообще, ворон — символ Солнца, так как считалось, что его блестящее черное оперение дает возможность выживать при близком контакте с Солнцем.

Глава № 2. «Медуза»

Немного прогулявшись недалеко от дома, он решил, что пора принимать важные меры. Ульрих уже 10 минут стоял под прямыми лучами солнца, и его пшеничного цвета волосы стали горячими, как нити накаливания. Ещё немного под солнцепеком и они превратятся в солому. Золотистая копна торчала в разные стороны, будто вчера ему было очень весело, а сегодня утром он нашёл себя в ящике со льдом. Он по привычке хватался за волосы и пропускал пряди между пальцами, пытаясь успокоить себя после утреннего инцидента.

Выбежав на улицу, он не спас себя от козней нечистой силы. Если она всерьез решила за кого-то взяться, никакие открытые пространства не избавят его от мурашек, бегающих везде, где только можно, от нервного подергивания губы или глаза, от пульсирования в висках и жжения в лопатках. Чувствуешь, как кто-то наблюдает за каждым твоим движением. Слышишь тихий шепот «прееедааатеель», а когда оборачиваешься, ОНО рассеивается и обдаёт лицо горячим потоком воздуха, в котором на какие-то доли секунды можно уловить чьи-то очертания.

Кажется, лето в этом году выдалось очень нетерпеливым. До его официального прибытия осталось 3 дня, но по факту, ещё вчера оно выбило дверь, шагнуло внутрь и, сымпровизировав барабанную дробь на коленке, торжественно оповестило «а вот и я!».

Ульрих не мог понять, нравится ли ему это летнее панибратство, но его определенно не устраивало то, что на этой улице не было ни намека на нормальную тень, а искать её вдалеке от дома в этот воскресный день просто не было смысла. Ещё немного и Нечистая Сила, как он называл златоглазого, утащит его обратно в дом, чтобы продолжать издеваться над ним без свидетелей.

Такое уже бывало. Ульрих наивно полагал, что покинув стены дома, он избавится от этого проклятья. Он даже взял отпуск на неделю и отправился в другую страну на океанское побережье. Плохое решение. Смена локации ничего не изменила за исключением того, что теперь он боится даже по щиколотку заходить в воду. Даже в присутствии толпы людей. Даже в ванной.

Если бы у него только хватало сил спросить его, чего он хочет. А это бы именно ОН. Иногда его уши щекотал женский голос, который доносился до него тихим эхом. Он становился то громче, то тише, словно ту, кому он принадлежал, то уносило волной, то несло в его сторону...

За год до этого Ульрих так же выбежал на улицу, испугав старушку с маленькой собачонкой в руке. В носу тут же защекотало от собачьей шерсти. Чертова аллергия!

Он чихнул, напугав животное еще больше. Стоило ему на секунду сомкнуть веки, как тело начало куда-то проваливаться. Кто-то вырвал почву у него из-под ног и с силой потащил, обхватив рукой его туловище, как плюшевого медвежонка. Съеденная булочка с маком просилась наружу. Открыв глаза, парень нашёл себя на кровати в спальне, которая находилась на втором этаже его дома. Не спрашивайте, что было потом.

С тех пор у него появилось несколько седых прядей, которые заметны, только если хорошо присмотреться. Хотя иногда ему все же задают вопрос, в котором больше удивления, чем самого вопроса:

— Неужели у тебя седые волосы? Тебе нет и 30.

...Ожидая услышать от него душещипательную историю. Этому никогда не бывать,

потому что если кто-то вдруг засомневается в правдивости его истории, он просто вцепится ему в глотку и прощай целостность организма. Может быть, он её и не сломает, но синяки точно останутся. Никому не нравится, когда его вымученный инфернальный опыт называют продуктом богатой фантазии.

В конце XXI века в моду снова вошёл экзорцизм и очищение домов от всякой нечисти. Количество скептиков, готовых объяснить любую аномалию последствием усталости «пациента», а отметины на теле — проявлением психического расстройства, поубавилось. Пусть и не настолько, что бы перестать раздражать окружающих своей невыносимой логикой...

Легкая дрожь пронизывала его тело. Ульрих немигающим взглядом уставился в пустоту.

Закрыв глаза. Открыл глаза. И он снова в доме.

Закрыв глаза. Открыл глаза. И кто-то держит его за плечо.

Он не сможет вот так стоять вечно. Глаза высохнут, если не моргать. Но если моргнуть... Кто знает, что с ним случится на этот раз.

В уголках глаз начали собираться слезинки. Это нельзя было назвать слезами, ибо он не плакал. Просто организм пытался спасти его зрение, смачивая слизистую солонатовой жидкостью.

Штора на втором этаже предательски дрогнула, выдавая того, кто только что не сводил с него золотистых глаз.

«Голос то женский, то мужской... Их несколько или это все проявление одной сущности?» — ещё один вопрос, который он не мог задать нечисти напрямую. От страха в горле пересыхало, язык парализовало, и он не мог выдать из себя ни слова. Казалось бы, за 8 лет можно было бы и привыкнуть, но на практике за один день, который ему было суждено в компании нечисти, успеешь только до смерти перепугаться. Только и всего.

Глаза начали закрываться. Он больше не мог терпеть. Ещё чуть-чуть и звуки улицы растворятся в тишине его дома. Его рука машинально закрыла живот... Та рука, которая когда-то схватила его и поволокла сквозь пространство, может появиться в любую секунду.

Взгляд затуманился. Он ощутил ладонь на своем плече и, зажмурившись, задрожал. Открыл один глаз и осмотрелся. Чья-то рука продолжала тарабанить по его плечу. Ульрих по-прежнему стоял на тротуаре у своего дома.

Не дождавшись хоть какой-то реакции, незнакомец обошёл его и к огромному удивлению Ульриха оказался всего лишь почтальоном. Тот по привычке поправил кепку и кивнул.

— Вам газету в ящик класть или сами заберёте?

— Что? А... Газету... Вы до сих пор её разносите? Разве печатная продукция не доживает свои последние дни? — на его лице появилась деланная улыбка. Он взял за привычку даже виду не подавать, что с ним происходит что-то ненормальное. И на то были свои причины.

— Ишь ты. Разбежался. — усмехнулся старик. — Не бывать этому. По крайней мере, раздача бесплатной бумажной газеты вряд ли прекратится в ближайшие годы. Рассылка, которая приходит на эти ваши имейлы, часто остается непрочитанной. Бумажная газета будет постоянно мозолить глаза, а электронная что? Наш мозг любит делать вид, что чего сейчас нет перед глазами, того и не существует.

— Умно.

— Так что насчет газеты? — стопка газет зашелестела, тем самым подтверждая свое

существование.

Ульрих поблагодарил почтальона и принялся листать газету, чтобы отвлечься от своей участи на этот день. Бесплатная газета была особенна тем, что в ней обычно было много политической пропаганды, хвастовства на тему «у кого больше удой» и рекламы. Причем одно зачастую перетекало в другое.

Впервые за все 29 лет он решил просмотреть рекламные объявления в газете. Ульрих знал, что ищет. Он давно об этом подумывал, но одёргивал себя, буквально хватал за руку, запрещая себе связываться с экзо.

Они могут узнать больше, чем нужно.

Но терпеть мучения всю свою жизнь? У него было предположение, что все это издевательство над его психикой будет продолжаться ещё два года, не считая этого, так как птиц на браслете осталось всего две. Остальные были сложены в ванной. Но кто знает, вдруг нечисть передумает и решит, что 8 лет мучений — это слишком мало, и стоит продлить действие проклятья или того, от чего он страдал, на неопределенный срок.

Костяшки сжатых в кулаки пальцев побелели. Он больше не может и не хочет терпеть. И пусть его коллега, сидящий за соседним столом, то и дело пытается убедить его в том, что никаких потусторонних сил и миров не существует, а ведьмы и ведьмаки — шарлатаны из шарашкиной конторы, он-то знает правду.

Его смущало то, что соседи наверняка заметят у его дома фургон службы по изгнанию сущностей из тел и домов, и начнут задавать вопросы. А если не начнут, то наверняка поделаются догадками со своими друзьями или знакомыми, среди которых есть и его коллега. Если он узнает, это будет заметно по его идиотскому выражению лица, которое можно встретить на 99 % всех фотографий с изображением электрического угря. Если он узнает, эта тема станет таким благодатным полем для издёвок, что Ульриху придётся либо заехать ему в челюсть, либо пожаловаться на него начальству, чего бы он никогда не сделал. Что ж, придётся рискнуть.

Его рука потянулась к круглой ручке. Дверь отворилась ещё до того, как он успел до неё дотронуться.

Глубокий вдох и выдох. И не такое бывало. Главное, чтобы ручка не оказалась раскаленной, как в старом фильме «Один дома». Он узнал о нем только благодаря бабушке, которая любила рассказывать обо всем, что связано с её детством и молодостью.

Нет. Все в порядке. Он зашёл в дом, вжав голову в плечи и сузив глаза, потому что так он, чувствовал себя немного спокойнее. Как если бы, чем быстрее он мог сгруппироваться в клубок, тем в большей безопасности находился.

Решено было передвигаться по дому подобно маленькой медузе, попавшей в небольшое течение. То есть плавно и с неизменной скоростью. Единственным, что отличало его от медузы, кроме внешности, были его прижатые к груди кулаки. Он понимал, что это так себе эгида для нечистой, но инстинкты есть инстинкты.

Ульрих сел в кресло и тут же встал, опасаясь, что оно начнет поглощать его, как трясина. Такое уже бывало. Он даже ощутил, как сиденье начало прогибаться под его весом. Так и должно было быть, но теперь любое дуновение ветра воспринималось, как проявление тех сущностей, которые над ним издевались.

Он завертелся на месте, пытаясь встать так, чтобы не ощущать за спиной чье-то присутствие. Как оказалось, найти оптимальное место просто невозможно — стены, как и пол, как и кресла, как и отсутствие стены, таили в себе опасность.

Он снял трубку с базы и замер. Нужно было определиться с э-конторой. Трудно делать выбор в том, в чем совершенно не разбираешься. Придется выбирать, руководствуясь самыми поверхностными параметрами — названием и рекламным текстом.

На одной только странице он насчитал три э-конторы, как они себя называли. Рекламщики любят играть словами. Был один умник, который предложил называть их экзоконторами, по аналогии с экзопланетами. Естественно в рекламе экзоконторы обещали качество работы, которое просто невозможно в Солнечной системе. Напрашивается вопрос — откуда доставляют экзо? Из другой звездной системы? Не очень разумная подача, учитывая всеобщую волну патриотизма.

Ему на мгновение показалось, что среди всех эти строчек он увидел что-то знакомое. «Медуза».

Он уже встречал это слово и сам произносил его много-много раз. Иногда поддразнивая, иногда ругаясь, иногда шепотом, делясь секретами, иногда раздраженно выкрикивая его. Больше никто не откликнется на это имя. В какой-то момент ему даже стало казаться, что все это ему померещилось и никакой Медузы не существовало. Был страшный сон, настолько реалистичный, что он долгое время принимал его за действительность. Но вот он увидел её имя в газете, и ему показалось, что он слышит его. Кто-то тихо нашептывает ему в ухо, не обращая внимания на то, что тень выдает его с потрохами.

«Разве нечисть отбрасывает тень?» — подумал он и мотнул головой, чтобы отогнать это видение. И надо же, в коем-то веке это сработало. Тень исчезла.

«Наша компания небольшая, но эффективная. Недаром ведь говорят — качество важнее количества. И мы с этим полностью согласны. Двух горгон более чем достаточно, чтобы выбить всю дурь из вашего дома или родственника. Звоните по номеру...».

Когда в трубке зашуршало и кто-то явно начал говорить что-то шаблонное, вроде «здравствуйте, вас приветствует компания...», он по привычке заговорил одновременно со своим собеседником. В этот раз его жертвой оказалась женщина.

Они оба остановились, выдержали паузу и одновременно заговорили снова.

— Будет лучше, если вы начнёте первым. — предложила женщина. Голос по телефону показался ему слегка грубоватым, пусть и без враждебного настроения. — Менеджер заболела, поэтому звонки принимаю я.

— Да, конечно. А как к вам обращаться?

— Сфено. Это творческий псевдоним.

— Приятно познакомиться. Ульрих. А настоящее имя?

— На то нам и псевдонимы, чтобы никто не знал настоящих имен. Раз вы обратились к нам, значит, у вас проблемы с нечистью, а она не должна знать, как нас зовут. Если в вашем доме завелась одна или несколько макабрических тварей, она легко доберется до того, что есть в вашей голове, в том числе и до наших имен. Мы не хотим проблем, понимаете? Проблемы будут в любом случае, — такая у нас работа, но они не должны выходить за пределы вашего дома, понимаете?

Она замолчала, словно ожидая ответа. И он понял, что вопрос был не риторическим.

— Да, понимаю. Только вот эти сущности или сущность могут выходить за пределы дома. Это я уже испытал на себе. Не знаю, как далеко они могут отходить от дома и связаны ли они с ним вообще. То есть, может быть, дело вообще не в здании. — признался он. — Это сильно усложняет дело?

— Хм... Это еще предстоит выяснить. Всякие необъяснимые явления случаются с вами каждый день? Или, возможно, связаны с какой-то датой?

— Даа... Связааны... — нехотя протянул Ульрих. Он не горел желанием вспоминать прошлое, и уж тем более рассказывать о нем какой-то горгоне.

Собственно поэтому, на протяжении стольких лет, он не решался обратиться к экзо. — Все это происходит только один раз в год. 28 мая, то есть сегодня. Я бы не хотел вспоминать те события... Слишком личное.

Девушка хохотнула, мол «надо же быть таким наивным».

— А рассказать придется. — как бы невзначай бросила Сфено, — Такого ещё в нашей практике не было. — даже слишком радостно отметила она. — Ваша нечисть слишком избирательна. Всего один день в году. Все наши клиенты страдали от нее на постоянной основе. Без выходных и праздников. Правда, некоторые с небольшими перерывами в несколько дней, недель или месяцев. Но 1 день в году...

Ульриху вдруг показалось, что она пытается обесценить его страдания.

«Один день... один день?».

— Я проживаю 1 день мучений и 364 дня в ожидании его повтора. — резко вклинился он в её рассуждения, — Иногда ожидание хуже пыток.

— Ну не скажите. Ведьма Палмер бы с вами поспорила.

Наверное, на Земле не осталось ни одного уголка, в котором бы не слышали о ведьме Палмер. В газетах её называли Воспламеняющей Пэм или Прометеей. В селе (их количество хоть и стало минимальным, но полностью они ещё не исчезли), где во все времена невежество искоренялось на порядок медленнее, чем в городах, проживала Пэм Палмер, и этим собственно она и провинилась. А если точнее, она проживала там именно в тот момент, когда по какой-то причине сгорели дачи трех крупных бизнесменов, любивших проводить лето вдали от городского шума и выхлопов.

Однажды ей завязали глаза, припугнув тем, что если она воспламенит повязку, то сгорит сама. Группа неизвестных, предположительно из свиты местных миллионеров, привязала её к столбу всего в 500 метрах от поселенья. Никто не знает, выклевали ли ей внутренности, когда она была уже мертва или перед смертью ей пришлось пережить агонию, прочувствовать, как птицы растаскивают ее на кусочки, методично щелкая своими изогнутыми клювами. В лучшем случае она умерла от голода, не будучи в силах высвободить руки из завязанных в несколько узлов веревок.

Когда с её головы сняли повязку, на них уставились два налитых кровью, покрытых мелкими капиллярами, глаза. Многие тут же сочли это доказательством того, что Пэм действительно могла воспламенять взглядом. Мол, это признак того, что она боролась с искушением воспламенить повязку, потому что это было единственным, что она могла сделать в той ситуации, при этом понимая, что тогда она сгорит в созданном ею же пламени инквизиции.

Были и те, кто осторожно намекали, что никакой мистикой тут и не пахнет. Ей выклевали органы черт возьми!

«Странно, что вас удивляет, что в них только полопались капилляры, а не то, что они не выкатились у неё из орбит!» — возмущались редующая толпа еще не утративших здравого рассудка.

— Не напоминайте мне о Пэм. Мне ее искреннее жаль. Я разбираюсь в ведьмах и ведьмаках или, как их там называют, людях нового эпохи, этих избранных, которых

становится все больше и больше. — произнес он с нескрываемым презрением, — Но она была не из их числа. Обычная девушка, которая оказалась не в то время, не в том месте.

Сфено ничего на это не ответила, решив, что пора обсудить ключевые детали встречи. Её тяготил формализм, поэтому она предложила перейти на «ты», с чем он охотно согласился, так как не испытывал особого доверия к людям, которые требовали, чтобы к ним обращались исключительно на «вы» и с большой буквы. Они словно выторговывали себе атрибуты власти, причем за бесценок.

Ульрих положил трубку и облегченно вздохнул. Есть шанс, что скоро все это закончится. Шелест падающей занавески вернул его в реальность. Он вспомнил, где находится, и что эта занавеска закрывала зеркало за его спиной. Нужно было снять его и положить отражающей поверхностью на пол. Теперь поздно.

Спину обдало леденящим дыханием, а за ним последовал тихий шепот. Голос зачастую был женским, несмотря на то, что образы, которые иногда к нему являлись были несомненно мужскими.

«Здравствуй, Ульрих» — теплое дыхание скользнуло по его левому уху. Мимолетное прикосновение губ пронзило его точно молнией. Ульрих скрипнул зубами, пытаясь совладать со страхом. Этот голос... Он знал, кому он принадлежит и от этого ему становилось больно не только морально, но и физически. Голос шинковал его сердце, как обезжженный острый нож в руке опытного мясника.

Он упал на колени и закрыл лицо.

Примечания:

Экзопланета — планета из другой звездной системы.

Медуза, Сфено, Эвриала — сестры-горгоны из древнегреческой мифологии.

Глава № 3 Первое впечатление

Ему казалось, что даже если Вселенная вокруг начнет утрачивать прежнюю форму и краска поплывет, смешивая, уничтожая чёткие границы между всем, что её наполняет, эти мужские глаза с золотистой радужкой и женский голос, от которого когда-то давно веяло теплотой, — единственное, что останется цельным и нерушимым. Для чего? Чтобы мучить его до скончания времён, если время вообще когда-нибудь планирует кончаться.

Воспоминания о предыдущих семи годовщинах, которые последовали после того дня, как он предал Её, внезапно нахлынули на него и сбили с ног. Его тело распласталось у столика с телефоном. Он сошёл бы за мертвого, если бы не грудь вздымающаяся вверх и вниз. Он бы с радостью пролежал так без сознания весь этот день и ночь, если бы эти гадкие сущности, которые изводят его, не заползали ему в голову.

А это было пострашнее реальности. Во снах они используют его воспоминания, его страхи, и мысли, чтобы наполнить их кошмарными видениями того, чего он боялся больше всего. Это поставило крест на просмотре фильмов ужасов, на чтении книг и газет, в которых описывалось что-то, что он не хотел бы повстречать в своих снах.

Как оказалось, все эти принципы трансерферов, буддистов и философов, согласно которым нужно настраивать себя на положительное восприятие мира, и тогда якобы он наполнится розовыми пони или размноженным Сержем Танкяном (у каждого свое представление о прекрасном), разбиваются о жестокую реальность. А ей плевать, думал ли ты сегодня, лежа в кровати, о том, что каждый раз, когда ты будешь представлять розового пони (или Сержа Танкяна), тонкая материя пространства-времени будет искривляться и выплёвываться в это мир ещё одного материализовавшегося пони (или Сержа Танкяна, куда уж без него). Что бы ты не думал и на что бы не настраивался, криминальная сводка по-прежнему пестрит всевозможными убийствами, изнасилованиями и ограблениями.

Все, что можно было испробовать, он испробовал, или почти все. Ульриху даже как-то пришлось в голову обратиться к гипнотизёру, который сделал бы так, что все последующие сутки он провел бы во сне, думая, что находится на солнечном побережье Шри-Ланки или Бали и ест крабов. Это казалось отличной идеей, пока он не понял, что спать, будучи загипнотизированным, — еще хуже, чем просто спать. Ведь если человек загипнотизирован, он будет спать ровно столько, сколько сказал гипнотизер. То есть не сможет хоть ненадолго прекратить этот ад, заставив себя проснуться, что обычно можно сделать, просто закрыв во сне глаза...

Теперь же Ульрих валялся на полу, понемногу приходя в себя, с радостью обнаруживая, что не умер, и с ужасом обнаруживая, что...не умер. Кажется, еще немного и он свихнется.

В висках пульсировало, причем это сопровождалось глухим деревянным стуком, который исходил откуда-то из-за спины. Ему потребовалось около 30 секунд, чтобы осознать, что кто-то стучит в дверь.

Он перекатился на другой бок и уже собирался встать, как входная дверь с грохотом влетела внутрь, ударилась о стену и снова захлопнулась.

В дверном проеме показалась девушка со странным устройством на голове, похожим на очки ночного видения, только почему-то с тремя оранжевыми окулярами. Третий на лбу, словно она была трехглазой, что его совсем не удивляло. Ульрих все еще был убежден, что находится во сне.

Три красных глаза поблескивали в приглушенном свете естественного освещения. Девушка осмотрела его справа налево, или по оси x (как сказали бы в его альма-матери), ибо по оси y рассматривать было почти нечего — Ульрих не спешил покидать пол в прихожей. Он казался ему довольно уютным. Ему нравилось то, что из него не лезут руки, как это было года три назад; что под ним не растекаются лужи зловонной слизи или алой крови с резким металлическим запахом, как это было 5 и 6 лет назад.

Девушка вошла внутрь и принялась вертеть головой из стороны в сторону, видимо, что-то проверяя своим устройством.

— Тепловизор. — подумал Ульрих и поднялся, ухватившись за край тумбочки.

Устройство закрывало ей пол-лица, но по нижней части было ясно — это довольно молодая девушка.

«Пусть только этот вызов не будет её выпускным экзаменом».

За последние лет 20 профессии, так или иначе связанные со сферой экзо, — изгнанием нечисти из домов или тел, — приобрели особую популярность. И хотя все вакантные места в специализированной школе всегда разбирались как горячие пирожки, избытка желающих всю жизнь балансировать на грани добра и зла, никогда не было.

Экзо разных мастей или сумеречные чистильщики, как их ещё называют, прилично получали, но эти суммы были равноценны риску и ответственности, который ложился на их плечи тяжелым потусторонним грузом. Важным этапом выпускного экзамена было участие экзо в настоящем изгнании чего-либо сверхъестественного из жизни заказчика. Вот тогда-то и становилось ясно, кто решил стать экзо, воспринимая работу как призвание, а кто позарился на приличные вознаграждения. Вторых легко было узнать по дрожащим пальцам, которые они заламывали или прятали в карманы, по перепуганным глазам с вечно бегающим взглядом, по бледности лица от того, что вся кровь отлила от щек и устремилась в пятки, унося за собой и душу. Все от того, что не каждый будущий экзо помнит, что в первую очередь он должен быть готовым сражаться не на жизнь, а на смерть, и только потом уж пересчитывать честно заработанный гонорар.

На выпускном экзамене будущий сумеречный чистильщик отправляется на свою первую миссию под руководством уже давно практикующего специалиста.

Эта девушка не выглядела напуганной. В ее движениях головы и пальцев, бегающих по тепловизору, чтобы настроить резкость, угадывалось нескрываемое любопытство, которое обычно подавляет инстинкт самосохранения. Если бы в момент пробуждения Ульрих увидел над собой эту голову, то решил бы, что она одна из тех грязных тварей, которые мучают его из-за чужого проклятия. Она явно не была страшна, но из-за трехглазого монстра на голове любого довела бы до чертиков.

— Станный видок. Либо ведьма, либо экзо. — подумал он, по привычке протягивая руку незнакомке. Когда-нибудь это его погубит. Даже если бы зайдя на кухню, он обнаружил на столе огромного аллигатора, протянул бы дрожащую руку для рукопожатия. Манеры в нем были сильнее инстинкта самосохранения.

Вместо того чтобы подойти ближе, девушка вытянулась к нему всем телом и протянула руку в ответ. Ульрих про себя отметил, что, несмотря на черную перчатку до локтя, её ладонь была слегка влажноватой. У него даже возникла неприятная ассоциация с осклизлым камнем на берегу реки.

Две красные полосы ткани, брали начало на внутренней стороне кончиков среднего и безымянного пальцев и закачивались на противоположном крае перчатки. Он мог

поспорить, что на другой перчатке таится такой же символ. Он вспомнил его. Знак чистильщиков этого мира от жителей потустороннего. Одна красная полоса значила земную жизнь, другая — жизнь после смерти, а тонкое черное пространство, которое их разделяло, — пограничное состояние, в которое нередко попадают потусторонние сущности. В каком-то смысле задача экзо — либо уничтожить сущность, либо отправить её туда, где ему и место. Поэтому на запястье эти две полосы соединяла такая же красная линия — мост между двумя мирами.

— Приветствую тебя, заказчик! — до странного радостно воскликнула девушка, закинув огромный водяной автомат на плечо. Он мог поклясться, что это была именно детская игрушка с цветным кислотно-оранжевым баллоном. У него, конечно, была такая мысль, что для того, чтобы мечтать о ежедневных встречах со всякими агрессивными сущностям, сквозь которые даже патрон для охоты на кабана пролетит, не оставив ни царапины, — нужно самому быть с сумасшедшинкой. С другой стороны, в баллоне могло быть сильнодействующее средство. От этих размышлений у него случился приступ когнитивного диссонанса — он не верил в то, что этих сущностей можно вывести, окропляя их отваром ромашки или календулы... Не верил, но тайно надеялся, что это возможно.

«Кислота, плазма, электрический ток...»

— Проточная вода. — ответила она на его немой вопрос, видимо, заметив, как он уставился на её «оружие». — Она позволяет видеть тех, кто пытается быть невидимым. Обычно начинающие призраки очень невнимательны и забывают отключить свою осязаемость. Поэтому если вдруг вода из кружки расплескалась, а рядом с вами вдруг зависли капельки, которые при этом приходят в движение, но совсем не собираются падать, знайте — рядом с вами творится какая-то чертовщина.

— Но как это поможет их уничтожить? — спросил он, рассматривая ее причудливую одежду, выполненную в черных и красных тонах.

Черная жилетка с коротким стоячим воротником. Такие же черные широкие брюки с сетчатой юбкой поверх них, которая была немного ниже колен. Позже он заметил на ней большие разрезы по бокам. Его только-только созревший вопрос «как можно заниматься изгнанием нечисти в юбке сразу же был вычеркнут из списка. Тот же знак — две красные полосы — начинались на воротнике жилетки и заканчивались внизу, у края юбки-накидки, с неизменным «мостиком» на талии. К стилизованной под кожу португее были прицеплены какие-то предметы, которые Ульрих не успел рассмотреть, потому как на крыльце, у самой двери, что-то скрипнуло.

— Ма... То есть Сфено, проблема с дверью решена! — крикнула девушка. — Что ты там возишься?! Время-деньги!

— Осматриваю участок! — ответил уже знакомые голос.

— Ох уж эта Сфено... — пробормотала девушка, медленно качая головой, как воспитательница, схватившая за руку нашкодившего ребенка.

Тем временем, Ульрих использовал пальцы рук как расческу, вспомнив, что он несколько часов провалялся в подобии комы, и что, вероятно, его опухший вид (последствие дневного сна) и торчащие в разные стороны волосы, которые почти доходили до плеч, могут их спугнуть. Они решат, что он пьяница, который вот-вот начнет пропивать свой дом, и потребуют деньги вперед.

Ульрих щелкнул выключателем и прихожая залилась ярким светом. Он в прямом смысле залил ее ледяной жидкостью, от которой все его тело сразу покрылось гусиной

кожей. Эта жидкость ничем не пахла, и на вкус была, как...вода.

Девушка настороженно сверкнула красными окулярами. Она убрала водяной автомат за спину и отряхнула ладони.

— Зачем? — только и смог сказать он.

— Что-то случилось?! — в окне прихожей появилась и тут же исчезла белобрысая женская голова.

— Проверяю, нет ли на заказчике эманации призрака! — по-солдатски громко ответила девушка.

— А, по-моему... — Ульрих нервно пригладил мокрые волосы.

«...Вы испугались». - тихий шёпот теплым ветром разлетелся по комнате.

И снова он обнаружил у себя дар считывать мимику верхней части лица, видя перед собой только два больших красных окуляра в районе глаз и один маленький — над переносицей. Ноздри на её лице обиженно вздрогнули, и ему на мгновение показалось, что окуляры стали наливать кровью. Не успел он опомниться, как водяной автомат снова оказался зажатым в её перчатках.

— А не из страха ли ты нанял нас, заказчик? — ее губы сжались в тонкую линию.

«Обидчивые нынче экзо пошли. А ведь ей точно не больше 18. И какой у нее может быть опыт при таком раскладе...» — отметил он про себя.

Парень поднял руки в останавливающем жесте.

— Во-первых, хватит называть меня заказчиком. Мое имя Ульрих.

Струя воды шлепнулась ему на лицо, и начала стекать под кофту с изображением большого красного сердца, которое занимало всю её переднюю часть.

— А у тебя большое сердце, — съязвила она.

«Сопля малолетняя». - он сплюнул воду, которая залетела ему в рот, когда он пытался объяснить.

— Во-вторых. — выдавил он, удерживая себя от необдуманного поступка, вроде праведной обплеухи. — Это не я сказал. Голос мой, говорил не я. Поэтому я вас и вызвал... Эвриала.

Дуло автомата опустилось. Она сдвинула тепловизор на лоб, являя миру серые, но, тем не менее, удивительно яркие глаза. Их выгодно оттеняли прямые черные волосы до подбородка. Глаза сузились, пытаюсь рассмотреть в нем что-то о чем, он мог только догадываться.

— А вот теперь точно приятно познакомиться. Ты первый клиент, хоть немного разбирающийся в...

В прихожую ворвалась саксофонная музыка, словно кто-то случайно прорвал завесу в пространстве и времени, отделявшую их от эпохи 20-30-х. И если эта завеса существовала, то брешь в ней появилась именно в его кухне.

— Я не включал. — тихо произнес он.

Верхняя часть лица девушки тут же скрылась за тепловизором. Она сорвала что-то с портупей и побежала к источнику шума.

Замешкавшись, она вдруг вернулась к нему, и схватила за плечо. Снова это странная сырость отпечаталась на его коже, каким-то образом проникнув даже сквозь кофту.

Их лица разделяло расстояние в ладонь и ему вдруг показалось, что она собирается его укусить.

— Что бы ты не услышал, не следуй за мной.

Она исчезла в дверном проеме, ведущем на кухню, и прошла ещё целая вечность, прежде чем девушка появилась в нем снова.

Глава № 4. Долгое чаепитие

Перчатка с двумя красными вертикальными полосками вытряхивала из кисета что-то похожее на пыльцу. В воздухе витал сладковатый запах жженой травы...

Когда тишина стала тяготить его настолько, что он наплевал на то, что может увидеть на кухне, дверь снова распахнулась. Та беловолосая голова, которая несколько минут назад промелькнула в окне, принадлежала женщине в подобии длинного платья без рукавов. На ней были такие же перчатки, как у девушки, которая скрылась в его кухне. Спереди платье имело такой же воротник-стойку, от которого брали начало две вертикальные красные полосы. Ульрих не стал искать то место, где они закачиваются, и не только потому что осматривать женщину с ног до голову, даже не поздоровавшись с ней, было бы ужасной бестактностью.

Всё сумеречные чистильщики носят эти две красные полосы горизонтально пересеченные третьей. Он ни разу не видел ни одного экзо, у которого бы этот знак был где-нибудь в неприметном месте. Нет же, они решили не мелочиться, а именно рисовать эту вытянутую букву «Н» так, чтобы символ брал начало на воротнике и заканчивался на подоле юбки или накидки. Поэтому даже мужчины, вовлеченную в эту деятельность, носили что-то длинное — плащ или юбку-штаны, так как в сочетании с просто штанами такой знак смотрелся крайне нелепо. Так считали экзо.

Для Ульриха же этот стиль казался несколько кричащим. Такой способ выделиться создавал у него неприятные ассоциации с буржуазией, которая издавна использует тряпье, чтобы показать всем свою избранность и успешность. Чуть ли не единственный способ выделиться для обделенных интеллектом. Но зачем это экзо?

Наряды экзо просто кричали «эй ты, нечисть, вот он я, твой потенциальный враг! Убей меня, пока я не догадался о твоём существовании!».

— Где Эвриала?

Это был голос из телефона. Ульриху казалось, что он кажется таким низким из-за телефонных искажений. Знаете, бывает, слушаешь свой голос в записи и просто его не узнаешь. Так вот Ульрих его узнал. Он был таким же слегка грубоватым и грудным. Такой голос обычно встречается у пышек, но эта женщина, в отличие от своей худосочной напарницы, имела среднестатистическую комплекцию. Да и внешне она была явно старше, хотя Ульрих пока не определился насколько.

Он махнул головой в сторону кухни. Её ноздри вздрогнули.

— Черт бы тебя побрал, Эври! Опять ты за свое.

Через пару минут они уже сидели за столом и обсуждали детали договора под завывания и шепот, которые доносились откуда-то сверху. В соседней комнате мигал свет. Они сидели на кухне и пили чай во время небольшого затишья, как выразился Ульрих. Конечно, показательные скрипы и шорохи, сменяемые мигающим светом, трудно было назвать полноценным затишьем. Но судя по его рассказам, все это можно было считать вполне уютной атмосферой.

— Ты не имеешь права. — обижено прошипела Эвриала и отвернулась к окну. К португее на спине были прикреплены странные большие щипцы, которыми запросто можно было бы перекусить шею. Он было подумал, что в этом нет никакого смысла. Нечисть состоит не из той материи, которую можно переломать пополам, но тут же вспомнил о

замечании девушки.

«Начинающие призраки...забывают отключить свою осязаемость...»

«То есть ему можно навредить?»

Ульрих не разбирался в возрастных категориях призраков, но, тем не менее, был убежден, что нечисть с 8-летним стажем трудно назвать начинающей.

— Твой кисет. — Сфено положила мешочек на стол рядом с чашкой чая, которая предназначалась для ее напарницы. Та даже не притронулась к ней.

Пока она с недовольным видом поглядывала в сторону теперь уже пустого кисета и полной чашки душистого травяного чая, Ульрих снова вернулся к тревожащей его теме полной несочетаемости длинных платьев с охотой на призраков или кого бы там ни было не от мира сего. Сфено закинула ногу на ногу, обнажив ноги, которые стали видны сквозь разрезы в том, что теперь ему казалось плащом без рукавов. На них были штаны. Он почувствовал себя глупым и в то же время сообразительным, потому как не додумался начать рассуждать на эту тему вслух...

Когда Сфено побежала на кухню, он был так удивлен, что не успел предупредить ее о том, что Эвриала сказала не при каком раскладе за ней не следовать. До него донеслась ругань, преимущественно громкий шёпот беловолосой, которая явно была недовольна поведением той, которая сдавленно шипела в ответ.

Войдя на кухню, он обнаружил, что она заполнена тошнотворным дымом, который показался ему до боли знакомым. Заметив его, женщина перестала размахивать руками и принялась объяснять ему об эманациях, наследивших в комнате марихуаной.

— Могу поспорить, ваш призрак является в огромной цветастой шапке, из-под которой торчат дреды, а по ночам вы слышите завывания Боба Марли. — наигранно захихикала Сфено, нервно приглаживая и без того зализанные назад короткие белые локоны. Эвриала, эта вредная девица, стояла, опершись на подоконник и сложив руки на груди. Короткая черная челка была спутана, видимо, от того, что ее напарница или же она сама сорвала с нее то трехглазое устройство.

Её глаза рассержено выглядывали из-под насупленных широких бровей, которые были четким, словно вышли из-под руки чертежника, зачем-то рисующего схемы толстым черным маркером. Внезапно зрачки метнулись в его сторону, и она виновато поджала губы, словно чем-то провинилась.

В то время, как у Эвриалы, которую Сфено настойчиво называли «Эври», из-за спины торчал огромный водяной пистолет и щипцы — явно для откручивания голов всяким потусторонним тварям, — у её ментора за плечами был лишь черный рюкзак. Зато пояс был увешан не пустующими кармашками и какими-то небольшими приспособлениями, которые Ульрих не успел рассмотреть.

Ему даже показалось, что среди них есть мачете, но он принял это за наваждение, списав на слишком долгое пребывание распластанным на полу. Переохлаждение, как и перегревание мозга, порой вызывает причудливые галлюцинации. Только он мысленно решил, что в этот день любая странность может быть списана на проделки нечисти, только он убедил себя в том, что экзо не нужен мачете, ведь они борются с сущностями из материи совсем другого порядка, как белокурая достала из-под стола не что иное, как мачете, и принялась резать булку на пополам.

— Думаю, мне хватит и половины. Перед боем лучше быть голодной. — добродушно улыбнулась Сфено. Удивительная перемена произошла в этой женщине за какие-то пару

минут. Совсем недавно она смотрела на него оценивающим взглядом, и ее речь звучала сухо, даже с некоторым раздражением, видимо, из-за провинившейся напарницы. Пара-тройка глотков горячего ройбуша с маленькими булочками, начинёнными вареньем, сделали своё дело.

Её лицо утратило всякую грозность, и если бы не мигание лампочек в коридоре и леденеющий кровь шепот, она была бы не против устроиться поудобнее и выпить еще несколько чашек чая за просмотром чего-нибудь увлекательного или, по крайней мере, не потустороннего.

Эвриала же продолжала дуться. Губы превратились в тонкие ниточки, а глаза немигающим взглядом уставились на пустой кисет, который, видимо, принадлежал ей. Она перевела взгляд на остывающую чашку чая и булочку на блюде рядом с пустующим стулом. Губы-нити исчезли из поля зрения, будто она их проглотила, борясь с искушением хоть что-то съесть в этот вечер.

Им предстояла долгая ночь и разумнее было бы подкрепиться перед тем, как пытаться выкурить одну или целую ораву сущностей из дома, но она не могла себя заставить съесть ни кусочка. И дело даже не в том, что дуться, пережевывая булку с вареньем и запивая душистым чаем, намного сложнее, чем без оных. Был один случай, когда они работали в доме в паре кварталов от этого места. Она о нем никому не рассказывала. Тогда её просто стошнило на ковер хозяев, когда она лицом к лицу столкнулась с поселившейся в их доме чертовщиной.

Высунув кончик языка, Сфено методично намазывала булку маслом, прямо поверх варенья. Ульрих при виде сего действия машинально почесал затылок, не зная, чему удивляться больше — тому, что дама намазывает масло поверх варенья или тому, чем она это делает. Судя по всему, это было не боевое мачете, а мачете для посиделок, во время которых заказчик изучает договор, а Сфено опустошает его буфет.

Свет лампы огненным заревом скользнул по поверхности клинка и задержался на его кончике маленькой желтой звездочкой. Женщина потянулась было его облизывать, но вовремя остановилась, уловив на себе его полный недоумения взгляд.

— Зачем вам...мачете? Разве им можно причинить вред потусторонним сущностям? Или это трансцендентальный мачете для особых случаев? — не выдержал он.

— И да, и нет. — жуя, ответила Сфено, продолжая держать мачете лезвием вверх. — Это обычный мачете для особых случаев. Иногда сущности вселяются в самих заказчиков или их домашних питомцев и не хотят покидать их тело. Вот тогда мачете становится не заменимым помощником.

От последнего предложения Ульрих поперхнулся. Кусок булки застрял в горле, и только горячий чай спас его от удушья.

— Хотите сказать...Кхм...Вы убиваете их?

— Э, не-е-ет. Договором такого не предусмотрено. Либо делаю надрез, либо отрезаю конечность. Многие сущности, за исключением некоторых, восприимчивы к страданиям. Чем больше мучений доставишь человеку, тем скорее сущность его покинет.

Ульрих понимал, о чем она говорит. Даже если эти существа не из нашего мира, они пусть и по-своему, но живые. Вселяясь в чужое тело, они неизбежно устанавливают с ним крепкую связь. Без этого управление им стало бы невозможным. Поэтому причиняя вред телу, доставляешь страдания гостю, который в нем поселился. Некоторые сущности просто ненавидят физическую боль. Об этом он когда-то читал в брошюре.

— Если только в тебя не вселился призрак, который при жизни был мазохистом. — хмыкнула Эвриала и наконец соизволила сесть за стол, потрудившись сделать это как можно громче. За скрипом пододвигаемого ею стула последовал протяжный клич выброшенного на берег кита.

Все переглянулись, словно каждый подозревал остальных в том, что они-то в курсе того, что здесь происходит. Паузу нарушил ещё один звук, источник которого находился совсем рядом.

— Что?

Кружка с чаем замерла в сантиметре от вытянутых губ Эвриалы, которая каким-то незаметным образом успела привести в порядок свои растрепанные от тепловизора черные волосы.

— Прежде чем вы начнете, дайте мне обещание.

Последовал очередной обмен многозначительными взглядами, но уже без участия Ульриха.

— Зависит от того, что ты просишь, хлопче. — Сфено протерла салфеткой лезвие мачете и прицепила его к набедренному поясу, увешанному разноразмерными кармашками.

— Если эта нечисть вселится в меня, вы не станете отрезать мне конечность.

— Нуууу...Если дело дойдет до этого, придется думать не только о твоей безопасности. — осторожно начала Эвриала, поглядывая на напарницу. Та одобрительно кивнула. — В твоей руке может быть топор или еще что похуже...

— И единственным выходом из положения будет отрубить мне руку? Нечисть почувствует мою боль и сбежит? Как бы не так. Эта тварь подождет, пока вы отрубите мне все конечности. — Ульрих скретил руки на груди, чувствуя, как страх понемногу отступает. Его, конечно, пугала перспектива того, что нечисть услышит их разговор и возьмет его идею на вооружение, но с другой стороны, пока эти дамы находились рядом, наибольшим проявлением паранормальной активности в доме было лишь мигание ламп в коридоре, стоны и шорохи. Словно на кухне образовался защитный пузырь. Возможно, так все и было. Кто знает, какие технологии применяют современные сумеречные чистильщики.

— Прочти 5-ый пункт договора. — В ответ Сфено повторила его позу, при этом не выпуская кружку из руки. Странное дело, но из нее поднимался пар. Такой, какого не было, даже когда он только-только наполнил кружку. Ульрих посматривал то на листок бумаги на столе, то на кружку, гадая, что сейчас важнее — подозрительно паранормальный чай, в который, возможно, уже что-то вселилось или его еще неотрубленная конечность, в которую почти наверняка кто-то да вселится. Надо признать, за последние несколько лет репертуар его мучителей практически не менялся. Хотя это совсем не отразилось на его реакции на их выходки. Он по-прежнему пугался до чертиков. Единственным, с чем он более-менее свыкся, были завывания и шорохи, доносившиеся из соседних комнат. Но даже если ты знаешь, что крыса не причинит тебе вреда, все равно испугаешься, наткнувшись на нее в темном переулке.

— Если в вас вселилась потусторонняя сущность, вы разрешаете исполнителю заказа: А) отрубить вам конечность... — начал зачитывать он. — Однозначно нет.

— Читайте, читайте. — Эвриала потянулась было за булочкой, позабыв о своем горьком опыте поедания чего-либо перед работой. Сфено шлепнула ее по пальцам.

— Тебе нельзя. Хочешь, чтоб тебя опять вывернуло на хозяйский ковер? — тихо зашипела она.

— ...б) сделать надрез на коже*...

— Подождите-ка...

Он поднёс договор поближе к лицу, которое сразу стало до смешного серьезным. Спустя какое-то мгновение его исказила гримаса боли и крайнего разочарования в этом мире. Его глазам предстала одна из тех капиталистических мелочей, которые он просто не переносил на дух. Звездочка. Иногда ее ставят одну, иногда несколько, но они неизменно подразумевают, что тот, кто составлял текст договора, не очень-то хотел передавать какую-то информацию. Закон вынудил его, и поэтому, как законопослушный гражданин, он сделал это, но как коварный капиталист, оформил текст в сноске мизерным шрифтом, который устроит разве что мимо пробегающего муравья или эксцентричного веб-дизайнера.

Ульрих ненавидел звездочки. Особенно в договорах.

Нахмурившись и сузив глаза в тонкие линии, ему все же удалось рассмотреть текст в сноске.

«Возможно много порезов».

Ручка перечеркнула сноску крест-накрест и потянулась к последнему варианту его возможной экзекуции.

«...в) применить любое другое воздействие, не нарушающее ваше целостность».

Ульрих, недолго думая, обвел последний пункт, размышляя о том, что таится за этими витиеватыми словоформами.

— Ваше целостность? У вас тут опечатка.

— Вариант «у вас тут опечатка» применяться не будет. Мы охотимся на нечисть, а не гуманитариев. — строго сказала Сфено, в очередной раз отхлебнув из кружки.

Ульрих оставил эту колкость без внимания, погрузившись в чтение договора. Внимательно прочитанный договор — гарантия того, что тебя на законных основаниях не выкурят из собственного дома вместе с нежелательными потусторонними жильцами.

Краем глаза он заметил — та, что была помоложе (имя которой он к своему стыду уже забыл), достала из-за спины маленькую книжечку с золотыми узорами на твердой обложке. Она не глядя обхватила кружку рукой, традиционно затянутой в длинную перчатку, и поднесла ее ко рту.

Ульриху вспомнился один момент из глубокого детства, когда он пытался научиться читать книги вверх ногами. Всякий раз родители, заметив это, переворачивали книгу, говоря ему, что перед тем, как учиться читать вверх ногами, неплохо было бы научиться читать «по-нормальному». Когда он научился читать, как принято в обществе, он снова стал переворачивать книгу, но все только посмеивались над ним, вероятно, думая о том, какой он неловкий. Ульрих забросил это дело, боясь, превратиться в белую ворону, хотя по-прежнему был убежден, что наступит момент, когда умение читать тексты вверх ногами обязательно ему пригодится. И вот тогда он пожалеет, что не освоил это способность в полной мере...И он пожалел.

— То есть...Вы просто обрызгиваете нечисть из своего водяного пистолета...Это... очень гуманно. — произнес Ульрих, не отрываясь от листа бумаги.

— И на этом гуманизм заканчивается. Я применяю огонь, чтобы выжечь эту тварь. — ответила Сфено. — Ну а если тварь оказывается растерявшейся заблудшей душой или перепуганной сущностью, которая сама не понимает, что происходит, Эври помогает ей отправиться в более подходящее для неё место. Да, Эври?

Напарница ткнула ей локтем под ребра, от чего та вздрогнула с видом, будто её только

что вывели их многолетнего анабиоза. Стол вздрогнул вместе с ней, опрокинув кружку с чаем прямо на платье-плащ Сфено. Поднимаясь к потолку, пар незамедлительно закружился маленькими завитками.

Ульрих замер, готовясь закрыть уши руками, ожидая, что женщина закричит от боли, но этого не произошло. Напротив, она замахала руками, пытаясь разогнать пар, после чего с нескрываемым упреком уставилась на Эвриалу.

— В такие моменты ты похожа на кипящий чайник. Только свиста не хватает. — спокойно сказала та, и вернулась к чтению. Из коридора донеслось очередное жалобное завывание.

— Кажется, даже вода стремится испариться и улетучиться через окно, лишь бы не слышать эти крики. Явный признак нечисти в доме. — задумчиво сказала Сфено, словно внезапно позабыв о чае без сахара на её платье.

За спинами девушек зиял черный оконный провал. Ночная прохлада вместе с ветром заваливалась внутрь, прекрасно понимая, что сейчас, почти в 11 часов ночи, они имеют полное право перелистывать книжки, бегать по коже топотом множества маленьких прохладных ножек и играть с чужими волосами.

Последнее у них выходило крайне скверно. Блондинка зафиксировала волосы гелем, зализав их назад, отчего казалось, что она только-только вышла из душа. С брюнеткой было попроще. Ее короткое каре хоть как-то поддавалось легким порывам ветра. Мужчина же сидел слишком далеко от окна, поэтому им стоило большого труда, чтобы немного потрепать его наскоро уложенные волосы.

Ульрих мимолетом заметил, что только что опрокинутую кружку смыкает черная перчатка Эвриалы. Как бы странно не выглядели длинные перчатки в эту пору года, удивляло его совсем не это. Кружка была почти до краев наполнена водой, хотя еще пару мгновений назад, он своими глазами видел, что в ней не осталось ни капли жидкости.

— Думаю, вы правы. — так же задумчиво ответил он. — Одна вода убывает, другая... прибывает. Круговорот воды в природе.

Сфено проследила за его взглядом и открыла рот при виде заполненной водой кружки.

— Неужели флешетта?

Ему вдруг показалось, что он обязан отвлечь ее внимание, чтобы она позабыла об этой самостоятельно наполняющейся кружке. И зачем ему это? Возможно, нечисть как-то влияет на его сознание, заставляя отвлекать внимание других, чтобы она спокойно продолжала пакостить. Хотя стакан воды даже пакостью-то и не назовешь. Скорее, наоборот. Если только от этой воды вы не подхватишь вечное недержание или что-то похуже.

Эвриала уловила его мимолетный взгляд, который скользил, то по прикрепленным к поясу Сфено флешеттам, то по воде в кружке. И...кивнула.

Это было так странно, словно у них появилась общая тайна, но о чем? О том, что нечисть, которая третировала его из года в год, теперь подливает водички тем, кого он нанял, чтобы от неё избавиться? Похоже, она хочет задобрить экзо, чтобы они решили, что проблема на самом деле высосана из пальца и им тут делать нечего.

«Не удивлюсь, если она уже засунула им в карманы сумму, равную её собственной ликвидации, лишь бы они побыстрее оказались по другую сторону двери. Если бы я был злым призраком или сущностью из параллельного мира, то именно так бы и сделал. Притворился бы милым пушистым зайчиком, пока угроза не минует. Хе-хе. Я был бы очень хитрым призраком».

Ульрих словил себя на том, что его лицо приняло лисье выражение: глаза слегка прищурились, а губы искривились в легкой хитрой ухмылке. Он начал было потирать ладони, когда заметил, что обе гостьи недоуменно переглядываются, наблюдая за внешним проявлением течения его мыслей.

— Ах да, флешетты. Это ведь они весят у вас на поясе? Это копии? Зачем они вам? — протараторил он, пытаясь выбраться из неловкой ситуации.

Из одного из кармашков на поясе торчало около 6 стрелоподобных металлических наконечников. Они были зафиксированы в специальных круглых отверстиях на крышке кармана, видимо, для того, чтобы их можно было быстро достать. Сфено потянула за один из наконечников.

На ладони лежал небольшой металлический карандаш с желобками, имитирующими оперение.

— Не копия. А нужны они, как и все остальное наше оружие, для защиты и уничтожения. — слегка удивленно ответила Сфено.

Хотя удивляться тут было нечему. Это оружие не годилось для использования в качестве ножа или стрелы. Когда-то их высыпали в специальные кассеты под фюзеляжем самолета, которые открывались, когда он пролетал над станом врага. Приближаясь к земле флешетты развивали умопомрачительную скорость, сравнимую со скоростью пули, выпущенной из дула пистолета. Они пробивали деревянные перекладки и многие другие нателные средства защиты. Флешетты эффективны, но только если пролетаешь на самолете над теми, кого тебе нужно убрать. В рукопашном бою этот металлический стержень можно сжать в руке, чтобы удар вышел сильнее, но спичечный коробок запросто бы заменил его в таком деле. Выходит, они просто бесполезны для охоты на кого бы то ни было. Однако экзо не будет брать с собой бесполезные вещи. Как показывает практика, даже водяной пистолет в руках экзо становится эффективным методом диагностики дома на предмет присутствия незваных гостей.

— Можно?

Он протянул руку к ее ладони, но она сомкнулась как раз в тот момент, когда он почти достиг своей цели.

— Не стоит. Это не просто флешетта времен Второй Мировой. Мы немногосовершенствовали ее, но на внешнем виде это никак не отразилось.

Теперь она опасна не только для существ из нашего мира. Для ее использования самолет больше не понадобится. Мы собираем старинное оружие отнюдь не для коллекции. Важна начинка — боль тех, кто убивал, и тех, кто был им убит. Оружием, разумеется. Чем больше у него было владельцев и чем чаще им пользовались, тем лучше.

Сфено вставила флешетту обратно в отверстие в кармашке и похлопала по нему.

— Хм... Попахивает ведьмовством... — произнес он и тут же пожалел. Эвриала оторвалась от чтения книжки и вперила в него два своих серых глаза. В них читалась решительность робота, который вот-вот получит команду приступить к сносу здания.

Сфено молча встала. Напарница последовала ее примеру.

— Так нас еще никто не оскорблял. — её брови сдвинулись к переносице. Сфено собиралась сохранить их в таком состоянии, пока не покинет дом этого нечестивца. Пусть ищет других экзо, но уже в следующем году, потому что в этом ему придется в очередной раз помучиться. Она понимала, что он кинется за ними вдогонку, хотя бы потому что вряд ли кто-нибудь другой придет к нему в 11 часов ночи. В их деле спешка может стоить жизни.

Экзо не работает с экстренными вызовами — между подготовкой и выездом на место работы должно пройти не меньше 5 часов в зависимости от сложности дела по их предварительной оценке. Им нужно время для того, чтобы изучить дело и собрать все необходимое оружие и аппаратуру. Среди экзо популярно выражение: «Семь раз проверь, один раз убей».

— Угу. — поддакнула Эвриала. Она надела на голову тепловизор, но опускать его на глаза не стала. Книжка вернулась в прорезиненную петлю, прицепленную к поясу. Впервые он видел, чтоб книги носили таким образом.

Блондинка направилась к выходу. Ее подопечная (как уже про себя решил Ульрих) последовала за ней. Он стоял в растерянности, не зная, как на это реагировать. Прежде чем он понял, что они больше не намерены заключать с ним договор, Эвриала обернулась и подмигнула ему.

Тут-то он и пришел в себя.

— Постойте! Я не это имел виду! Ну что я такого сказал?!

Шестеренки в его голове завертелись, придумывая новые оправдания.

— Я беру свои слова назад!? — то ли утверждал, то ли спрашивал он.

Входная дверь с грохотом захлопнулась. Он разочарованно всплеснул руками и плюхнулся на табурет.

— Ну вот.

Фигуры девушек снова показались в дверном проеме кухни. Они быстрым шагом направились к столу и заняли свои прежние места. Красноватые окуляры тепловизора снова засверкали, уютившись рядом с таинственной кружкой Эвриалы. Девушка как ни в чем не бывало пододвинула договор к Ульриху.

— Подписывай, и начнем, пока ты ещё не взболтнул лишнего. — нагнувшись к нему шепнула Эвриала. В который раз у него появилось чувство, будто она пытается ему что-то сообщить, но напарница под боком мешает это сделать. Она встретилась взглядом с ней взглядом. Та всем своим видом показывала, что ничто не ускользнет от её внимания.

— Ещё раз извините. Я и сам не люблю этих ведьм и ведьмаков с их дурацким... ведьмовством. — улыбнулся он. — Просто иногда я говорю первое, что мне приходит в голову, не успев обдумать последствия...

Он взглянул в сторону коридора, в котором то и дело мигала лампочка. Какую-то долю секунды на границе света и тени можно было разглядеть смутные очертания чего-то белесого, похожего на пар или дым, который начинает обретать форму. Форму чего? Ульрих был уверен, что ещё немного и перед ним предстанет тот самый полупрозрачный мужчина с наливающимися кровью глазами с золотистыми, почти желтыми зрачками. Откуда-то из далеких темных углов его дома уже доносился еле уловимый женский голос. Он что-то нашептывал. Ульриху показалось, что он услышал слово «почему?». С каждым разом оно становилось все громче, пока его не начало трясти.

В какой-то момент он осознал, что Сфено держит его за плечи и слегка потряхивает.

— Почему ты до сих пор не подписал договор? Нам пора браться за работу.

— Оу, кажется, я снова отключился. С каждым годом мне все труднее отделять галлюцинации от реальности. Я уже не уверен, вижу ли что-то на самом деле или это всего лишь плод моего воображения. Помогите мне разобраться с этим. Если выяснится, что я просто шизофреник или кто-то вроде того, просто вырубите меня и отнесите в ближайшую психушку. Но, пожалуйста, — Он сомкнул ладони в молитвенном жесте и поднес их к

лицу. — НЕ отрезайте мне конечности и НЕ делайте глубоких порезов. Хорошо?

Его лицо попыталось принять выражение, похожее на то, которое обычно принимала собака его сестры, когда наблюдала за тем, как они трапезничают.

— О боги, нет. Только не это щенячье выражение лица. — Сфено прикрыла глаза ладонью. Эвриала хихикнула. — Обещаю, что мы не будем делать слишком большие порезы. И вообще, все может обойтись и без жертв. — сказала она, по-прежнему прикрывая верхнюю часть лица рукой.

— Никогда не обходилось. — шепнула Эвриала и тут же получила локтем в ребро. — Но если ты будешь делать так, как тебе скажут, а именно не мешаться, риск того, что в тебя кто-то вселится, почти нулевой. — продолжила она, скорчившись от боли. Кажется, ее напарница хорошо осведомлена о болевых точках.

— Принимается. — кивнул он, беря в руки листок с договором. Он пробежался по нему взглядом и замер. — Ах да, вот... Специальная поправка для избранных. Для избранных? Чтс за?

— Читай.

— Если вскрыется, что у обнаруженной потусторонней сущности есть хозяин, а именно ХХХ... Три креста. Тут три креста. Это нормально?.. Так, дальше... Выведение нечисти будет проводиться бесплатно. Этот договор аннулируется, и будет составлен новый... Что это значит?

— А то и значит. — строго ответила Сфено.

— Я должен знать, что подписываю. Тут слишком мутная формулировка. Я не хочу попасть в пожизненное рабство.

— Как насчет десяти лет? — осклабилась брюнетка. Сфено сжала ей руку чуть выше локтя.

— Нельзя. У вашей нечисти есть уши. Она не должна знать о запасном варианте, или он не сработает. — полушепотом ответила она.

— Тогда расскажите мне шёпотом.

Эвриала, по-прежнему, облакачиваясь на край стола, подалась вперед. Ульрих понял намек и последовал ее примеру. Её губы оказались в нескольких сантиметрах от его уха. Ему стало не по себе. Он много раз ощущал, как чье-то дыхание скользит по его коже, хотя рядом никого не было.

— Ближе.

Он пододвинулся ещё ближе, чувствуя себя еще нелепее, чем раньше.

— Хрена-с два.

— Я уже говорила, что флешетты пропитаны болью своих жертв, которые погибли во время войн прошлого столетия? Их было не так-то просто раздобыть. Я собирала их около полугода. — прощбетала Сфено, испепеляя напарницу взглядом. Эвриала поджала губы, очевидно испытав на себе крепость ее ботинка.

— Ничего себе. А как вам удалось их собрать? — восторженно спросил Ульрих, но вдруг выражение его лица изменилось. Глаза прищурились, превратившись в две тонкие полосы. — Да вы же отвлекаете внимание! Хотя знаете. — он вскинул ладони, — Мне все равно. Просто делайте свое дело.

Ручка прикоснулась к бумаге, но вместо синей закорючки оставила только небольшое «шраммирование». Он потряс ею и попытался снова вывести подпись.

Лампочка замигала. Эвриала надела тепловизор. Следующим, что увидел Ульрих, была

чернота, в которой ему на миг почудился красный блеск окуляров. Чье-то прерывистое дыхание разбавляло давящую тишину, которая, как пить дать, возвещала о надвигающейся буре. Ему потребовалось некоторое время, чтобы понять, что эти странные звуки исходят из его же груди.

Напротив него загорелся фонарик. Он осветил красное сердце на его свитере. Топот ног, явно спешивших на кухню, последовал за резкими порывами ветра, казалось потянувшимися со всех сторон. Луч света метнулся в прихожую.

— Сфено, это ты? — темная фигура Эвриалы начала осторожно вставать из-за стола.

— Нет, конечно. Я здесь. — фонарик выхватил из темноты перчатку с двумя красными полосами, которая схватила другую перчатку за локоть и потянула вниз. — Делать мне больше нечего в темноте по чужому дому бегать. Пока договор не подписан, права не имеем.

Ее голос звучал спокойно и даже безразлично, будто ничего особенно не происходило.

Скрипнула очередная ступенька, ведущая на второй этаж. Последняя. Шаги перестали поскрипывать. Теперь они замедлились и стали еле слышимыми.

— К нам спешат твои друзья, поэтому подписывай быстрее.

Ему вложили в ладонь ручку, которую он упустил, когда выключился свет, и осветили листок договора. Ульрих колебался. Он уставился в черноту арки, ведущей в прихожую. Шаги звучали совсем близко. При каждом шаге в сердце покалывало, будто кто-то сжал его в свое руке и начал вонзать в него иглы для акупунктуры.

— Почему вы не можете начать выполнять свою работу до того, как я подпишу?

Молчание. Ульрих почти почувствовал, как они переглядываются.

— Потому что...некоторые последствия нашей деятельности могут быть расценены, как разбой, если не будут подкреплены договором. Нам не нужны проблемы. — прошептала Эвриала, сверкая окулярами.

— Разбой?

«Шлеп».

«Шлеп».

Шаги прекратились.

— Подписывай!

Его рука дрогнула. Еще одна рука, которая явно ему не принадлежала, сомкнулась вокруг его щиколотки и с силой потянула под стол.

— Вы решили, нам лучше спрятаться под столом? — недоуменно спросил Ульрих.

Ответом ему был разноголосый женский крик, который внезапно оборвался и яркий свет снова залил кухню.

Внезапно все смолкло. Он дрожал, обхватив руками колени, и слегка покачивался. Скатерть поднялась, и напротив его глаз оказались два красных окуляра Эвриалы. Он прошлись вправо-влево, сверху-вниз, после чего губы слегка скривились в ехидной ухмылке.

— Что ты делаешь под столом?

— Теперь...живу... — безразлично произнес он, уставившись в одну точку широко распахнутыми глазами.

Примечания:

Флешётта (также Флашётта, от фр. fchette, нем. Fliegerpfeil, в русской печати 1910-х годов иногда именуется «Стрёлкой») — металлическая стрела-дротик размером с карандаш; особый тип авиационного оружия, разработанный в начале XX века и применявшийся ВВСпротивоборствующих сторон при атаках скоплений пехоты и кавалерии противника в

боях Первой мировой войны, а также во время Гражданской войны в России.

Глава № 5. Хугин, Мунин и другие пернатые

На щиколотке красовались синевато-фиолетовые пятна. Даже малейшее прикосновение вызывало неприятные болезненные ощущения. К счастью, она не была сломана и вполне нормально функционировала, пока он сидел. Но стоило ему сделать несколько быстрых шагов, как недавний инцидент давал о себе знать.

Его новоиспеченные подруги начали было подтрунивать над тем обстоятельством, что когда свет включили, Ульрих исчез, а через секунд 10 был обнаружен сидящим под столом. Обе утверждали, что в тот момент он пялился в одну точку, как постоялец психиатрической клиники. От этого белки его глаз покрылись красной сеточкой капилляров, будто подсвеченные красным сердцем, занимающим всю переднюю часть его черного свитера. Хотя Эвриала тут же вспомнила, что такими они были, ещё когда она впервые его встретила в прихожей.

— Да-да. Взлохмаченные волосы, нездоровый блеск в глазах и эти мешки от недосыпа были у него с самого начала. Он не врет. Я проверила. — заверила она свою напарницу, которая в ответ выразила сомнение по поводу паранормального происхождения перебоев света и приближающегося топота.

По словам Сфено, в ее практике был один дом, который на проверку оказался самым что ни на есть обычнейшим домом. Единственным, что его отличало от других домов, были идиоты, которые его населяли. Под идиотами она подразумевала 2 владельцев и их друзей, которые решили разыграть ее, продумав целое представление с приведениями. Это было своеобразной насмешкой над теми, кто не разделяет их мнение о реальности. На самом же деле, они не верили в то, что какие-то неведомые сущности могут поселиться рядом с ними и всячески отрицали существование какой-либо нечисти не от мира сего.

— Дай угадаю. Ты все-таки обнаружила там источник паранормальной активности, о котором они даже не подозревали? — спросил Ульрих, наблюдая за тем, как черноволосая осторожно достала из-под стола свой огромный водяной автомат и скрылась в темноте коридора.

— Нет. Я создала источник той самой активности прямо у них под носом и позаботилась о том, чтобы они об этом обязательно узнали. — ответила Сфено.

В её глазах заметались искорки пламени. Ульрих даже обернулся, чтобы убедиться, не разгорелся ли за ним костер инквизиции. Случайно отскочивший кусочек горячей серы, мог разжечь кипу старых журналов, которую он собирался скормить пункту приёма макулатуры. Журналы были целы и невредимы. За эти две недели, пока он говорил себе, что обязательно от них избавится наилучшим образом (а не выбросит в переулке), они успели покрыться тонким слоем пыли. Он снова повернулся к собеседнице, и с удивлением заметил, что радужка ее глаз будто сменила цвет с коричневого с оранжевыми вкраплениями на серо-зеленый. Теперь они были похожи на глаза её напарницы. Кажется, эта история с проклятьем, а он был уверен, вся эта котовасия, из-за которой он к ним и обратился, результат именно проклятья, только разожгла его воображение, и теперь оно катится по наклонной плоскости.

— Итог один. — продолжила она, — Не на шутку перепуганные владельцы дома и их гости, один из которых, к слову, лишился пальца, благодаря моей быстрой реакции.

— Ого... Даже так.

Ульрих поежился и, повинуясь древнему инстинкту самосохранения, который привык выставлять людей трусливыми сосунками, сжал пальцы обеих рук в кулак. Теперь он был похож на мальчишку, который впервые оказался на ринге и, не зная толком, как правильно себя вести во время боя, сжал кулачки. Разве что, он не подносил их к лицу. Даже наоборот. Он тут же спрятал руки под стол, чтобы они лишний раз не попадались ему на глаза.

Вскоре в коридоре зажегся свет. Это был совсем не тот мерцающий, прерывистый свет, к которому привык парень. Теперь он даже не мигал. Будто после того, как Ульрих поставил свою подпись в договоре все эти духи, призраки или попаданцы из параллельных миров, не сговариваясь, решили покинуть дом. Не так он представлял себе работу сумеречных чистильщиков, когда читал объявление в газете. Но с другой стороны, грех было жаловаться. Чем быстрее они выведут эту заразу, тем быстрее он вернется к своему привычному образу жизни.

Его внимание снова привлекла кружка Эвриалы, будто в его жизни не было других, более странных вещей. На самом деле, не было. Он никогда не видел фокуса с незаметным наполнением кружки водой, причем проворачиваемого за последние минут 10 ни один раз. Это был обычный фокус, только и всего. Тем не менее, Ульрих ни разу не видел ничего подобного, еще и при таких обстоятельствах.

— Я смотрю, вас интересуют чужие кружки. — Сфено улыбнулась и небольшая, смазанная гелем прядь, не выдержав её оскала, выпала на лоб из зачесанных назад волос. Она раскрыла небольшой черный рюкзак, который все это время был у неё за плечами, и спрятала туда копию договора. Внутри явно было что-то ещё. Ульрих предположил, что, должно быть, это оружие. Возможно, даже «старо-инновационное» оружие, вроде усовершенствованных флешеттов, которые в своё время скосили ряды своих же создателей.

«Invention française, fabrication allemande»...

Он хотел узнать поподробнее обо всех этих высокотехнологичных штуках: как и что работает, и главное — можно ли это создать самостоятельно. В прошлый раз, когда Ульрих решился задать вопрос «что это торчит из твоей сумочки», его задержали на минут 20, чтобы поведать историю о каждом предмете, который в нее поместился.

Перед глазами что-то промелькнуло. Это Сфено несколько раз щелкнула пальцами, будто бы выбивая искру.

— Ах да, простите. Задумался. Просто мой чай давно закончился, а у Эври...Эвриалы да? До сих пор нет. Странно это все. Как будто... Я знаю это глупо. — он понизил голос, боясь что кто-то ещё станет свидетелем его глупости. — Но такое чувство, что сущность, которая мне досаждала, пытается вас задобрить. Такое было в вашей практике?

— Хм. — она нахмурилась. Её щёки отливали румянцем, но только на скулах, будто кто-то надавал ей пощечин маленькими кошачьими лапками. Кто знает этих чистильщиков. Может быть, так все и было. Они необычно контрастировали с белоснежной кожей и ещё более светлыми волосами. Если бы не русые брови и ресницы, он бы решил, что у неё альбинизм.

Присмотревшись, обычные блондинистые волосы Сфено становились светло-серыми. Лампа теплого света придавала волосам желтоватый оттенок. На самом деле, в них не было ни капли желтизны.

— Это можно отнести к конфигурации предметов из подручной энергии или телепортации их же из других мест сущностью. Такое у нас бывало, но мы никогда расценивали это, как задабривание. Хм-хм...

Кажется, эта идея пришла ей по душе. Такое бывает, когда долгое время не замечаешь что-то удивительное под самым носом. Думаешь, что уж то, с чем имеешь дело не в первый раз, давно изучено тобой от и до, но стоит взглянуть на это что-то под другим углом, и оно вдруг расцветится новыми оттенками, которых нет в радуге.

Сфено быстро достала из рюкзака блокнот и склонилась над ним, положив его на колени, хотя в нескольких сантиметрах от неё был стол. Похоже, она не хотела, чтобы он увидел на его страницах то, что не должен был видеть.

— Не на том концентрируешься, Ульрих. — сказала она, продолжая писать в блокноте. — Я бы на твоём месте беспокоилась несколько о других вещах.

Из коридора донесся шелест. Топот маленьких ножек. Топот ног побольше. И... мяуканье.

Они обменялись многозначительными взглядами. Сфено вопросительно кивнула. Ульрих отрицательно мотнул головой. У него не было, ни собак, ни кошек, ни даже личного таракана, которого бы он подкармливал.

Как-то раз он даже пытался приручить женщину, прекрасно понимая, что она делает то же самое — приручает его. К сожалению, все закончилось не в его пользу. Она хотела, чтобы они жили вместе, и не просто вместе, а в его доме, потому что её однокомнатная квартира не идет с ним ни в какое сравнение. Он был бы даже не против, если бы не то самое, которое случалось с ним 1 раз в год. Он не хотел, чтобы проклятье перекинулось и на её голову. Ульрих не знал, как оно действует. Может быть, оно и не было способно навредить кому-либо, кроме него, а может, все было наоборот, и оно бы с радостью уничтожило всех, кого он любит, в том числе и Малию. Поэтому он отказался. Она же расценила это, как признак того, что он её использует, считает девушкой для утех.

Пусть так. Он это заслужил. По крайней мере, теперь она в безопасности.

В отличие от её кота.

Однажды Малия заявила к нему без предупреждения, как она обычно делала по субботам. Ульрих был уверен, что ложь о том, что в эту субботу он будет гостить у своей тётушки, удержит её от попыток попасть в его дом. Он ошибался. К субботе она напрочь забыла об этом. Малия нашла его свернувшимся в клубок под кроватью, когда полезла за мячиком, который внезапно выкатился из-за угла и покатился именно туда, где он прятался.

Собака? У него никогда её не было. Как и мячиков для игры с ней. Поэтому Ульрих пришел к выводу, что всему виной была та самая потусторонняя сила, которая пришла наведать его именно в этот день. Собственно поэтому он и соврал ей о том, что его не будет в городе.

Момент, когда её лицо, окаймленное копной русых волос, заглянуло под кровать, был началом конца. Ещё хуже стало от того, что специальная сумка для переноски кота, которого она с собой притащила, оказалась пуста. При другом раскладе он решил бы, что это у неё поехала крыша, а не у него, и никакого кота в сумке отродясь не было, но он своими ушами слышал, как тот завывает, словно чувствуя, что с этим домом не все чисто.

Потом завывания резко оборвались и он, как ошпаренный, выскочил на первый этаж. Ульрих понимал, что в этот день такое внезапное молчание могло означать только одно — с котом произошло что-то нехорошее.

Он исчез, хотя сумка была закрыта. С тех пор его больше никто не видел. Ульрих даже решил, что в том месте, где стояла сумка с котом, открылся портал, по какой-то причине поглотивший кота, но оставивший сумку. Как назло, он находился (если он вообще

существовал) прямо на диване в гостиной, поэтому ему пришлось сделать в ней небольшую перепланировку.

И вот теперь он слышит мяуканье.

Ульрих мотнул головой, развеивая дымку накативших воспоминаний. Это мог быть любой другой кот, незаметно прошмыгнувший в дом через открытое окно на кухне или через входную дверь, которая, судя, по сквозняку, тоже могла быть открытой. Но отчего-то ему вспомнился именно тот серый кот, который любил фокусничать, превращая обклеенные обоями стены в постапокалиптические инсталляции. Ровно год назад его последним фокусом стало исчезновение...

— Эвриала! Все нормально?! — крикнула Сфено, оглянувшись в сторону коридора, к которому она теперь сидела спиной. — Эври!

— Да-да! Пока все в норме. Я тут разведываю обстановку! Но если закричу «спасите!» то спасайте! — Ее голос доносился из темных глубин дома.

Если он вообще принадлежал ей. То, что поселилось в его доме, могло запросто сымитировать любой голос. По крайней мере, Ульрих был в этом уверен.

Он начал было беспокоиться о сохранности своих вещей, но вспомнил, что в португую много не упрячешь. Ему не хотелось думать о новоиспеченном экзо, как о потенциальном воришке, но она вела себя слишком дерзко для девушки, которая не рискнула бы взять все, что захочет, даже если оно уже принадлежит другому.

Сфено повернулась к Ульриху и слегла подалась вперед. Она заговорила тихим голосом, словно боялась, что её услышит тот, для кого это не предназначалось.

«Наверное, у всех сумеречных чистильщиков со временем развивается паранойя, из-за которой им постоянно кажется, что их кто-то подслушивает».

Ульрих даже начал ей сочувствовать. Чтобы сочувствие не осталось незамеченным, он наморщил лоб, приподняв брови у переносицы, и окинул её взглядом, мол «бедняга, не повезло тебе».

— Ты не думал, почему твои незваные... — она оглянулась в ответ на гул проезжающего мимо дома грузовика, — ...гости навещают сюда каждое 28 мая, ни раньше, ни позже? Почему не в другие дни? И почему теперь они затаились и решаются лишь на мелкие пакости, вроде завываний, фокусов со светом и хватания за ноги?

— Хм...хм... — он потер подбородок, уставившись на кружку, из которой пила Эвриала. У него были кое-какие догадки, но он побаивался их озвучивать, ожидая, что они начнут над ним насмехаться. Конечно, клиент всегда прав, но от снисходительных насмешек этот слоган точно не убережет.

— Мммм... — начал он, гадая, стоит ли ему делиться своими предположениями, и если да, то стоит ли рассказывать абсолютно все, или достаточно обрисовать ситуацию в общих чертах. Он стоял на типичном распутье человека, который может много чего поведать, но не знает, найдут ли эти истории отклик у аудитории.

Рука Сфено взметнулась вверх, как бывает, когда поднимаешь предмет, ожидая, что он будет намного тяжелее. В ней был зажат ствол игрушечного автомата с большим баллоном, наполненным водой. Она трянула им и в прозрачных баллонах заплескалась бесцветная жидкость.

— Эвриала! Ты забыла свое оружие! — закричала она громче, чем следовало бы. Ульрих поежился, представляя, как нечисть замерла где-то в темном уголке дальней комнаты, и устремилась в их сторону. Они затаил дыхание, прислушиваясь к посторонним шорохам. Её

напарница молчала.

— Эври...

Голова в тепловизоре вынырнула из темноты. Короткие черные пряди, едва доходившие до мочек, покачнулись, как от порыва ветра, и снова заняли вертикальное положение. Ульрих и Сфено вздрогнули от неожиданности.

— Эври, черт бы тебя побрал... — Сфено машинально положила руку на правую грудь, видимо, от испуга позабыв, что сердце находится несколько в другом месте.

— Ш-ш-ш... — девушка приложила палец к губам. Она стояла, прижавшись рукой от плеча до локтя к дверному косяку. Ноги и руки скрещены в позе, которая, судя по всему, выражала её недовольство. Окуляры тепловизора закрывали половину лица, поэтому это было единственным способом показать, что её что-то не устраивает. Через пару секунд она вспомнила о губах, и сжала их, слегка вытянув вперед.

— Сколько раз тебе говорила, не произноси подобные фразы. — прошипела Эвриала, засовывая книжку в прорезиненную петлю на поясе.

— Не драматизируй. — Сфено протянула ей водяной пистолет. Напарница никак не отреагировала, продолжая держать руки сложенными. Рука Сфено так и повисла в воздухе.

— Не знаю, говорила ли ты что-то обо мне, пока меня не было. Если говорила, то явно что-то плохое. — нахмурилась она. Тепловизор скрывал ее брови, но все чувствовали, что она именно нахмурилась. Такое можно считать даже по интонации. Она махом выхватила пистолет и прицепила его к спине.

— Взгляни лучше на это. — Эвриала оттянула полупрозрачную ткань юбки-накидки. На ней проступали затяжки, как на колготах в первый день носки, когда присаживаешься не на тот стул. — Какое-то мяукающее создание накинuloсь на меня. Правда, я, кажется, сначала наступила ему на хвост. Заказчик, почему вы не предупредили?!

Ульрих застыл с кружкой Эвриалы, приклеенной к лицу. Ему хотелось удостовериться в том, что это обычная вода, а не чай. Если бы это был чай, было бы странно, что кружка до сих пор полна, хотя он своими глазами видел, как она не раз к ней прикладывалась. Если же обычная вода, возникает другой вопрос — как она могла незаметно взять с плиты чайник, налить в него воду, разогреть и подлить в кружку?

Когда он разливал воду по кружкам, то вылил в свою последнюю каплю. Чайник был абсолютно пуст. Ульрих все время находился на кухне лицом к экзо. Единственным моментом, когда они оказались вне поля зрения, был тот, когда погас свет и его схватили за ногу.

Это была вода. Обычная вода комнатной температуры. И кое-что ещё.

Зубы противно скрипнули о что-то твердое. Хорошо, что он не додумался залпом осушить кружку. Это была бы глупая смерть.

На ладони лежала маленькая фигурка, которая тут же упала на пол, когда он понял, что это. Ульрих забрался под стол и принялся шарить руками. Если бы его сейчас спросили, зачем он это делает, ответа пришлось бы ждать годами или даже десятилетиями. И даже после долгих лет научных изысканий его ответ вряд ли был бы чем-то большим, чем «я просто должен и все». Дальнейшие расспросы закончились бы избиеением, потому что никому не нравится, когда ему задают один и тот же вопрос много раз.

— Опять прячешься? — голос Сфено вывел его из транса. Он осмотрелся — снова на коленях, снова под столом. Видимо, пытаться казаться крутым больше нет смысла. Ульрих вздохнул.

— Не то что бы. А...Вот оно.

Он вскочил на ноги и поднял руку, зажав фигурку между пальцев. Маленький платиновый ворон присел на ветку, чтобы отдохнуть. Разве он не находил его сегодня утром на полочке у входной двери? И даже положил в шкафчик в ванной...А потом все поплыло, и, кажется, фигурка выпала из руки. Зачем она преследует его? Может быть, потусторонняя сила не успокоится, пока он не отнесет её к остальным воронам...Именно это он и пытался сделать, пока его не стали мучить жуткие тактильные видения.

Снова пытаться счастье со шкафчиком в ванной не входило в его планы. Зеркало по-прежнему висело над умывальником, а значит, история могла повториться, только в этот раз все может закончиться куда плачевнее. С другой стороны, мысль о том, что нечисть действительно испугалась экзо, не давала ему покоя.

У него возникла идея. Если им не удастся избавить его от ежегодных мучений, каждое 28 мая он будет приглашать их на чай. Они обязательно решат, что он боится, а кое-кто, — он взглянул на выползающую из-под стола Эвриалу — даже попытается его высмеять. Тогда ему придется заставить ее замолчать...шантажируя деньгами. Они могут хорошо заработать на этом деле.

«Как же это убого». - он закрыл лицо, шлепнув по нему ладонью.

— Зачем ты бьешь себя? — теперь Эвриала стоял напротив, зажав тепловизор подмышкой. Сфено тем временем рассматривала кружку, из которой он только что выловил фигурку ворона. Не найдя там ничего интересного, она перевела взгляд на него с видом человека, который отвлекся буквально на секунду, и вернувшись, понял, что пропустил самое интересное.

— От нечего делать. — грубо ответил он. Её подколки, которые почти всегда звучат так, будто она всерьез чем-то интересуется и даже не думает шутить, начали выводить его из себя.

— Эй, я просто спросила.

Он отвернулся, решая, куда можно спрятать фигурку, чтобы она больше не доставала его своим внезапным появлением. Может, ему стоит что-то с ними сделать, раз призрак, сущность из параллельного мира или то, кем-то оно является на самом деле, вечно ему их подкидывает.

Фигурки с браслета его сестры...Возможно, сущность вытягивает из него самые яркие воспоминания и использует, чтобы поддевать его больные места, берedit затагивающиеся раны, и вытягивать через них его жизненную силу.

Он поделился с ними своими догадками.

— Хм...Интересный случай. Такое вполне может быть. — Сфено снова полезла в черный тактический рюкзак за блокнотом. — Происходило ли в этот раз что-то новое, что-то отличное от предыдущих годов? — спросила она, переворачивая исписанную страницу.

— М-м-м... — пока он размышлял, его организм предпочел просто издавать звуки, словно они могли заменить внятный членораздельный ответ. — Да. Разница есть. В этот раз оно... — он указал большим пальцем в сторону неосвещенного коридора, — стало терроризировать меня этими фигурками. Раньше было так. Каждое 28 мая, чаще всего утром, оно подкидывало мне одну из фигурок с браслета моей сестры. В этом году это уже второй раз, когда я на нее натываюсь. Может, это просто совпадение...

— Скорее всего, так и есть. — прервала его монолог Эвриала. Она прижалась спиной к дверному косяку, так, что стала напоминать египетскую фреску. Темнота в коридоре начала

поглощать её тело, и пока довольствовалась только половиной, которая была плохо освещена. Ульрих хотел было предупредить ее о том, что стоять там крайней опасно, но вспомнил, что она экзо, да к тому же ещё и вредная. Если кто-то цапнет ее за ногу и потащит вглубь неосвещенной части дома, то так ей и надо.

— Ульрих?

— Сфено? — он выпал из размышлений.

— Мы не снимаем индийское кино, Ульрих. Если есть еще какая-то информация, которую ты хочешь сообщить, валяй. Если нет, мы приступим к работе... Ах да. И еще вопрос. Твоя догадка... Если следовать ей, то должны быть болезненные воспоминания, связанные с этим браслетом. Есть такие?

Сфено занесла ручку над чистым листом блокнота, готовясь покрыть его чем-то очень важным.

Он знал, что этот момент наступит. Понимал ведь, что они начнут копаться в его личной жизни, его прошлом, всё, чем он не хотел бы делиться с незнакомками. А если бы все было иначе, он написал бы об этом книгу и издал большим тиражом.

Он вздохнул и вместо того чтобы ответить, принялся кусать губы, уставившись на пол. На самом деле он никуда не смотрел, и если бы в этот момент прямо перед ним помахали красной тряпкой, ничего бы не произошло. Его взгляд обратился вовнутрь в поисках того, чем он бы мог с ними поделиться, в поисках чего-то безобидного, того, что не вышло бы ему боком.

— Этот браслет был сделан на заказ по моему рисунку для сестры. Она потеряла его, чем очень меня разозлила. Вот и вся история. Кажется, сущность питается моей обидой и раздражением.

— Это многое объясняет. — Сфено захлопнула блокнот, оповещая этим об окончании чаепития.

— И ещё. — добавил он с задумчивым видом. — Это может быть связано с тем, что я не положил её ко всем остальным фигуркам в шкафчик в ванной.

— Стоит проверить эту нелепую теорию. Только скажи, где тут ванная. — Сфено встала и протянула ему руку, ожидая, что Ульрих передаст ей фигурку.

— Нет-нет, не надо. — замотал он головой, вспоминая утренний инцидент в ванной. Он понимал, что нужно позволить им делать свою работу, но в то же время боялся, что сущность одолеет их и тогда он снова останется с ней один на один. Боялся, что она напугает их до такой степени, что они просто уйдут через черный выход и больше никогда не вернуться. Он никогда раньше не нанимал экзо и не знал, чего от них можно ожидать.

— Я положу её сюда. — он распахнул дверцу шкафчика рядом с плитой.

Внезапно кухня наполнилась карканьем, скрежетом и хлопаньем крыльев. На полках извивалось что-то черное, которое явно пыталось стать цельным. Крылья то тут, то там выныривали из черноты. Краем глаза Ульрих заметил, что Сфено положила руку на модифицированные флешеты. Эвриала же зажала что-то небольшое в руке — он не успел рассмотреть что.

Черное нечто, состоящее из перьев и крика, пульсировало, извивалось, стучаясь о стенки шкафчика.

Ульрих захлопнул дверцу. Теперь шум стал несколько приглушенным. Дверца снова раскрылась. Два крыла отделились от каркающего пятна и взмыли к потолку.

— Хугин. — спокойно произнесла Эвриала и надкусила яблоко.

Еще один ворон с громким карканьем слетел с полки.

— Мунин. — добавила Сфено.

Еще несколько воронов вылетели из шкафчика. Двое из них даже немного повздорили, сцепившись когтями, и скрылись в черноте коридора так же, как и все остальные птицы. Пятно, которое только что трепыхалось на полке, исчезло.

— Слишком много даже для Одина... Вот что случается, когда не кладешь вещи на место. — Эвриала хрустнула яблоком и, спрятав одну руку в кармане, повернулась на 180 градусов и медленным шагом последовала за птицами.

Примечания:

Хугин и Мунин — пара воронов в скандинавской мифологии, которые летают по всему миру Мидгарду и сообщают богу Одину о происходящем. На древнеисландском Huginn означает «мыслящий», а Muninn — «помнящий».

Глава № 6. Алиса почти в зазеркалье

Как только вороны вылетели из «гнезда», их карканье растворилось в глубине дома, будто бы их и не было. Все время, пока они осматривали дом, до них доносились какие-то шорохи. Иногда они сопровождались звуком, похожим на хлопанье крыльев. А пару раз Эвриала даже слышала мяуканье. Она утверждала, что слышала его и раньше, но не так отчетливо, и продолжала настаивать, что именно кот (или кошка) напал на нее в одной из комнат и пустил стрелки на её полупрозрачной юбке, накинутой поверх штанов.

— Возможно, какой-то кот и забежал в дом. Тем лучше для нас. Кошачьи хорошо отпугивают нечисть. Вот и помогут загнать нам её в угол. — крикнула ей Сфено из соседней комнаты. Эвриала рыскала по дому в поисках испортившего ей костюм существа. Это занимало её даже больше, чем какая-то нечисть.

Этот кот сводил ее с ума. Зайдя в любую комнату и прислушавшись, она начинала слышать шорох, к которому ее сознание тут же дорисовывало клубок шерсти, играющий с пакетом, катающийся по полу или — вариант, который пугал ее больше всего, — готовящийся к очередному нападению на ее костюм.

Ульрих тем временем стоял, обхватив себя руками, и наблюдал за тем, как Сфено мелким глотками пьет воду, то и дело поглядывая в кружку. Она выглядела раздраженной, что его ни капли не удивляло. Он и сам проходил через это. Теперь они тоже слышат шорохи, которые любого довели бы до белого каления. Сначала их реакция даже стала его немного забавлять. Они реагировали подобно обычным людям, а не роботам, лишенным функции «бояться», как ему показалось сначала. Однако вскоре он понял, что в них обеих больше раздражения, чем страха, будто бы речь шла о надоедливой мухе, а не об опасной потусторонней сущности.

Как только начался осмотр дома, до него дошло, что пока они будут изгонять нечисть, ему придется сидеть где-нибудь в уголке и не мешаться. Но тогда Ульрих снова останется один, а именно этого он и хотел избежать. Это было основной причиной, по которой он их вызвал. Ему не особо верилось в то, что кто-то придет и выведет из его дома всю нечисть, словно расплодившихся тараканов. И мало того, что выведет, главное — напугает ее до такой степени, что она решит в него больше не возвращаться. Всё лучше, чем в очередной раз страдать одному.

— Так и с ума сойти можно. — пробормотала Сфено. Её брови сошлись на переносице и не хотели расходиться, пока не вмешался Ульрих.

— Вы ещё даже не видели его или её... В общем, ту сущность. Так что, не спешите пугаться.

Если раньше в такие дни он чувствовал себя слабым, беспомощным трусом, то теперь, наблюдая за тем, как они сталкиваются со всем впервые, он вырос в своих глазах до уровня эксперта по части сюрпризов этого дома. Конечно, каждый год сущность вносила в репертуар новое номера. Например, раньше она никогда не хватала его за руку, когда он пытался положить что-то в шкафчик. Шорохи же стали чем-то вроде отличительной черты бренда.

Многие сочтут, что в этом нет ничего такого, к чему трудно было бы привыкнуть. По факту же они держали человека в состоянии вечно растущего напряжения. Лампочка в таком случае рано или поздно перегорает. С человеком действует тот же принцип. Каким бы

сильным он ни был, наступает момент, когда в голову начинают закрадываться суицидальные мысли. Если бы все это продолжалось не один день в году, а происходило ежедневно, он бы давно пустил себе пулю в лоб...

— Его...её...Кто это?

— Я не знаю, кто это. Он или она. Внешне похож на мужчину, но голос...Чаще всего он женский, такой, что пробирает до костей. И что странно, он будто исходит из моей головы. Это самое неприятное. В такие моменты хочется ее себе разmozжить и покончить с этим раз и навсегда. Один раз я почти так и сделал.

Её рука, зажимавшая кружку с противоположной стороны от ручки, остановилась на полпути и резким движением вернула её на стол. Сфено внимательно осмотрела каждый миллиметр его лица. Глаза перестали блуждать и остановились где-то слева, в районе его правого глаза.

Она осторожно, еле ощутимо дотронулась пальцами до его виска. Её руки по-прежнему были обтянуты перчатками, отчего ему казалось, что всех кроме него предупредили о надвигающейся пандемии.

— Теперь вижу.

— Видимо, длинные волосы плохо выполняют свою функцию. Его недолжно быть видно. — ответил он, потирая шрам, занимающий всю височную часть и немного заходящий на скулу. Пока она рассматривала его лицо, Ульрих тоже кое-что заметил.

Из-под закрученных вверх коротких прядей выглядывала изогнутая змейка. Она скользила по её шее, уставившись прямо ему в глаза. Казалось, она шипит, показывая ему свой маленький раздвоенный язычок.

— Что-то случилось? — спросила Сфено, заметив, как его лицо на мгновение перекосило, будто он увидел за ее спиной что-то страшное. Она оглянулась.

— Нет, ничего. Просто я подумал...Э...Что-то услышали?

Он решил не рассказывать, что татуировка на шее сначала показалась ему настоящей змеёй. Не хотелось казаться трусом, хотя он чувствовал, что вызвав их для выполнения грязной работы, он уже признал, что боится. Но трусость ли это или здравый смысл? По прошествии стольких лет его по-прежнему мучил этот вопрос.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вы первые люди, которые узнали о моей проблеме, и, скорее всего, вам придется разделить мою участь. Теперь вам слышатся шорохи, и кажется, что кто-то дышит вам в спину, что вас вот-вот накроет чья-то тень. Мне это знакомо. — Он прислонился спиной к шкафчику и тут же отпрянул, несколько раз оглянувшись назад. — Извините нервы ни к черту. Сфено понимающе кивнула. — У меня появилось одно предположение. — продолжил он. — Возможно, каждый слышит что-то своё. Я уже говорил, нечисть использует ваши страхи настолько, насколько вы ей позволяете. Эвриале мерещатся коты, а что слышите вы?

— Треск. Такой, который слышишь, как пламя поглощает что-то... — она резко повернула к нему лицо. Сфено смотрела на него и не смотрела одновременно. Её сознание блуждало где-то далеко, возможно, в воспоминаниях, о которых она давно позабыла. — ...или кого-то.

— Треск костра... Да вам повезло. Похоже, вы ему нравитесь. — сказал он, пытаясь разрядить обстановку.

— Вы не понимаете...

Она сморгнула то, что накатило на нее прочь, и её лицо снова приняло вид слегка

надменного спокойствия, с которым она появилась на пороге его дома.

— Видимо, да. — заторможено ответил он, попутно обмозговывая, какая личная трагедия кроется в глубине её серо-зеленых глаз.

Ульрих шагнул в сторону коридора и тут же вздрогнул, застигнутый врасплох громким гулом. Сфено мигом выхватила из пояса модифицированную флешетту и завертела ею перекидывая с одного пальца на другой, как искусный фокусник. Ему даже показалось, что внутри неё что-то светится, причем это видение одолевало его, только когда стержень на доли секунды оказывался повернутым одним из концов в его сторону. Это напомнило ему о школьных временах, когда одним из его увлечений была астрономия. Все произошло так быстро, но в его голове это занималось, как минимум, минуты. Он даже успел подумать о том, как все эти фокусы Сфено напоминают ему о пульсарах.

Над их головами вертелись большие лопасти подвесного вентилятора.

— Что случилось? — в дверном проеме появилась Эвриала с водяным автоматом наизготовку.

— Кажется, приведению заказчика мы пришлось по душе. Сначала чай. — она подмигнула, — Теперь вот вентилятор включил, чтоб нам не было жарко.

Гул прекратился. Рука Ульриха лежала на выключателе. Лопасты снова завращались, громко рассекая воздух. Он снова нажал на выключатель.

— Теперь понятно, почему у тебя с ним проблемы. Ты же не даешь ему ухаживать за тобой. Оно просто пытается быть любезным. — с укоризной произнесла Эвриала.

— Ухаживать? — Ульрих ошалело глянул на нее через плечо, продолжая держать руку на выключателе. — Вас подкинет в воздух и исколошматит на мелкие кусочки. Зачем мне нужны мертвые экзо? Нет, ну если вы ведьмы, то сможете собрать свое тело заново. Только близко друг к другу не стойте, чтоб вы не перемешались. А то потом кому-то достанется чужая голова.

Он скривил губы в ехидной ухмылке, наблюдая за их реакцией.

— По-твоему, современные ведьмы на это способны?

— Я с ними знаком...

По его лицу пробежала тень сомнения, словно он размышлял, стоит ли ему раскрывать все карты, или эта информация слишком личная. Он давно ни с кем не говорил по душам и привык, что у стен в прямом смысле есть уши и даже мозг, который записывает все, что бы он не произнес, чтобы позже использовать данные против него.

В комнате снова повеяло прохладой, слетающей с лопастей вентилятора. Девушки уже даже не вздрагивали, а просто поглядывали вверх каждый раз, когда он включался.

— Знал одну...Её фото на столике в зале.

Всё стихло. Лопасты замедлили свой ход и остановились. Ульрих медленно мотнул головой, отвечая на их немой вопрос, — он ничего не трогал.

На полу в коридоре Эвриала нашла опрокинутое зеркало. Она хотела повесить его на гвоздик, который торчал из стены, но когда перевернула его отражающей стороной, поняла, что его лучше не трогать.

Оно было полностью покрыто копотью.

Она провела рукой. Ничего не произошло. Темные разводы, которые появились, то ли от костра, то ли от того, что кто-то усердно водил свечой по зеркалу, никуда не делись. Красная ткань на перчатках по-прежнему оставалась красной. Убедившись, что рядом никого нет,

Эвриала сняла перчатку и провела пальцами по черному стеклу. Все чисто. Еще раз осмотрев его со всех сторон, ей пришлось сделать неутешительный вывод — зеркало было закопчено изнутри.

Может быть, дело как раз в нём? Сидит, понимаешь ли, внутри зеркала какая-то потусторонняя чебурашка и издевается над бедным самаритянином с большим сердцем на кофте, а, возможно, и не только на ней. У неё возникла идея попробовать разбить его, чтобы разгадать «технику копчения» зеркал изнутри, но побоялась, что оно окажется раритетом. Тогда ей придется отбиваться от заказчика чем-то посерьёзней водяного автомата.

Она нащупала за спиной щипцы, предназначенные для обезвреживания живых существ, будь то человек или собака, одержимых опасной идеей, вроде накинуться на кого-то с топором или позвонить ей в воскресное утро. И хотя одержимой собаке достаточно просто накинуться, некоторые недружелюбные существа не от мира сего предпочитали выдумывать что-нибудь этакое, а не просто управлять чужим телом.

Достаточно нажать на панель на внутренней стороне ручек, чтобы активировать подачу электричества. Именно поэтому её перчатки были хорошо прорезинены. Но, чёрт, как же в них было жарко!

Её пальцы скользили по черно-серой поверхности зеркала. Оно было теплым, как кружка с остывающим чаем. Рука остановилась. На секунду ей показалось, что она начинает прилипать.

— Не паникуй. — прошептала Эвриала и опустила тепловизор на глаза. Зеркало было покрыто красными пульсирующими пятнами.

«Где обычно появляется сущность?..Да везде...А поподробнее...»

Она вздрогнула. Это были всего лишь голоса её ментора и заказчика, доносившиеся откуда-то со второго этажа.

Она отдернула руку, вернее, попыталась — та словно приросла к зеркалу. Эвриала встала на него ногами и попыталась оторвать руку от поверхности. В ладони покалывало. Под ней ощущалось какое-то движение. Кажется, стекло стало горячее.

— Раз, два, три-и-и... — она резко дернулась вверх, обхватив запястье приклеенной руки. Копоть пошла волнами. Эвриала сняла тепловизор и отпрянула. В черноте начали проступать красноватые оттенки, и чем ярче они были, тем горячее становилась поверхность.

Прихожая наполнилась запахом горящего дерева. Ноги тоже оказались прочно приклеенными к зеркалу.

— А вот теперь можно паниковать... — Она сняла сандалии и попыталась достать из-за спины водяной автомат. — Теперь я выгляжу как страус...Ай...

Чернота раскалялась. По краям появились маленькие языки пламени. Они стремительно охватывали все зеркало, разрастаясь вверх и вширь. Звать на помощь кого-либо она не собиралась. Если её застанут в такой позе, Сфено будет напоминать ей об этом до конца жизни. Если же она сгорит, никто не узнает об её позоре. Отличный план.

— Все нормально?! — сквозь сгущающийся дым до нее донёсся голос Сфено.

— Да! Кхм-кхм...Все отлично! — ответила она, прикрыв лицо подолом накидки.

— Выглядит, как типичный дом с приведениями. Слишком мрачноват. — голос Сфено приближался в такт шагам.

— Ну спасибо... — обиженно буркнул Ульрих, спускаясь за ней следом. Он сам продумал дизайн в стиле минимализма. В нем не было ни намека на мрачность: светлые

стены, украшенные картинами и фотографиями, диваны, накрытые пледом, светло-коричневый отполированный паркет и многое другое, никак не сочетаемое со словом «мрачность». Ну разве что теперь, когда в доме творится чертовщина, да еще и ночью, комнаты действительно кажутся слегка мрачноватыми.

— По мне так обычный дом! — крикнула в ответ Эвриала, наставив на охваченное пламенем зеркало водяной автомат. Получив обильную порцию воды, оно зашипело, испуская клубы пара. Ей удалось погасить пламя. Капли воды забегали, как на раскаленной сковородке. Через пару мгновений по краям зеркала снова появились оранжевые языки.

— Я могу делать это целую вечность... — прошептала она, готовясь выпустить очередь «выстрелов». В очередной раз потянув за руку, Эвриала обнаружила, что она больше не приклеена к зеркалу. Эвриала попыталась удержать равновесие, но ноги по-прежнему не двигались с места. Она упала на спину, перевернув зеркало вертикально полу. В глазах потемнело. Вздох облегчения был прерван огнем, охватившим ее ноги.

— Говорила мама, не носи синтетику. — буркнула она себе под нос.

Эвриала расцепила ремешки сандалий и отползла к ближайшей стене. Несколько огоньков стремительно поднимались вверх по её полупрозрачной юбке-накидке. Похлопав руками по ногам и туловищу, она покрутилась, чтобы убедиться, что больше не горит. Дымок витиеватыми струйками поднимался от огрызков накидки.

Бороться за свою обувь было бессмысленно. Эвриала была уверена, что как только вода испарится, зеркало тут же наполнится пламенем. К тому же, оно уже наполовину сожгло её сандалии. Ей оставалось только выйти на берег моря и развеять пепел по ветру.

Как и ожидалось, как только с ними было покончено, огонь погас, словно его отключили за неуплату. Несколько ярко-оранжевых языков пламени изогнулись и начали шарить в поисках чего-нибудь съедобного в радиусе размером со среднестатистический тапок, и не найдя подходящей кандидатуры, стремительно всосались обратно в зеркало. Дым последовал их примеру.

Эвриала принялась. Прихожая снова наполнилась уже знакомым запахом чужого жилища. Она даже не могла ассоциировать его с чем-либо. Это была просто смесь запахов, на которую наталкиваешься в чужом доме.

Оперевшись на локти, она с жалобным видом взглянула на то место, где еще пару мгновений назад стояла её обувь и провела рукой по обугленным остаткам накидки.

— Цельность образа нарушена. — уголки её рта обиженно опустились, словно на огонь или на того, кто стоял за ним, можно было обидеться. Образ был продуман до мелочей и рассчитан на то, что пока она не уверена в своих силах и не знает, не удерет ли она от страха, встретившись с трудовой рутинной экзотикой, он будет играть роль щита. Говорят же, хочешь стать успешным, купи костюм успешного человека. И выплаты за него кредит без задержек.

— Почему ты босая?

Рядом с лестницей стояла Сфено. Заказчик с любопытством выглядывал из-за ее плеча.

— Почему я лежу на полу, тебя не интересует?

— Ты решила отдохнуть. — подкинула ей идею ментор. Она подмигнула и продолжила. — Но почему ты босая?

— Уверена у тебя и на этот вопрос есть свой ответ.

Сфено отрицательно покачала головой и сложила руки на груди. Эвриала вздохнула.

— Спроси у этого зеркала, кто на свете всех милее, и узнаешь.

— А точнее? — вмешался Ульрих. Он вынырнул из-за плеча Сфено и протянул ей руку.

— Кажется, нечисть заказчика больше не питает к нам симпатии. Ко мне больше нет.

— А точнее? — голос менторши повысился на пару тонов, а её брови сдвинулись на пару миллиметров.

— А точнее... Она хотела сделать из меня удобрение для клумбы Ульриха.

— И какой из этого мы сделаем вывод? — строго спросила Сфено.

— Эм... — Эвриала потёрла переносицу и наконец ухватилась за руку Ульриха, которую он так и не убрал, игнорируя её игнорирование его руки.

Поднявшись, она оторвала часть остатков ткани, которые ещё минуту назад составляли переднюю накидку. Задняя оказалась почти нетронутой. К счастью, черные штаны под ними тоже не пострадали.

— Нечисть — призрак садовника, который ранее жил в этом доме? Видимо, кто-то растоптал его розы и теперь он мстит.

— Правильный ответ: правило № 3, пункт первый — если что-то пошло не так, всегда звать на помощь своего напарника.

— А если на кону репутация?

— Всегда звать на помощь...

— Да-да... Своего напарника.

Примечания:

Пульсар можно засечь на небе только тогда, если его луч направлен в сторону наблюдателя.

Глава № 7. Не буди злую птицу

Сфено пыталась несколько раз поддеть зеркало и передвинуть его за входную дверь, чтобы пламя не сожгло весь дом и их вместе с ним, заблокировав окна и двери. Естественно она не стала озвучивать причину вслух. Все понимающе кивнули — у стен есть уши. Сфено хороша в подкидывании идей, но подкидывать их потенциальному убийце было бы опрометчивым поступком.

Размышляя об инциденте с зеркалом, у нее возникла догадка об источнике фантазии нечисти. Сущность вряд ли сама своим трансцендентным умом дошла до идеи поджарить кого-то, пригвоздив к зеркалу. Во всём виноват телевизор.

— Ты говоришь, как моя бабушка. — ответила на это Эвриала и обула пушистые розовые тапки, любезно предоставленные Ульрихом.

— Они не мои. — на всякий случай предупредил тот.

— Но они тебе понравились, и ты оставил их себе. Не стесняйся своих вкусов. Они очень мягкие и удобные. Тапки. Я имею в виду, тапки очень мягкие и удобные. Спасибо.

Его глаза сузились, пытаясь высмотреть в улыбке и морщинках у глаз, которые на мгновение появились, когда она улыбнулась, хоть намек на издевку. Ничего не вышло. То ли ее ирония была слишком тонкой, что даже он, готовый к подвоху 24 часа 7 дней в неделю, не смог её уловить, то ли её там и не было.

— Эти тапки... А хотя...

Ульрих понял — спорить бесполезно. С печатью нескончаемого терпения на лица он сжал губы и вздохнул, уставившись на стену за её спиной.

Эвриала прошлась взад-вперед. Подошва тапок шлёпала о ступни всякий раз, когда она поднимала ногу. Всего одна деталь полностью аннулировала её крутость и сделала её довольно нелепой. Эти розовые пушистые тапки никак не сочетались с красными окулярами тепловизора на лбу, ни с её красно-черным костюмом. Она понимала, что и раньше выглядела почти как персонаж аниме, но дресс-код сумеречных чистильщиков хотя и не подразумевает ношение одинаковой формы, предписывает, чтобы костюм включал символ экзо «Н», как в уменьшенном, так и в увеличенном варианте, и в целом был эпатажным или, как минимум, привлекающим внимание. Зачем все это? Создатель первой компании по отлову и выведению нечисти, говорил, что экзо должны привлекать внимание людей, чтобы те могли обратиться к ним за помощью, и потусторонних тварей, чтобы проще было выполнять свою работу. Эвриала сомневалась в том, что последних действительно волнует, во что одета потенциальная жертва, но если волнует — у неё есть все шансы снова стать ею по причине крайней нелепости её наряда.

«Надо же, я умру из-за розовых тапочек с помпончиками». - пробормотала она.

— Уже готова бежать? — спросил Ульрих. Он стоял, облокотившись на дверь шкафчика, сложив руки прямо на вязаном красном сердце.

Она бросила беглый взгляд на его свитер и подумала «по крайней мере, умру не в одиночестве». Но ведь умирать с кем попало тоже не станешь. Это всегда приятнее делать в хорошей компании. Она хотела спросить его, считает ли он себя хорошей компанией, но вовремя остановилась — этот вопрос только бы дополнил её глупый вид. С другой стороны, её образ снова стал бы цельным. Только вот совершенно другим.

— С тобой? В любое время дня и ночи. — ухмыльнулась она. Если Эвриала не

понимала, о чём её спрашивают, то старалась ответить шуткой, чтобы никто не догадался, что она не курсе дела. Если человек не знает, что ты о чём-то не знаешь, у него будет меньше шансов тебя обмануть. Так говорила её ментор.

— Очень смешно. А если серьёзно? Ты выглядишь, как новичок. — Ульрих вскинул палец вверх, удерживая её от поспешного ответа. — Как подготовленный новичок, который пока производит хорошее впечатление.

— Так-то лучше.

— Я подумал, после того инцидента с зеркалом, ты захочешь уйти. Если так, я все пойму. — он медленным шагом подошёл к ней. Эвриала тем временем осматривала свою портупею, вернее, то, что было в ней. Нижние края листов в книжке слегка обуглились вместе с обложкой.

— Гадство... — шепнула она, нахмурившись. Заметив, что Ульрих, пытается разглядеть «содержимое» книги, Эвриала захлопнула её как можно громче и ближе к его носу. — Не дождётесь, заказчик.

Она достала из металлического портсигара, который носила в портупее рядом с книжкой, самокрутку, и зажала её одними губами. Противоположный конец опустился вниз и загорелся от зажигалки, которую она вытащила из-за спины.

Ульрих принялся. По гостинной разлился уже знакомый, немного тошнотворный запах. Его подсознание подкинуло ему пару моментов из далекого прошлого, один из которых был во времена его проживания в студенческом общежитии. Однажды ему срочно понадобилась капуста, и он обошёл 4 комнаты, прежде чем нашёл ту, в которой дружелюбно настроенные парни одолжили ему небольшой кочан. В комнате было надымлено. Поперек кровати, опершись головой о стену, лежали трое. Рядом с ними стоял бонг. Они листали какой-то журнал, перекидываясь короткими фразами и хихикая.

— У меня один вопрос. — сказала она, не доставая изо рта сигарету. — Почему ты ходишь летом в свитере?

— Совсем забыл. Ночью мне обычно становится холодно. Тем более, сейчас только конец мая. Но я могу переодеться.

Он огляделся. На спинке дивана валялась его красная футболка. Эвриала с хитрой улыбочкой наблюдала за тем, как обнажается его торс. Её вскинутые брови резко сошлись у переносицы. Она точно слышала шум. Как будто что-то упало и покатилося.

Ульрих замер.

— Все нормально! Мне кое-что показалось, но все хорошо! Ваза не пострадала! — донесся до них голос Сфено. Правило № 4 кодекса экзо: никогда не беспокой своего напарника без веской причины. В её понимании «не беспокоить» значило постоянно докладывать о том, что с ней всё в порядке.

— Продолжай. — махнула рукой Эвриала и тут же добавила, нервно трогая волосы. — Э...Я хотела сказать, заканчивай и идем осматривать кухню, если не хочешь остаться здесь один.

— Мы же уже там были.

Ульрих натянул на себя футболку. Эвриала затянулась, испытывая странную смесь чувств — успокоение, с примесью радости и сожаления. Последние два, как ни странно, касались его груди. Она явно была больше, чем у неё.

«Хорошо это или плохо? Эйнштейн не лгал. Все относительно».

— За это время там многое могло измениться...Слышишь?

— Что я должен слышать? — Ульрих огляделся по сторонам. Зеркало лежало у самого входа в тазике с водой. Щипцы или, как их называла Эвриала, электрозажим, пригодились для перетаскивания зеркала в тазик. На всякий случай она несколько раз пропустила через него ток. Сфено предположила, что если зеркало снова загорится, вода начнет испаряться, и они услышат характерное шипение. Пока оно не подавало никаких признаков жизни.

Где-то сверху хлопнула дверь. Послышался скрип половиц и сразу же тихий писк открываемой двери.

— Твоя менторша решила осмотреть все от и до. Теперь она точно знает, где лежат мои трусы. Не знаю, чем это поможет, но...

Эвриала шикнула, поднеся палец к его лицу.

— Если ты хочешь проткнуть, мне глаз, у тебя это почти получилось.

Она снова шикнула.

— Это какой-то эксперимент? — без тени иронии спросил он.

— Неужели ты не слышишь?

— Да что не слышу?

— Мяуканье! — раздраженно прошептала она, — Эта маленькая дрянь испортила мне накидку...

Её глаза налились нездоровым блеском. На секунду Ульрих даже подумал, что это ему пора бежать, а не ей. Слегка подрагивающими руками она прислонилась к вискам и медленно стала сгибаться, будто её ударили прямо в живот, и все, что последовало после этого, решили показать вам в замедленной съёмке. Стоило ему дотронуться до её спины, как она рванула к выходу.

Он последовал за ней. Ему не хотелось надолго оставаться одному в комнате. Нечисть могла специально производить эти звуки, чтобы выманить экзо, сделать так, чтобы он снова остался один на один со своими страхами.

Он бежал по плохо освещенному коридору, боясь выпустить из поля зрения заднюю часть полупрозрачной накидки с двумя красными вертикальными полосами. Она хлопала и извивалась, стучаясь оплавленными краями об икры ног в такт шлепкам тапочек о пятки.

Ульрих в который раз пожалел, что не купил дом поменьше, и тут же вспомнил, что покупал для двоих. Девушка не выдержала помутнения рассудка, которое мучило его каждое 28 число 5 месяца. Она боялась, что со временем у него начнётся обострение и однажды оно начнет перекидываться на другие дни, и не остановится, пока он не станет полоумным 365 в году, включая дополнительный день в високосный год. Он с пониманием отнёсся к её решению расстаться. У неё были на то причины. Её отец закончил свои дни в психиатрической клинике, поэтому присутствие Ульриха приносило ей двойную порцию боли. Он стал дня её повторением тяжелого периода жизни, который ей не хотелось повторять.

Перед тем, как зайти в комнату, в которую, судя по всему, и забежала девушка, он на мгновение задержал руку у двери, всматриваясь в щель между ней и косяком.

— Там всего лишь прошмыгнувший в дом надоедливый кот. Вот и все. — сказал он себе и зашёл внутрь.

В комнате было темно. У штор ментолового цвета, собранных по бокам подвязками, стояла Эвриала. Ульрих очень надеялся, что это была она.

Короткие черные пряди на ее голове сливались с фоном за окном. За ним ничего не было, словно они телепортировались в самую темную, необитаемую часть космоса,

настолько далекую, что даже свет первых звезд ещё не успел приблизиться к этому месту.

Когда его глаза начали привыкать к темноте, её фигура, до этого момента черная, как обугленная головешка, стала походить на черно-белый пазл, словно она состояла из разноцветных смазанных сегментов. Пара черных деталей по бокам — вероятно, руки. Одна большая черная деталь посередине, и еще два светлых участка между ними. Прошло ещё немного и его глаза стали различать светлую полоску шеи под волосами. Судя по тому, что выше шёл черный пазл, — она стояла к нему спиной.

Окно медленно, со скрипом распахнулось наружу. В комнату ворвался шелест листьев и приглушенные раскаты грома, оповещающие о дожде, который подступал к горизонту.

Фигура отпрянула. Несколько прядей отделились от копны волос и затрепетали под порывом свежего ночного ветра.

— Да включи ты свет! — с упреком сказала фигура голосом Эвриалы, — Или я сама включу.

Последние слова прозвучали как угроза. Два красных окуляра сверкнули в его сторону. Страх сменился облегчением. Нечисть не стала бы просить о таком — это же нелепо. Хотя вряд ли потусторонняя сила, затаившаяся в его доме, взяла б это в расчет.

Пальцы нащупали кнопки выключателя. Свет резанул по глазам. Ему даже пришлось сделать козырек из ладони и прищуриться.

— Это ты её сюда принес? — как ни в чем не бывало спросила Эвриала и стянула с глаз тепловизор. В распахнутой ладони лежала уже знакомая фигурка спящего ворона.

— Нет, ты же видела, я положил её в шкафчик.

— Хм... Есть лупа? Хотя ладно. Чует мое сердце, это лучше не трогать.

Она положила фигурку на подоконник и направилась к выходу. Ульрих поежился. И зачем он только снял свитер. Это окно открывается и закрывается, когда ему вздумается. Когда она с ним поравнялась, он схватил её за плечо.

— Ради этого ты сюда бежала?

— Выходит, что да. — задумчиво ответила она. — Я больше не слышу мяуканья. Мы, конечно, можем взять этого ворона и попытаться расплавить. Может, тогда все прекратится... А что, иногда все проще, чем мы думаем.

Его лоб рассекла вертикальная линия. Взгляд плавно переходил от одной точки к другой, пока не достиг потолка. Ветер, влетающий сквозь распахнутое окно, вылетал обратно во двор, унося с собой запах жженой марихуаны.

— Тогда... — медленно произнес он, гадая, чего ему будет стоить это решение. — Придется сходить в ванную и забрать все остальные фигурки из шкафчика.

— Только сжигать их лучше подальше от твоего дома, чтобы эта территория не стала проклятой. Мало ли. — начала развивать мысль Эвриала. — Где-нибудь на пустыре... Принеси их. А я пока предупрежу Сфено.

— Так бы и сказала, что хочешь сбежать.

Он злорадно усмехнулся, мысленно хихикая. Ему даже стало противно от того голоса, который зазвучал в его голове.

Помня о событиях этого утра, Ульрих опасался даже приближаться к ванной комнате, пока там висит зеркало. Он переносил свой страх на Эвриалу, представляя, что это она всего боится, а не он. А если ещё немного надавить, он даже сможет на слабо вынудить её сбежать за остальными фрагментами браслета. Но тогда Ульрих снова останется один. Значит, сначала нужно известить Сфено.

Пока он размышлял о том, как бы все ловко повернуть, не выказав страха, Эвриала возмущалась его постыдными предположениями.

— Слушай сюда. — она встряхнула его за плечо, тем самым выводя из раздумий. — Ещё раз скажешь, что я хочу сбежать и я... — её взгляд остановился на его глазах. Ему показалось, что её глаза налились синевой, которую он раньше не замечал. Они стали полупрозрачными, как два маленьких чистых озера.

По ним вдруг прошла рябь. Он тряхнул головой, чтобы отогнать это наваждение.

«Ты сходишь с ума». - звучал в голове все тот же противный голос.

Ее подбородок поднялся и опустился, будто бы её внезапно озарило каким-то открытием.

— ...Я сделаю так, что ты останешься в комнате один, пока мы с ментором будем выполнять свою работу. На ЦЕЛУЮ НОЧЬ.

Она поставила сильный акцент на последних словах, от которого у Ульриха ёкнуло в груди и чуть пониже.

— Я заказчик...и я решаю... — оторопело произнес он, делая большие паузы между словами.

— Ш-ш-ш. — ответила она, поднеся палец к его губам. — Слышишь снова...

— Опять мяуканье?

Эвриала закружилась на месте, высматривая источник звука. Повернувшись на 180 градусов, она остановилась. Он выглянул из-за её головы. На подоконнике сидел ворон, как иногда сидят голуби на асфальте в разгар жаркого лета. Глаза были закрыты, а голова опущена на крыло. Блестящие черные перья переливались пол светом лампы. Он то и дело ворочался и издавал тихие покаркивания, словно его мучили кошмары, но проснуться у него не получалось. Ворон поежился от прохладного ночного ветра, который теперь свободно разгуливал по комнате, и застыл.

— Исходя из моего богатого опыта, его лучше оставить одного. Тем более, оно только принимает знакомые образы, с которыми связаны травматические переживания.

— Мне нравится твоя версия. Возможно, ты даже прав. — шепнул она, повернув голову в сторону. — Но все никак не могу понять, почему оно выбрало именно этот образ. Бывают ситуации и пострашнее потери подарка.

— А ты сама у него спроси. Это твоя работа.

Девушка кивнула и сделала шаг вперед. Они содрогнулись от грохота, с которым захлопнулись створки окна. В комнате снова стало тихо: звуки улицы отрезало стеклом, разделяющим мир на две части. Ворон только недовольно каркнул, раскрыв крылья, и вернулся к прежней позе.

Эвриала медленным шагом направилась в его сторону. Как она не старалась, задняя часть тапок шумела, стучаясь об пятки. Она разулась и продолжила путь босиком.

— Эври...

Она вздрогнула, и ответила полушёпотом, не оборачиваясь:

— Ну?

— Будь осторожна.

Эта реплика настолько её ошарашила, что она даже повернула голову и туловище, не отрывая ног от ковра. В ответ Ульрих получил гримасу негодования — распахнутые глаза и скривленные поджатые губы, мол «и ради этого ты чуть не довел меня до инфаркта?». Он видел, как ее рука сняла с портупеи что-то вроде резинки для волос. Она опустила на глаза

теповизор и надела резинку на пальцы, будто собиралась завязать волосы в хвост.

Когда Эвриала подошла настолько, что могла дотянуться до птицы, она развернулась полубоком, чтобы заказчик видел, что она делает. Рука с резинкой на костяшках пальцев зависла на вороном. Птица разлепила один глаз и сфокусировала его на источнике, нависшей над ним тени. Каркнула и снова сделала вид, что спит.

Протяжный вздох наполнил комнату. Черная бусинка, окантованная желтой лентой, забегала из стороны в сторону. Она проследила за тем, как рука Эвриалы с парализующим оружием опустилась. «Резинка» вернулась на место в портупею.

— Что-то случилось?

— Я не могу причинить боль птице, которая мирно спит на подоконнике. — прошептала она с расстроенным видом. — Думаю, ты прав, нам лучше ее не трогать.

— Но это же не птица. Нечисть только использует этот образ. Ты и сама знаешь.

— Я не могу воевать с ней, пока она не нападает. Вот если бы этот ворон попытался выклевать нам глаза.

— Тшш... — замахал руками Ульрих. Глаз-бусинка остановилась на его лице. Зрачок начал расширяться, словно ворон его узнал. — Зачем ты подаешь ему идеи? Сами же говорили...

Эвриала приложила палец к губам. Даже не видя её верхней части лица, которую скрывало устройство, он понял, что она что-то задумала.

«Если она сама справилась с зеркалом, стоит довериться».

Её рука, теперь уже без резинки, снова потянулась к ворону. На этот раз ладонь всего на мгновение зависла над головой птицы, и осторожно опустилась на её тельце. Ворон никак не реагировал. Она с восторженной улыбкой взглянула на Ульриха, продолжая гладить птицу от головы до хвоста.

— Может, и мне попробовать. — пожал он плечами. Его стало мучить подозрение, что эта птица самая что ни на есть настоящая. Возможно, она залетела внутрь, когда окно в очередной раз открылось и закрылось по очевидным причинам. Не хватало ему ещё страдать от призрака убиенной птицы.

— Хороший, хоро...

Глаз раскрылся и вытаращился на Ульриха. Эвриала изогнулась, и застыла, точно через неё пропустили ток. По телу пробежала дрожь, которая тут же перешла в конвульсии. Запрокинутая голова втянула в себя воздух, как у вынырнувшего пловца. Рука оставалась лежать на тельце ворона, который, как и раньше, не двигался, а только с явным напряжением смотрел то на неё, то на Ульриха.

Девушка явно пыталась что-то сказать, но изо рта вылетал только хрип с тихим завыванием. Она рухнула на колени.

Ульрих топтался на месте, кусая костяшки пальцев. Что он может сделать? Нельзя дотрагиваться до них. Вдруг этот припадок перенесется на него, подобно разряду тока. Позвать Сфено? К тому времени Эвриала может быть уже мертва.

На кулаке остался кровавый след от укуса.

— Хватит! — закричал он.

Девушка рухнула на пол лицом вниз. Тепловизор слетел с головы и закатился под кровать. Ульрих осторожно присел рядом на корточках. Быстро дотронулся пальцем выше локтя и убрал руку. Никаких паранормальных ощущений не было. Он осторожно перевернул её на спину.

С одной стороны на лбу появился кровоподтёк в сине-фиолетовой окантовке. Тоненькая струйка из носа как раз достигла губы. Он взял её за запястье и попытался нащупать пульс. Из приоткрытых губ высунулся язык и слизнул скатившуюся каплю крови. Глазные яблоки под веками задвигались. Сначала веки только чуть-чуть приоткрылись. Несколько раз моргнув, они открылись полностью. Зрачки бегали из стороны в сторону в поисках кого-то, кто мог бы объяснить, что произошло.

На радостях он схватил её за плечи и прижал к груди. Эвриала тяжело дышала.

За спиной распахнулась дверь. Он даже не стал оборачиваться, так как ещё по крику «вы где?» понял, кто это. Громкое карканье и хлопанье крыльев пронеслось над их головами и растворилось в темноте коридора.

— С тобой все...

Эвриала отпрянула. Она вдруг вцепилась ему в футболку, стянув её у самого горла, отчего он стал задыхаться. Резким движением руки она притянула его к себе. Белки покрыты красной сетлчкой капилляров. Глаза блестели. В уголках век появились маленькие прозрачные слезинки. В какой-то момент они начали скатываться с ресниц. Рука, сжимающая ворот футболки, дрожала от напряжения.

— Кто-то страдал. Кто-то очень много страдал. — прошептала она.

Глава № 8. Прощай семейная реликвия

Эвриала сидела в кресле-качалке, подбрав ноги под себя, и пила воду из кружки. Сфено не пришлось её наполнять. Сколько бы Эвриала из неё не пила, вода никуда не девалась. Странная забота у этой нечисти — сначала мучает, потом дает попить водички, и снова мучает. Ульрих молча передал ей тепловизор.

От этого взгляда исподлобья по спине побежали мурашки. Он еле удержался от того, чтобы тряхнуть плечами и сбросить их куда подальше.

Сфено сидела на кровати напротив, облокотившись на колени, и прикрыв руками нижнюю часть лица. Ее взгляд уперся в пол, хотя на самом деле, она не осознавала, на что смотрит. В ее голове шел бурный мыслительный процесс.

— М-м-м-м... — наконец выдала она и мысленно отметила, что в голове это звучало намного красноречивее.

— Может, хоть ты скажешь, почему я испытала адскую боль, дотронувшись до птицы. — это были первые слова Эвриалы после того, как она снова пришла в себя.

— Потому что это была не птица.

— Вот. А я ей говорил. — поддакнул Ульрих. — Говорил я ей. Не трогай. Это же нечисть в образе.

— Разве ты забыла правило номер...

— Забудь хоть на секунду о правилах! — внезапно закричала Эвриала, закрыв уши руками. — Я хоть что-то сделала за все это время, пока мы тут...

— За какие-то пару часов ты умудрилась два раза оказаться на волоске от смерти.

— Да послушай ты! — Белки её глаз приобрели болезненную розоватость, поверх которой при ближайшем рассмотрении по-прежнему можно было заметить сеточку капилляров. Прежняя беспечность куда-то улетучилась. Теперь Эвриала имела вид человека, которому удалось пережить пожар, но только теперь он осознал, что сам дом и всё содержимое необратимо утеряно.

— Я не просто ощутила боль. — продолжила она напряженным полушёпотом. — Через меня будто пропустили ток, и когда он проходил, ко мне пришло понимание того, что в этот момент кто-то делится своим жизненным опытом. Кто-то проходил через подобные муки. Только вот длились они намного дольше, и смерть этого человека была медленной.

Она снова взглянула на Ульриха, ожидая, что он прояснит темные места.

— Я не знаю о ком речь. — он пожал плечами и продолжил медленно расхаживать из стороны в сторону, засунув руки в карманы. — Честно. Может быть, это призрак человека, который погиб от пыток...И теперь он хочет, чтобы мы узнали об этом и поняли, почему он страдает. Но зачем? Видимо, мы должны что-то сделать. Если так, он бы давал какие-то подсказки. Но все, что он делает — это уродует меня морально и физически. А...ещё подкидывает мне фигурки с потерянного браслета. Хотя, может, это я думаю, что он их подкидывает, а на самом деле, дело совсем в другом...Хм.

Сфено достала блокнот и принялась записывать свои догадки. Две белые пряди выбились и выгнулись вперед дугой. Пока заказчик и её подопечная обменивались многозначительными взглядами, она усмотрела кое-то интересное. Прямо напротив себя.

Между картиной и светильником висела небольшая застеклённая фотография девушки крупным планом. Ей показалось, что она уже где-то видела что-то похожее. Сфено взглянула

на Ульриха и снова на фотографию. У них явно было что-то общее — у обоих прямые носы и широкий лоб. В остальном же она была совершенно другой. Длинные светлые волосы спадали на плечи. Голова наклонена в сторону. Она смотрит прямо на вас и расплывается в широкой улыбке, которая не обнажает зубы. И все же, эта девушка напоминала ей о той странной особенности, которая наблюдается у многих пар-долгожителей, — вся непохожесть друг на друга постепенно приглушается и обе стороны, какими бы непохожими они не были ранее, перенимают друг от друга некоторые черты. Ты словно носишь на себе отпечаток чужого лица или, как бы сказал любой, кто хоть немного владеет фоторедактором — если хочешь увидеть, как примерно будет выглядеть твое лицо после 10 лет жизни с этим парнем, возьми свой фото, наложи сверху его и сделай полупрозрачным. Именно так выглядела эта девушка.

Фото покрывали странные потёки. Сфено даже показалось, что по нему стекла прозрачная капля и оставила темный след. Она тряхнула головой.

— Кто это?

— Это? Моя...бывшая девушка. Мы жили здесь раньше, пока она меня не бросила. У меня была версия, что это она меня прокляла или натравила потустороннюю силу. Я даже собирался позвонить в отдел поиска ведьм, чтобы они её проверили.

Для Сфено это было как откровение свыше. Эвриала кивнула, спрятав нижнюю часть лица за дном кружки. Кажется, её вода подходила к концу. Она опрокинула в себя остатки жидкости и поставила кружку на тумбочку рядом с пузырьком йода, кускам ваты и бинтом. Ульрих вытянул шею, желая убедиться, что вода действительно закончилась. Его ждало разочарование — она была цела и невредима, и не доходила до края примерно на фалангу пальца. Он хотел было указать на этот факт остальным, но вспомнил, что у них есть дела и поважнее.

— Нам нужно с ней связаться. Это важная зацепка, Ульрих. — сказала Сфено, наматывая бинт на лоб подопечной. Эвриала высунула из носа ватный тампон и проверила, не идет ли кровь. — Этот вариант нужно проверить как можно раньше. Продиктуй её номер.

Он вскинул руку в останавливающем жесте.

— Не спеши. Максимум до кого вы дозвонитесь — это ее родственники. И то, вряд ли. Она мертва уже лет как 8. Погибла в автокатастрофе.

— Хм. Возможно, сущностей тут несколько, и одна из них — неуспокоенная душа бывшей заказчика. Ты ей чем-то насолил?

— Может быть. Но чем? — Он запустил пальцы обеих рук в волосы и снова принялся неспешно расхаживать и стороны в сторону.

— А вот это ты нам должен сказать.

Он стиснул зубы. Его начал раздражать повелительный тон Эвриалы и то, как она смотрела на него — с вызовов, как хищник смотрит на жертву, — прямо в глаза, с легким прищуром. Она и раньше дерзила, но в сочетании с её веселым нравом это было даже забавно. Но стоило ей дотронуться до той птицы, как что-то в ней щелкнуло и изменилось.

«У нее просто небольшая психологическая травма. Пройдет немного времени и она снова станет сама собой. — успокаивал он себя, — Если только... Если только сущность не изменила её сознание. А что если в тот самый момент произошел обмен сознаниями... Напуганная до кончика клюва Эвриала улетела, а в кресле теперь сидит оно самое...»

От этих мыслей его проняло так, что волосы на руках вздыбились, и он пожалел, что снял свитер.

— Если я чем-то ей и подпортил жизнь, так только тем, что стал жертвой потусторонней силы. Других объяснений у меня нет.

— Запомни. Идеальных парней не бывает. И ты не исключение. Наверняка, было что-то этакое. — зазвучал едкий голос Эвриалы.

Ульрих обернулся и чуть не ударился об нее лбом. Она стояла, сложив руки на груди, словно хозяйка над нашкодившим котенком. И хотя он был выше нее, в его воображении огромная тень сгущалась над её головой, пульсировала, подступала к нему, грозясь окутать с ног до головы.

Его взгляд бегал от неё к Сфено, которая стояла у фотографии, и пристально ее рассматривала.

— Где её могила, Ульрих?

— Её кремировали.

— Прах?

— Развеяли.

Она поджала губы. Нить распутывающегося клубка оказалась с узелком. Но Эвриала была не из тех, кто сдаётся при первой же неудаче.

— Тара, в которой был прах?

— На кухне. Я храню в ней сахар.

Она направилась было к двери, но он её остановил.

— Ты серьезно? Думаешь, я такой извращенец? Хорошего же ты мнения обо мне.

Эвриала замерла. К великому удивлению Ульриха, уголки ее губ приподнялись в легкой улыбке. Она была тайной, предназначенной только для двоих. Ему так показалось. От этого мимолетного жеста паника уступила место успокоению, которое однако продлилось совсем недолго. Он должен был удостовериться на все 100 % в том, что ни один из придуманных им вариантов не имел место быть.

— Сфено, можно тебя на пару слов? Наедине.

Эвриала удивлённо вскинула брови.

— Это как же?

— Всё потом, Эври. Сейчас нам нужно работать. Допивай свою воду, а мы пока с Ульрихом потолкуем.

Эвриала взглянула на кружку, которая, как обычно, была наполнена водой, и посмотрела на них с видом человека, которому сказали, что-то очень глупое.

— Ульрих! Ты должен нам кое-что сказать! — нервно крикнула она, но тот как раз вышел в коридор.

Сфено махнула рукой и скрылась за дверью.

Как только дверь захлопнулась, Ульрих жестом поманил менторшу, мол, отойди от нее подальше.

— Что такое, Ульрих? У меня от напарницы секретов нет. — спросила она полупшепотом, но к совету прислушалась. Чувя неладное, она встала возле него так, чтобы их плечи соприкасались и они оба стояли лицом к двери. — Говори.

— Тебе не кажется, что твоя напарница теперь не совсем твоя напарница? Она изменилась. После того, как она дотронулась до ворона, она стала странно посматривать на меня. Требуется, что бы я ей рассказал то, о чем не имею ни малейшего понятия. И у нее глаза будто потемнели.

Последовала пауза. В доме стало настолько тихо, что было слышно собственное

дыхание. А, может быть, это было дыхание Сфено. И затихающее хлопанье крыльев. Он не спускал глаз с полоски света, что ложилась на пол под дверью.

Вдруг тень посередине разбила ее надвое. Она будто извивалась, делая то одну, то другую, короче или длиннее, словно кто-то за дверью переступал с ноги на ногу. А затем застыла.

Сфено проследила за его взглядом.

— Ты думаешь...

— Это только предположение.

— Черт. — еле слышно ругнулась Сфено. Она опустилась на колени и достала из прикрепленных к ноге ножен нож. Он сверкнул и спрятался за поясом на спине.

— Ты же не убьешь её? — Теперь он не знал, кого бояться больше, — монстра за дверью или того, кто стоит рядом.

— Надеюсь, нет. — Её лицо было само спокойствие, будто речь шла о назойливой мухе. — Но сначала использую пластырь, чтобы проверить твою версию.

— Пластырь?

— Угу. — промычала она, отклеивая зубами защитную пленку с белого квадрата. — Этот усыпит...если она человек.

— А если нет?

— Не усыпит.

Она сделала шаг вперед. Его рука машинально взяла её под локоть.

— То есть ты собираешься просто наклеить ей пластырь на лоб и посмотреть, что будет?

— Ещё громче.

— Ты пр... Понял.

Ульрих оглядывался в поисках чего-то тяжелого, что сгодилось бы для самозащиты, но не нашёл ничего, кроме ключей в кармане штанов. Он зажал ключ между пальцами.

В коридоре чем-то запахло. До них доносился уже знакомый Ульриху травянистый аромат марихуаны, приправленный копотью.

«Наверное, еще не выветрилось». - подумал он.

Они кивнули друг другу. Сфено взялась за дверную ручку.

Скрип половиц за их спинами рассек тишину. Внутри всё сжалось и задрожало. Он не понял, кто за кого схватился. Кажется, они оба, потому что Ульрих помнил, что держался за что-то похожее на перчатку, и в то же время, ощущал тупую боль в нескольких местах под локтём. Сфено явно пыталась сорвать с него скальп.

Половица снова скрипнула. Они медленно повернули головы. Сфено ахнула. Ульрих издал тихий звук, похожий на мычание.

Воображение нарисовало ему чудовище с тремя красными глазами: двумя большими и одним поменьше. Реальность оказалась не менее устрашающей.

Перед ними стояла Эвриала. В одной руке она сжимала водяной автомат, а в другой держалась за ручку электрощипцов. Они были довольно большими, поэтому она предпочла волочить их за собой.

— Я же говорила, не бери в обе руки оружие, если одно из них работает только с двумя руками. Как ты воспользуешься щипцами? Стоп...Ты же...

Сфено судорожно ощупала пояс и как бы невзначай сняла с него длинную трубку, похожую на флейту.

— Что происходит? Я хотела погладить ворона, помню, что протянула руку, а потом туман. Очнулась уже в кресле в гостиной. А вы куда подевались? — сказала Эвриала, оттягивая тепловизор на лоб.

На ее лбу не было ни царапины. Никаких кровоподтеков или отпечатков под носом. Ульрих попытался рассмотреть цвет её глаз, но из этого ничего не вышло — в коридоре было слишком темно.

Внезапно круг света выхватил из полусумрака фигуру Эвриалы.

— Эй! Что ты делаешь! — недовольно крикнула девушка, закрывая глаза своей игрушкой. Она подняла вверх щипцы. Луч фонарика сместился вниз. Сфено мгновенно поднесла к лицу трубку и положила палец на одну из кнопок на ней.

— Ты с ума сошла! Убить меня хочешь? Что тут вообще происходит? — Эвриала спрятала оба оружия за спину.

Ульрих не терял времени даром. Он осмотрел её от и до, насколько это позволял полусумрак коридора. На ней не было розовых пушистых тапочек. Она стояла босиком.

— Стой! — Он опустил трубку, в которую собралась дуть Сфено, и повернулся в Эвриале. — А где те тапки, которые я тебе дал?

— Наверное, там, откуда меня телепортировало. Я как раз шла сюда за вами и, так уж и быть, за тапочками. Вы меня очень пугаете ребята. Вы тоже трогали ту ворону? Ничему вас жизнь не учит... Так в чем дело?

Ульрих и Сфено переглянулись и как по приказу оглянулись на дверь за их спинами. Тень, разбивающая полосу света на две части, была на месте.

— Там... — он сглотнул.

— Ещё одна ты. — продолжила Сфено.

— В тапочках. — прошептал Ульрих.

Глаза Эвриалы округлились. Она похлопала себя по портупее в поисках чего-то, что сработало бы против злого двойника неизвестного происхождения.

— Так вот что это было за чувство. Когда я очнулась, у меня было ощущение, будто что-то украли, что-то очень ценное и, самое главное, мое. Оно вытянуло из меня информацию... — Она ошарашено уставилась на ладонь и медленно подвигала пальцами. Ее большие глаза блестели в сумраке коридора. — Не только внешность, но и данные обо мне. Мысли, привычки, способности. Возможно, неполностью, но оно меня скопировало. Так странно. Чувствую себя использованной.

Сфено махнула головой в сторону Эвриалы. Они приблизились к ней, встав рядом, полубоком к двери, за которой таилась нечисть.

Сфено медленным шагом приблизилась к двери. Остальные последовали за ней.

— Ну и как она... мой двойник? — Эвриала взяла его за локоть. Теперь он видел — у неё серые глаза, но чем дальше он в них смотрел, тем больше ему казалось, что в них появляется синеватые налет. Удивительно, но сущность смогла сымитировать даже такую мелочь.

— Такая же вредная как ты.

Она довольно улыбнулась.

— Надеюсь, ты настоящая, а не двойник.

— Разве двойник сделал бы так? — Эвриала надавила на желобок в его локте. Только усилие воли помогло ему сдержаться и не завывать от боли в передавленных нервах.

— Именно так бы он и сделал. — Ульрих потерял руку. — Ты ещё хуже, чем ножка стула,

о которую стучаешься ночью по пути в туалет.

— Спасибо.

Сфено шикнула. Она посчитала до трех и выбила дверь ногой. Яркий свет по-прежнему заливал комнату, ясно давая понять — внутри никого нет, по крайней мере, видимого человеческому глазу. На столике стояла кружка и валялись скрученные использованные бинты. На них больше не было крови. Розовые тапочки исчезли.

— Ах ты ж гадина. Она забрала тапки! — возмутился Ульрих, но поддержки среди слушателей не нашел. Даже Эвриала как-то померкла во всех смыслах. Её и без того белая кожа стала отливать нездоровой серостью.

Они осмотрели комнату от и до, не преминув заглянуть даже под подушки. Ульрих сказал, что если она обрела вид птицы, то вполне могла спрятаться и под ними. Это было бы нелепо, но логично.

— Логично? Послушайте, пока мы не знаем, с кем имеем дело, очень сложно разработать план действий. — возразила менторша.

— И то верно. — буркнула Эвриала.

— Поэтому... Или предоставь нам больше данных или накинь пару сотен.

— Или... — Эвриала резко открыла дверцу шкафа, придерживая трубку у губ, такую же, как он недавно видел у блондинки. Внутри висела одежда. Копаться руками в вещах было опасно. Если кто-то в них и затаился, то он только этого и ждет. Выставленная вперед конечность — отличный повод за неё схватиться.

Она приставила к губам трубку и дунула что было сил. Звук, сначала глухой, внезапно стал резким и пронзительным. Он резанул по ушам и растворился в тишине. Ничего не произошло, если не считать того, что все, кроме любительницы подудеть, согнулись, прикрыв уши руками. На неё тут же посыпались упрёки, на что Эвриала только пожалала плечами.

— Или... — продолжила она, вспомнив о том, что собиралась сказать. — Пару тысяч.

— Ну спасибо. — нахмурился Ульрих. — Сначала хотела затащить нас на кладбище. Теперь решила обчистить меня под чистую.

— Нет-нет. Вот смотри. Это устройство, похожее на флейту, действует только на несколько типов существ-вредителей, которые чаще всего захаживают в наше измерение. Если бы в шкафу сидело одна из них, это обезвредило бы её на некоторое время. А если нет? Я бы и глазом не моргнула, как она что-нибудь со мной да сотворила. Особенно, если у нее слуховой аппарат сходный с нашим, но агрессии в несколько раз больше. Если знаешь, на кого охотишься, сможешь правильно подобрать оружие и расставить капканы. Мы же, как охотники, отслеживающие медведя с рыболовной сетью. Поэтому раскрывай свои секретки или деньги на бочку.

— Начнём с того, почему эта фотография покрыта миррой. — В одной руке Сфено держала покрытую пятнами фотографию девушки, а в другой — застекленную рамку.

— Потому что... — Он поставил руки на бедра и громко вздохнул. — Я уже рассказывал свою версию. Оно использует мои болезненные воспоминания. Давит на больное место. Зачем — не знаю.

— Или же твоя бывшая все-таки замешана в этом. И ещё... — Эвриала принюхалась и переглянулась со Сфено. Её глаза расширились, как у человека, который вспомнил, что забыл выключить утюг.

— Что-то горит!

В воздухе действительно пахло гарью. Он заметил это, ещё когда они вышли из комнаты, чтобы поговорить, но решил не придавать этому значения. Ульрих снова остался один. Девушки будто растворились. Повинуясь инстинкту самосохранения, он со всех ног побежал за ними.

Дёрнул за ручку. Она не поддавалась. По телу пробежала легкая дрожь, как от дуновения неприятного ветра, и в сознании снова промелькнула мысль о свитере с красными сердцем, хотя никакая одежда не защитит от тысячи мелких иголок, которые страх достает из холодильника, чтобы пройтись ими по всему его телу.

Задержав дыхание, он повернул дверную ручку. Снова толкнул. Дверь открылась, и в комнату повалил запах дыма. Он откашлялся и выбежал в коридор. Из зала доносились похлопывания и недовольное бормотание.

Бежать на запах, стук подошв или голос — не вариант. Озлобленная сущность прекрасно все это имитирует. Но выхода у него не было. Стоило ему прижаться к стене, планируя осторожно пробраться и заглянуть в гостиную, как он тут же отпрянул.

«Нельзя прижиматься к стенам. Нельзя долго стоять на одном месте».

Толстая полоса света падала в коридор, искажаясь неровными тенями, которые ни секунды не стояли на месте. До него снова донеслось приглушенное ворчание кого-то из его «группы поддержки». Его то и дело перекрывал шум множества падающих капель.

Он наступил на тени, ожидая увидеть все, что угодно, кроме своего ковра — подарка его прабабушки, который...горел.

Вверх поднимались клубы дыма. В лицо вдруг ударил порыв ветра — кто-то открыл нараспашку окно. Как по заказу темное пятно за ним растворилось во вспышке света. Дом содрогнулся от раската грома. Лампочка в комнате быстро замигала. Интервалы между миганиями начали удлиняться — лампа выключалась и снова загоралась.

Ульрих зажмурился от пугающего предчувствия — нечисть частенько выбирала такие моменты для эффектного появления. Его давно волновал вопрос: она выжидает, когда в его доме снова начнутся проблемы с электричеством или предпочитает создавать эти проблемы сама?

К едкому запаху дыма примешалась свежесть полуночного дождя.

Рядом с чёрными пятнами обгоревшего ворса то разгорались, то сжимались огоньки. Сверху на них приземлились ладони Эвриалы и на месте пламени остались только мокрые черные пятна. К потолку поднимались тонкие струйки дыма.

Раскаты грома, подобно аккомпонирующему барабанщику, расставляли в музыке дождя недостающие акценты. Ливень за окном усилился. Ему даже показалось, что они втроем стоят на сцене. Он в дверном проеме — у входа мир декораций, и его компания на эту ночь — на коленях перед семейной реликвией, а за окном — полный зал рукоплещущих зрителей.

Сфено одарила напарницу взглядом, полным недовольства. У обеих на руках не было перчаток. Они валялись на диване, рядом с его свитером. Но если руки Эвриалы были совершенно обычными руками молодой женщины, без намеков на запустившийся механизм старения, то у Сфено кожу покрывало множество шрамов.

— Вот что бывает, когда играешь не со своей стихией. — произнесла она, рассматривая то, что осталось от ковра.

Глава № 9. Признание

Обрывки ковра были свернуты и поставлены в угол. Пара квадратов размером с альбомный лист уцелели, и он намерен был сохранить их для будущих потомков или для дальних родственников, которым достанется его имущество, если одну из таких ночей он не переживет. Если сбудется второй вариант событий, то его усилия будут напрасны — вряд ли они поймут ценность обуглившегося куска ковра. Понять сможет лишь тот, кто уже её имеет. Память.

Память о дальних родственниках. О прабабушке и прадедушке, живших в такое нелёгкое время начала 21 века. Но когда оно было легким? Только закончится одна война, как мир встречает другую с распростертыми объятьями. Люди только делают вид, что им не нравится играть в войнушки. Если бы это было действительно так, мир покончил бы с этим порождением варварства ещё сотни, а то и тысячи лет назад.

Единственное, чем недовольны люди, начинающие войну, так это тем, что вскоре после начала новой шахматной партии, им придется вдоволь настрадаться и покинуть поле боя в расцвете сил или же остаться в живых с ранами на теле и в душе. Каждый раз они делают вид, будто бы не ожидали этого, будто бы надеялись, что такой исход затронет только вражескую сторону, отказываясь принять простую идею — в войне не бывает победителей, чей бы флаг не водрузили на поле среди сваленных в кучу трупов. А они, не зависимо от нашивок и форм не чураются лежать плечом к плечу, ведь у них больше нет повода для вражды — теперь они все одинаково мертвы. Даже если бы мертвые могли продолжать вести войну вне своих тел, Ульрих был уверен, как бы сильно они ненавидели друг друга при жизни, мертвыми позабудут это, обретя единение в одинаковости.

Сейчас, в конце 21 века все это уходит в прошлое. Эпоха «мертвых войн», когда страны просто сталкивают друг с другом полчища роботов, подходит к концу. Вместе со стремительным развитием технологий это становится бессмысленным. Бесконечная поставка все новых и новых военных роботов просто истощает обе стороны, приводя к экономическому кризису. Как и в случае с обычными войнами, страдают обе стороны, только теперь это более чем очевидно. Так странно, что миллионов погибших и раненых землян за тысячи лет войн было недостаточно, чтобы понять это. Но стоило роботам заменить их на поле боя, и люди, пусть и через несколько десятилетий, но начали понимать, что война — это от начала и до конца проигрышное предприятие.

Международные войны постепенно вытесняет новая идея — охота на сверхлюдей, или как их еще называют, ведьм и ведьмаков. Люди прошлого, как называют их последние, боятся быть вытесненными, боятся, что с ними поступят так же, как их предки когда-то поступали с плохо вооруженными аборигенами. Поэтому правительство и «предложило» начать свои эксперименты по распылению способностей «особенных» на всех остальных...

Этот бордовый узорчатый ковер был родом из переломного момента, когда все в мире начало стремительно меняться. В такие времена в любой пустячок, сегодня стоящий копейки, может стать раритетом, за которым будут охотиться любители старины. Трудно поверить, но кассеты с аудиозаписями только сейчас начали выходить из моды, хотя потребность в них отпала ещё в начале этого века. Более сотни лет ностальгии и целое состояние, сколоченное на ней...

С другой стороны, подумал Ульрих, обугленные куски ковра, это ещё и повод рассказать

о событиях этой ночи, если, конечно, он её переживет.

— Выходит, оно скопировало твою внешность? — спросил Ульрих. Он сложил свитер и передал его Сфено, нашептав ей на ухо, чтоб она на обратном пути положила его в комод в комнате на втором этаже. Она смутилась, но свитер взяла. Ульрих подумал, что раз уж нечисть решила сжигать все, что ему дорого, то стоит спрятать свой любимый свитер куда подальше.

Сфено поставила рюкзак между ног сидящей в кресле напарницы и удалилась с небольшим темно-синим мешочком, который она из него достала.

— Время расставлять ловушки. Верхний этаж — мой. — она кивнула в сторону коридора. — Давай, идём. За тобой нужен глаз да глаз.

Он чувствовал, что между ними произошла какая-то размолвка. К её и без того строгому тону примешалось недовольство с нотками укоризны. Типичный человек, которого разбудили в воскресное утро, хотя он планировал наконец-то выспаться. И чем ей так не угодила Эвриала?

«Наверное, все из-за той птицы. Правило номер n — никогда не трогать живых существ в доме заказчика. Или как-то так».

— Ты забыла, кому тут угрожает опасность. Я присмотрю за Ульрихом, а он за мной. — ответила Эвриала.

Менторша молча перевела взгляд на Ульриха, и не сводя с него глаз, скрылась в коридоре.

Только он хотел спросить её о том, что между ними произошло, как она заговорила.

— Да, скопировало. Но хотело оно не этого. Интересно, какого оно пола и есть ли вообще у него пол... Я чувствовала, как оно пыталось вышвырнуть меня из тела. Ему нужна была оболочка. Если бы я была обычным человеком... — Эвриала запнулась, обдумывая, как лучше донести мысль. — Я имею в виду, не экзо, без знаний о подобных тварях, кем бы оно ни было, скорее всего, меня бы уже не было в живых, а с вами тусовался бы мой двойник.

— Но в итоге все так и вышло.

— Не совсем. Я вовремя поняла, что происходит. Поэтому ей удалось лишь собрать с меня информацию и симитировать мою внешность и поведение.

— Ты была как настоящая. — Сам не понимая почему, Ульрих перешел на шепот.

— Та, кого ты видел, — налёт с крыльев бабочки. Не знаю, насколько его хватит. Через некоторое время он рассеется, и имитация станет неубедительной, а настоящая суть нечисти начнет проступать явственнее. Мне очень повезло. Если честно, я тогда была в ужасе.

— Я видел, как ты мучилась и кричала. Это же была еще ты или уже оно разыграло сценку?

— Ещё я. У меня до сих пор побаливают суставы. Будто нервы током коротнуло. — она усмехнулась, приподняла съезжающие вниз окуляры тепловизора и принялась потирать запястья. — Оно уже выталкивало меня из тела, но я вцепилась в него воображаемыми руками, и вышло так, что нечисть выбросила меня в гостиную вместе с телом. Ей удалось сорвать с меня только информационную оболочку. Вернее, скопировать. Представляю, как она злится. — закрыв глаза, она покачала головой, будто это доставляло ей удовольствие.

— Теперь нас двое таких...

— Ты тоже злишься на меня? — Её глаза широко распахнулись, как у куклы, в которой поселился блуждающий разум.

Ульрих вздрогнул. Он до сих пор не был уверен в том, что эта экзо — не подделка. А

вдруг сущность играет с ним? Вдруг она намеренно сообщила ему часть правды, но, на самом деле, ей все-таки удалось вытолкнуть её из тела или забрать немножко больше заявленного. Настоящая Эвриала зовёт на помощь, но они её не слышат, а этот двойник использует её руки и знания, чтобы водворить в жизнь лелеемый годами план мести.

Ульрих потер веки пальцами, пытаясь унять подступающую головную боль.

— Нет. Хотя стоило бы. Теперь эта сущность злится не только на меня, но и на тебя. С чего бы это? Сфено она пока не трогает.

— Поэтому-то я и склоняюсь к твоей версии. Может, эта бывшая ревнует тебя ко мне. Глупо, конечно.

Она порылась в рюкзаке и достала оттуда ещё один мешочек — один в один как у напарницы. Её пальцы прошли по шее. Ульрих старался не рассматривать людей, пока они смотрят ему в глаза. Даже если ты ненароком посмотришь на какую-то другую часть тела, кроме глаз, и это взгляд будет длиться более секунды, будь уверен — собеседник в курсе и вряд ли в восторге. Особенно если у него заниженная самооценка. В таком случае следующей за твоим взглядом мыслью будет «ему что-то не нравится во мне; думает, я смешон в этом наряде; он точно меня ненавидит».

Эта брюнетка не походила на неуверенную в себе девушку. Она даже открыто призналась в своем страхе, даже ужасе, испытанном в момент, когда сущность пыталась вытолкнуть её из тела. С другой стороны, об этом не зазорно рассказать и качку, которому стыдно было бы признать, что он кого-то боится. Эта цепочка размышлений ни к чему не привела, и он решил, что, как профессиональный психолог, ещё не может сделать о ней выводы. Он провел с ней всего несколько часов. Этого достаточно разве что для того, чтобы предложить ей вместе сходить на выставку, чтобы повозмущаться о том, какая мазня нынче зовется искусством и подумать о карьере художника, который вколол бы этому миру антидот от бесовщины, нарисовав пару годных картин.

Поразмышляв об этом за какие-то секунды, он отметил, что не может удержаться, чтобы не проследить за её рукой. Ещё когда Эвриала оказалась в прихожей и окатила его водой, он заметил какие-то пятна на ее шее, но не придал этому значения.

Темно-зеленая змейка уставилась на него, выползая из-за уха и извиваясь на шее. Точь-в-точь как у Сфено. Не нужно быть великим комбинатором, чтобы догадаться об их значении.

«Медуза». Новый филиал частной корпорации по экзорцизму и борьбе с любыми негативными проявлениями потусторонней силы. Правительство им никогда не мешало, ведь в их работе много общего — правительство охотится за потусторонней силой, которой владеют люди, а экзо — за ней же, но у других сущностей. И если первые делают это, чтобы наделить ею всё население планеты, то последние — уничтожают или выбрасывают её носителей в другие миры. Это разумно. Правительство ещё не разгадало суть способностей ведьм и ведьмаков, и поэтому пока ни одну из них не способно воспроизвести. По крайней мере, так заявляют представители власти. И если это правда, куда ему до сил сущностей, природа которых им практически неизвестна. Поэтому им и пришлось нехотя отдать эту верфь тем, кто теперь именуют себя «экзо».

Только экзо с их знаниями и опытом могли бы поймать парочку «гостей» из других миров и попытаться разгадать, почему они такие, какие они есть. Возможно, они этим уже занимаются, но держат все в секрете. Правительству стоило бы их проверить.

Эвриала уловила его взгляд и прищурилась.

— Ты уверен в том, что от твоей бывшей ничего не осталось? Хоть немного пепла?

— Я же говорил, посмотри в банке из-под сахара.

— Окей. — настороженно протянула Эвриала.

— И ты снова клюнула.

— Ах ты... — Она вытащила из-за спины подушку и кинула ему в лицо. Он даже не успел увернуться, поэтому она попала прямо в цель. Звонкий смех заставил его на мгновение позабыть о тех проблемах, которые беспокоили его последние 8 лет с момента появления нечисти в его доме. Звук оборвался.

Она виновато поджала губы и нахмурилась.

— Что такое?

— Вспомнила, что у стен есть уши. Твоя нечисть может слышать, что нам весело, и испортить момент. А ловушки... — она встряхнула мешочек, — мы еще не расставили. Но перед этим я должна тебе кое в чем признаться.

— На самом деле ты двойник? Я знал! — внезапно закричал Ульрих. В дверном проеме показалась Сфено с выражением лица, которое удачно сочеталось с лицом заказчика. Эвриала махнула ей рукой, мол, все нормально.

— Ты, бедняга, совсем умом тронулся. Я — это я, а вот ковер...

Она заметила округляющиеся глаза Ульриха и продолжила:

— Ковер тоже настоящий. Успокойся. Дело в том, что... — она замялась и стала потирать ладонь большим пальцем, как бы успокаивая себя. Вздохнула и выпалила:

— Это я сожгла твой ковер!

Далее следовал душещипательный рассказ о том, что произошло после того, как нечисть попыталась забрать у нее тело. Когда она перенеслась в гостиную, то не сразу пришла в себя. Ей хотелось бросить все и убежать, но поначалу она не могла вспомнить почему, словно нечисть забрала у нее память о последних минутах. Однако о портсигаре она вспомнила в первую очередь и решила выкурить одну самокрутку, чтобы расслабиться и собраться с мыслями. Стоило ей сделать пару затяжек, как к ней вернулась память.

Она вскочила и побежала в комнату, в которой остался Ульрих. Тлеющая самокрутка выпала из руки прямо на ковер. Её просто ошарашило упавшими как снег на голову воспоминаниями, и она напрочь забыла о самокрутке в ее руке.

— Вот так все и произошло...

Эвриала сидела, втянув голову в плечи, и поглядывала на него исподлобья в ожидании вердикта. Ульрих покрутил в руках свернутые остатки ковра и сказал:

— Знаешь, забудь. Главное, что все целы. Было бы хуже, если бы той сущности все же удалось вытолкнуть тебя из тела... Ты все больше напоминаешь мне ведьму.

Эвриала удивленно вскинула брови.

— Поясни. — строго сказала она, так, что от нее вдруг повеяло холодом.

— Как эти...люди новой эпохи. — произнес он, гримасничая и делая пальцами кавычки. — Сначала каким-то образом одолела затягивающее, как болото, зеркало при том, что оно было покрыто пламенем. Теперь вот не дала нечисти занять своё тело. На это, знаешь ли, далеко не каждый способен.

Эвриала задумалась. Он говорил так, будто, как минимум, не имеет ничего против так называемого колдовского народа. Хотя ранее ясно дал понять, что не переваривает его представителей за врожденные «привилегии», и поэтому с радостью сдавал бы их правительственному отделу по изучению их способностей, если бы только знал, кого

сдавать. Поразмыслив ещё немного, она пришла к выводу, что это всего лишь очередная шутка, вызванная его одержимостью всеобщим равенством. Захотел бы он равенства, если бы сам был ведьмаком? Поделится бы он своими способностями с теми, в чьих добрых намерениях нет никакой гарантии? А что бы сделал она, если бы ей пришлось выбирать?

— Эй. — Ульрих слегка потряс ее за плечо. — Все нормально? Я уж думал, оно снова пытается занять твоё тело.

Только сейчас она поняла, что перешла в режим гибернации на время размышлений. Наверное, со стороны это выглядело, как если бы она претворилась куклой.

— Я просто задумалась. Ах да... — Эвриала поднялась и накинула рюкзак на плечи.

За этими разговорами она чуть не забыла о ловушках. Они не решат проблему, но выхода у них не было. Для того чтобы ловушка сработала, нужно знать, на кого именно ты охотишься. Оружейная палата корпорации экзо пусть и постоянно пополнялась последними новинками, разработанными специально для них, но не могла похвастаться наличием универсальных средств. Попытки расширить ареал воздействия ловушек и оружия были в некоторой степени успешны. К сожалению, типов существ, которые тревожили местных, становилось все больше. И если в одном случае мог сработать обычный пистолет, то в другом — не обойтись без оружия, разработанного для поимки или устранения конкретной, и никакой другой, цели.

Эта сущность могла быть кем угодно, поэтому придётся использовать ассорти. Авось, одна из ловушек все-таки подойдет, если это не какая-то новая разновидность, с которой они еще не имели дела. Пока она отлично маскируется под непонятную ересь, которую можно подогнуть и под образ призрака, и под гостя, порвавшегося к ним из одного из параллельных миров.

— Не отставай. Тебе нельзя оставаться одному.

— Я вот что хотел спросить...

— Почему у Сфено руки покрыты шрамами?

— Угу.

— Тогда слушай. В тридевятином царстве в тридесятом государстве...

Примечания:

Люди особенно изобретательны, когда дело касается придумывания прозвищ тем, кого они недолгобливают. Ментальная буржуазия, колдовской народец, ведьмы и ведьмаки, колдуны и колдуньи... Как их только не называли.

Глава № 10. Время ловушек

Дождь продолжал отбивать чечётку, будто ошалел от того, что люди осмелились понастроить там, внизу. В ту ночь погода была не лучше. Можно сказать, они идентичны, кроме одной детали — тогда к дождю добавился завывающий ветер, хлопающий окнами и дверью балкона.

Они прибыли в дом на окраине города по заявке от старушки. Из него открывался приятный вид на старое кладбище. Кому-то оно может показаться мрачным и пугающим, но не ученице школы при корпорации «Экзо», которая пытается сочетать принципы буддизма со своей будущей деятельностью. Для неё ряды могил — это напоминание о быстротечности жизни, о том, что и плохое, и хорошее когда-нибудь закончится, о том, что нет смысла спешить, если впереди еще множество жизней, чтобы достичь просветления...

— Ты говорила, что расскажешь о...

— Да-да. Меня иногда заносит.

— С другой стороны, теперь я знаю, о чем та книжка, которую ты с собой носишь. — Ульрих распахнул дверь в комнату, в которой еще недавно произошел инцидент с вороном. Их тут же оглушило шумом множества падающих капель, к которому то и дело добавлялся громовой бой. Ему чудилось, этот грохот разрезал мир напополам, после чего он быстро склеивался заново до следующего удара. Тогда неудивительно, что в этом мире творится столько чертовщины — сквозь мгновенно зарастающие трещины в мир прорываются гости из запределья.

Слышно было, как дождевая вода потоком бежит по застрехе над окном и падает в трубу. У его дома теперь будет отличный бассейн для уточек.

Он не знал, стоит ли закрывать окно. Шум не давал расслышать то, что говорит Эвриала. Тишина же пугала тем, что часто внезапно прерывалась, причем зачастую по сверхъестественным причинам. Окно он все же закрыл, так как это все равно бы сделала его спутница.

— Она называется «Как сочетать буддизм с работой экзо». Помогает снять ответственность за насилие. Ведь нельзя же бороться с потусторонними силами и соблюдать ахимсу?

— И то верно. — Он оперся о подоконник, чтобы никто не мог подкрасться к нему из-за спины.

— А вот и нет. В этой книге объясняется, как можно. И главное правило гласит — в каждом правиле есть исключения.

Он задумался. Оказывается, у них много общего. Ульрих успокаивает себя, что заняв определенную позу, у него будет больше шансов не быть напуганным и схваченным нечистью.

Эвриала эже обманывает себя тем, что расправляясь с живыми существами из других миров, якобы не нарушает ахимсу и другие постулаты буддизма. Им стоит открыть клуб глубоко заблуждающихся придурков сразу же после того, как они решат проблему с лишним обитателем или обитателями его дома. Пока их двое, но стоит им оповестить интернет-общественность об открытии клуба, как придется бежать за запасными стульями.

— А шрамы... — продолжала она, раскрывая мешочек и доставая оттуда компактные приспособления размером в пол ладони, — шрамы ей достались от ведьмы с кладбища,

которая вечно там ошивалась и пугала окружающих, не разделявших ее пристрастия к могильным плитам. Она схватила её за руки. Вот так. — неожиданно Эвриала схватила его за руки и сжала немного выше запястья, надавив ногтями так, что он вздрогнул.

«Она явно потачивает их напильником». - подумал он, глядя на её обтянутые тканью пальцы.

Услышав стук подошв об половицы, Эвриала сбавила тональность.

— Они боролись, поэтому у нее осталось много шрамов, будто она окунула руки до локтя в чан с кипящим оловом. Я говорила ей, хорошо бы прибегнуть к услугам пластической хирургии. Все-таки неприятно, когда на твои шрамы постоянно пялятся или жалеют тебя, называя «бедняжкой». Я и сама себя ловила на таких мыслях, прекрасно понимая, что ей не нужна чужая жалость. Ибо жалость окружающих в её случае — это признание ими её неполноценности. Понимаешь о чем я?

Последовала пауза. Ульрих отвлекся от рассматривания своих пальцев рук, догадавшись, что вопрос был не риторическим. Он кивнул.

— Сфено сказала вот что. — не без гордости в голосе продолжила она, — Эти шрамы — отпечаток жизни. Это моя история. Жалеть нужно не меня, а тех, кто мечтает стать куклой без прошлого и будущего, и жить в перманентном стазисе. Это скучно. Будто ты книга-обманка с пустыми листами. Я пошла бы к хирургу, если бы мои руки перестали нормально функционировать, но они по-прежнему выполняют все должным образом. Так зачем мне лечиться от несуществующей болезни...Чтобы подогнать себя под стандарты несуществующей красоты? Я, может, и человек, но не настолько глупа...Именно так она и сказала. Слово в слово. У меня очень хорошая память на слова. В школе Экзо меня даже называют «человек-попугай» или «человек-диктофон».

— Ты забавная. — Он вставил фотографию девушки обратно в рамку и повесил на стену. Глядя на это фото, ему становилось не по себе, но присутствие Эвриалы делало этот дом не таким уж и страшным. Бояться чего-то вдвоем даже весело, а он знал, что она боится.

— Видимо, у нее из пор выделялись какие-то разъедающие вещества, опасные для обычных людей. — медленно произнесла Эвриала, глядя на пол немигающим взглядом — явный признак того, что она погружается в размышления. В такие моменты Эвриала была похожа на робота, которого выключили.

— Ты хотела сказать «нормальных»?

Закрыв глаза она, медленно замотала головой, скривив губы в снисходительной ухмылке.

— Нормальных не существует. Сам знаешь, что нормально, для змеи, смерть — для кролика.

Эвриала поставила в центр комнаты черное круглое устройство, по краям которого было множество делений с цифрами. Под давлением ее пальцев верхняя панель сдвинулась вправо. Посчитав щелчки, даже не глядя, можно было понять, что устройство заведено на 10 минут.

— Может, ты и права. Я все думаю, а почему ты носишь перчатки? Не заметил у тебя никаких шрамов.

Эвриала кивнула в сторону выхода. Ему пришлось ускорить шаг, чтобы поспевать за ней. Ещё несколько ловушек она установила на кухне, в гостиной и одну в конце коридора. К ее запястью был прицеплен экран наподобие часов, но с большим циферблатом. Она посматривала на него, нажимая на кнопки сбоку.

— За компанию. — наконец ответила она. Рюкзак снова оказался на полу с развернутой пастью. Она кинула туда уже пустой мешочек и достала ещё один маленький экран с ремнями для фиксации. — По одной из версий мифа сестры Медузы попросили Афины превратить и их в горгон, так как Медуза тяжело переживала изменения в своей внешности. Раньше она была очень красивой.

— Очень мило с их стороны. — усмехнулся Ульрих. — И с твоей тоже.

— Собственно из-за Афины Медуза и стала горгоной.

— Оу.

Она передала ему устройство и объяснила, как им пользоваться. Экран оставался темным, даже когда она нажала на кнопку включения. Только по краям появилась зеленая окантовка. Когда ловушки активируются, на экране появятся красные точки. Чтобы увидеть, есть ли поблизости одна из ловушек, достаточно нажать на соседнюю кнопку, что он и сделал. Пока на экране горит только его зеленая мигающая точка, но как только система активируется, и он начнет передвигаться по дому, рядом будут появляться красные точки с полупрозрачной толстой окантовкой. Она нужна, чтобы человек ненароком не попал в зону действия ловушки.

Бывают такие моменты в жизни, когда чтобы понять, чего именно тебе хочется, достаточно потерять возможность сделать выбор или думать, что потерял. Именно это произошло с Ульрихом, когда устройство на его руке запищало и на экране появилось несколько красных мигающих точек вокруг зеленой, которая была его версией в этом электронном мире.

Ему вдруг захотелось в туалет — в комнату с зеркалом. Ульрих не стал просить Эвриалу снять его и выбросить во двор. Одно из зеркал чуть не поджарило её, засасывая в зазеркалье. Она, конечно, сделает вид, что дело пустяковое, но после того, что с ней произошло, у них появилась общая неприязнь к гладким отражающим поверхностям.

— Хочешь, я постою на шухере, чтоб тебя не засосало в унитаз? — спросила она, передавая ему водяной автомат.

— В последний раз, такое было в глубоком детстве, когда меня и вправду могло засосать куда угодно. Так что...Я справлюсь. Но не знаю, чем мне поможет эта игрушка. Разве что зеркало опять загорится, а дверной двери заклинит. И я сказал это вслух, поэтому ты автоматически права.

Он взял в руки водяной автомат и нажал на спуск. Струя воды оставила на полу мокрое пятно. Несколько капель зависли в воздухе. Они плавно плыли по воздуху в двух с половиной метрах от него, над полом, окрашенным красной подсветкой. На паркете появился красный круг, в пределах которого вода перешла в состояние схожее с невесомостью.

Послышалось клацанье ногтей по экрану. За ними стояла Сфено. Красная подсветка исчезла и капли упали на пол. Опять клацанье и писк. Ловушка снова была в деле.

— Не бросайте просто так что-либо...

— Тсс... — Эвриала приложила палец к губам.

— Ааа...Ты веришь в это?

— Ну а вдруг?

— Так. А можно мне пояснить? — вмешался Ульрих.

Женщины одновременно что-то ответили. Единственное, что Ульрих понял из всего этого, — он должен был быть в курсе, а если он не понимает о чем идет речь, то кто ж ему помощник с его дырявой памятью. На помощь пришло устройство для активации и

отслеживания ловушек.

На экране всплыло сообщение:

«Не кидай какие-либо вещи в зону действия капкана. После попадания в нее предмета, она становится камерой, в которую не зайти, и из которой не выйти. То есть её легко деактивировать любым предметом. Если в зону действия упадет ручка, то она уже не подействует на сущность, пока ловушку не перезагрузят. Главное, чтобы она об этом не знала».

— Ммм... — ответил Ульрих, вспомнив, что он сам давече выдвинул предположение о том, что сущность может слышать план их действий и тогда в нем не будет никакого смысла. А может ли она считывать информацию с электронных устройств? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно знать, что оно такое.

— И, пожалуйста, постарайся не попасть в зону действия ловушек. Посматривай на экран или у нас станет на одну пепельную блондинку больше. — пояснила Эвриала.

Ульрих зажал между пальцев длинную седую прядь. Кажется, рядом должна быть ещё одна. Седина — признак старости, которую не очень-то жалуют в нашем обществе. Он бы мог закрасить её, чтобы больше соответствовать общепринятым нормам. Но Сфено права. Это его история. Зачем стирать любое напоминание о ней, если седина ничуть не вредит работе организма? Почему люди настолько помешаны на своей и чужой внешности? Почему они выбирают «красивую» картинку, вместо интересной истории?

— Значит, на людей эта штука тоже действует? — выйдя из раздумий, спросил он.

— Да. Только не так, как на паранормальных сущностей. Людей разрывает, сущностей — ловит, как муху в банку.

— Что-то прости? — Он обернулся у двери.

Сфено медленно замахала головой из стороны в сторону, мол «типичная Эвриала». Она хоть и знала ее довольно долгое время, до сих пор не всегда понимала, когда она шутит, а когда говорит всерьез.

— То есть наоборот. Людей ловит, нечисть — разрывает. Но не всех — представителей большинства уже частично изученных видов. Извини. Настоящее оружие я выдать тебе не могу. Ты не знаешь, как им пользоваться. Его специально делают таким, чтобы нечисть не знала, как оно работает, и не могла использовать его против тебя. Минус в том...

— Да-да, я уже понял. Если оно непонятно для нечисти, то обычным людям, не экзо, уж тем более. Ты говорила. — Ульрих поднял вверх кулак и слегка им тряхнул в знак прощания на случай, если это будет его последний поход в уборную.

Эвриала ответила ему тем же.

— Экран...

Он кивнул и скрылся за аркой.

У Сфено вдруг возникла идея, которой она не преминула поделиться с напарницей. Она подозвала ее к себе, но тут же с сожалением вспомнила, что им не стоит вслух обсуждать идеи, которые могут использовать против них же.

Эвриала подняла палец вверх и принялась нажимать на кнопки сенсорного экрана.

«Если что, кричи через смс. Из-за ливня все равно не слышно».

«Окей, Эври».

«Приехали...» — подумала она.

Последний, кто называл её «Эври», не считая матери, влюбился в неё по уши и даже написал собственной кровью на стене гаража напротив её окна «Эври, я тебя люблю». Она

бы решила, что это краска, если бы не рой комаров, который стал заметен, когда она подошла к надписи, чтобы получше её рассмотреть. Теперь каждый раз, когда её называют «Эври», перед глазами встает её имя, написанное кровью, которое облепили мириады кровососущих. Но самым ужасным была даже не больная фантазия парня, а то, что она не испытывала к нему никаких чувств.

А что она испытывает к Ульриху?

Мысли смешались, и она поняла, что Сфено трясет ее за плечо. Её палец указывал на всплывшее сообщение на экране контроллера, которое она только что ей отправила.

«Если ловушка только ловит человека, подобно огромной паутине, то в случае опасности, Ульрих может специально запрыгнуть в зону ее действия. Если сущность сунется туда же, её разорвет».

Все новое — хорошо забытое старое. Легким движением руки ловушка превращается в защитное кольцо, подобно соляному кругу из легенд о всякой дьявольщине.

«Но если нечисть одна из тех, на кого ловушка не действует, то Ульриху не поздоровится».

«Если она достаточно умна, что бы прикинуться той, на кого ловушка действует, не поздоровится нам всем».

«Чёрт! Риск слишком велик. Они могут сработать против нас».

Они пожали плечами, решив оставить дальнейшее обсуждение вопроса до лучших времен.

Всё было бы намного проще, если бы им стало известно, что это за существо разгуливает, увиливая от ловушек.

Экраны их контроллеров мигали множеством красных и зеленых точек. Можно было подумать, что дом просто напичкан ловушками, но если увеличить масштаб, было видно, что между ними достаточно много места. Четыре поставлены на первом этаже и ещё 4 — на втором. Плюс ещё 3 зелёные точки — месторасположение всех 3 контроллеров.

Сфено шлепнула себя ладонью по лбу, вспомнив, что не предупредила о ловушке, которую она приклеила на зеркало. Чтоб не попасть в нее, достаточно, чтобы между человеком и зеркалом было не менее 2 метров.

Они прислушались. Кажется, дождь начал стихать.

Зелёная точка Ульриха двигалась рядом с красной, которая мигала внутри полупрозрачной точки побольше, обозначающей границы зоны поражения.

Внимание Сфено привлекли голые ступни напарницы. Одной ногой она потирала другую, словно ей было очень холодно.

— В следующий раз возьмем запасную обувь. — вслух подумала она.

— Они исчезнут так же, как и тапочки Ульриха. Может, он просто передумал и спрятал их. Решил, что я их недостойна. Или нечисть решила, что я их не достойна. Хм. А, может, они принадлежали его бывшей. Слишком много у нас этих «может»...

— Смотри! — перебила её Сфено, уставившись на экран на запястье.

— Раз, два, три... — прошептала она и замерла.

— Все по-прежнему. Разве нет?

Всё не было по-прежнему. И она это поняла, когда проделала те же несложные арифметические манипуляции, что и Сфено. Одной мигающей точки не хватало — той, что должна была мигать возле Ульриха.

Они переглянулись и как по команде ринулись в коридор. Эвриала ощутила, как что-то

сжало её плечо и потянуло назад. Она машинально взялась за одно из устройств на портупее — результат продолжительных тренировок в школе. Тяжесть в груди спала. Это была всего лишь Сфено.

— Смотри, куда идешь.

Не сводя глаз с экрана контроллера, они обогнули 2 ловушки и поднялись по скрипучим ступенькам, от звука которых голова втягивалась в плечи. В ванной комнате горел свет. Сфено достала модифицированную флешетту, а Эвриала отцепила от пояса трубочку для отпугивания и взглянула на менторшу, ожидая распоряжений.

— Насчёт три. Раз, два...

Дверь распахнулась. В коридор залило светом и чем-то мокрым. Эвриала похлопала себя по спине, пытаясь нащупать водяной автомат.

В дверном проеме вычертилась темная фигура Ульриха с автоматом в руках. И с ним все было в порядке.

— А это вы... Теперь мы квиты. — Он подмигнул Эвриале.

— Мы думали, с тобой что-то случилось!

Сфено оттолкнула его в сторону и подошла к зеркалу, попеременно смотря то на него, то на контроллер. Медленно протянула руку и дотронулась до его поверхности.

— Сфен, не надо. — опасливо сказала Эвриала. У неё уже был опыт взаимодействия с зеркалами. Это стоило ей ботинок, подпорченного наряда и расшатанных нервов. Сфено, конечно, не просто погулять сюда пришла, и знает больше неё обо всём потустороннем, но ведь даже пловцы-олимпийцы редко, но тонут. Почему бы ей не «утонуть» в самый неподходящий момент?

— Не понимаю. Четвертая ловушка исчезла. Как? — пробормотала она, шаря пальцами по гладкой поверхности зеркала.

Прожорливое зеркало молчало. Не молчала девушка, пронзительный крик которой донёлся откуда-то издалека, словно источник находился за пределами дома. К нему добавилось ворчание и покрикивания мужчин. Еще один мужчина явно был против происходящего и просил их отпустить. Голоса были приглушены шумом дождя, который всё не сдавал позиций.

На экране контроллера по-прежнему не хватало одной ловушки. Все остальные работали в режиме спокойствия, а значит, к этому крику они не имеют никакого отношения. И всё же любопытство перевешивало.

Примечания:

Стазис — состояние полной остановки любых физиологических процессов в организмах живых существ. В таком состоянии ощущение времени полностью теряется.

Глава № 11. Зевс проснулся

Обойдя ловушки, которые еще не успело проглотить зеркало, они наконец смогли оторвать взгляд от контр'оллеров и поднять голову. Как только входная дверь была открыта, в прихожую ворвались звуки улицы. И хотя в это время не спали разве что законченные «совы», в некоторых окнах домов напротив горел свет. В них появлялись темные фигуры, которые то отдергивали, то задергивали шторы, выключали свет и снова высовывали головы из-за штор или наблюдали сквозь полупрозрачную тюль, но уже под покровом темноты.

Черное небо продолжало изливаться на мир галлоны прохладной жидкости, которая была бы кстати в жаркий полдень, но никак не ветреной летней ночью. Дождь то почти прекращался, то усиливался так, словно и не лил последние несколько часов.

Такие дожди напоминали Ульриху белку, которая проснулась в промозглое зимнее утро и начала откапывать свои многочисленные запасы и перетаскивать их своё жилище. Только она хлопает в свои натруженные ладошки, собираясь отдохнуть, как это полагается поработавшему на славу грызуну, как тут же вспоминает ещё об одном тайнике. А потом ещё об одном, и ещё об одном. И так продолжается, пока она не упадет от физического истощения и не заснет блаженным сном, лежа на горке орехов. Ульрих тряхнул головой, чтобы сбросить с себя это странное размышление о дожде и вернуться в реальность.

У дома соседей справа стояла полицейская машина. Обзор преграждало дерево, но приглядевшись, можно было рассмотреть девушку и мужчину с заложенными за спину руками. Несколько мужчин в форме стояли вокруг них, что-то обсуждая.

Слово «кляп», донесшееся до троицы, не предвещало ничего хорошего. И всё же они направились к ним, что бы узнать, что происходит. Ульрих отыскал пару огромных резиновых шлепанцев и протянул Эвриале.

— Надеюсь, их не постигнет участь розовых тапок. — он попытался скрыть подступающий к горлу смешок, который чуть не вырвался из него при виде её ножек в огромных шлепанцах. Она была похожа на девочку, решившую примерить обувь своего отца.

— Зря надеешься. — Эвриала переступила с пятки на носок, покрутила ступней и нахмурилась. — Тут размер не меньше 43. Они просто слетят с меня, как только снова начнется экшен.

— Ну и ладно... расхитительница обувных.

Он прикрыл голову газетой, которую нашел в прихожей, и вжал голову в плечи, пытаясь уменьшиться, чтобы полностью поместиться под «навесом».

— А усовершенствованного зонта у вас не найдется? — спросил Ульрих, поспевая за Сфено.

— Твой дом в двух шагах. Почему бы тебе не вернуться и не взять зонт? — она остановилась и повернулась к нему лицом. Он поздно затормозил и оказался к ней так близко, что между ними поместилась бы разве что одна из её модифицированных флешетт. Ульрих отпрянул в сторону и наткнулся на Эвриалу, которая шлепала за ними по лужам.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она ойкнула и, бросив на него испепеляющий взгляд, принялась растирать грязные пальцы на ноге. На внутренней стороне ладони, прямо на двух красных полосках, бравших начало на кончиках пальцев, осталась грязь.

Ульрих виновато поджал губы и его лоб покрылся складками.

— Извини. — шепнул он и повернулся к Сфено. — Если я один вернусь в дом, дверь за мной может и закрыться, и тогда все на что мне останется надеяться — это ловушки. Или у вас есть устройство, чтобы проходить сквозь стены. Не то, что бы я боялся...

— Бояться того, что угрожает твоей жизни, — нормально. Это инстинкт самосохранения. У нас есть что угодно, кроме обычных вещей, вроде зонта. Твоя газета справляется не хуже.

Ульрих нахмурился, но не от того, что ему не понравился ее ответ. Ему вдруг показалось, что она улыбнулась. Свет фонаря в сочетании с ночным сумраком — отличный катализатор фантазии. Он дорисовывает злобные лица даже частным домам, делая окна глазами, дверь — ртом, а крышу — уродливой шляпой. На мгновение на лице Сфено появилась улыбка, и это была первая улыбка в её исполнении за все время. Наверное, ему померещилось.

— Ну вот...Окуляры все в каплях. — пробурчала Эвриала.

— Эй! Расходитесь-ка по домам. Здесь смотреть не на что. — Рядом с ними выросла фигура полицейского. Он стоял, деловито упираясь в бока кулаками. Капли вновь затихающего дождя слетали с козырька его фуражки. Под светом фонаря темно-коричневое лицо отливало желтизной.

— Не знала, что у меня на спине выросли глаза. — Сфено медленно повернулась к незнакомцу и изогнула бровь, словно он появился в самый неподходящий момент.

Они окинули друг друга быстрым взглядом.

— А.- сказал он, как крикнул, заметив красный символ на их одежде. — Вы экзо. На задании? А, вижу-вижу. — он перевел взгляд на Ульриха, держащего газету над тепловизором на голове Эвриалы. Несоразмерные шлепанцы последней также не ускользнули от его взгляда. Их он не прокомментировал, решив, что хмыкнуть будет достаточно.

— Ну и как, клюет? — его тон стал более дружелюбным, а губы изогнулись в натянутой улыбке.

— Пока не очень. Не то, что у вас. — Сфено кивнула на тех, кого пытались затолкать в машину два других полицейских.

— Это да. Наркоторговец и его дочь, которую он, судя по расширенным зрачкам и поведению, тоже посадил на кокаин.

— Минуточку. — вмешался Ульрих. — Это же мои соседи. Я знаком с ними не меньше 5 лет. Джо — вдовец, работает на кондитерской фабрике. Он не из тех людей, кто стал бы распространять наркотики. Да ещё и впутывать в это дочь. Его...его подставили!

Он шлепнул ногой по луже, окатив себя и тех, кто был в радиусе 1 метра грязными дождевыми каплями.

— Слушайте, нам лучше знать. — Полицейский вскинул ладонь. — Записывающие устройства в их доме говорят об обратном. Так...Похоже, там без меня не справятся. Они изворачиваются, как под амфетамином.

Мужчина направился к столпотворению у машины. Внезапно вспышка света рассекла небо и попала то ли в толпу, то ли за ней. За тем последовал грохот, от которого у всех заложило уши.

Ульрих и Эвриала пригнулись. Сфено подбежала к полицейскому и помогла ему встать.

— Пойдем. — скомандовала Эвриала и зашлепала к машине. Один из полицейских лежал в нескольких метрах. Не считая ушибов и испытанного шока, с ним было все в

порядке. Он поднял туловище и осмотрелся с видом человека, который проспал пару столетий. Еще одно тело спиной кверху валялось у самой машины.

Ульрих начал было переворачивать тело, но его руки дрогнули и он отпрянул, в ужасе прикрыв рот ладонью.

— Ульрих, что с тобой? Ему же нужно помочь. — Эвриала перевернула тело и вскрикнула. Она потеряла равновесие, но успела опереться руками о землю. К ним подошел полицейский, который только что вел с ними беседу и, взглянув на тело, перекрестился, что-то бормоча себе под нос.

В окровавленном лице зияли две темные дыры. Смешиваясь с каплями дождя, кровь растекалась по щекам, подбородку и шее. Впервые, Ульрих обрадовался тому, что была ночь. Она опускала макабрические детали, не давая свидетелям происшествия, упасть в обморок от увиденного. Ясно было одно — именно этот бедняга стал жертвой молнии.

Они молча стояли, остолбеневшие, не сводя взгляда с того места, где должны были быть глаза. Полицейский сглотнул и медленно, пытаясь за что-нибудь ухватиться, опустился на корточки. Дрожащая рука потянулась к телу.

— Не стоит.

Рука отпрянула.

— У него нет глаз, значит, молния попала прямо в голову. Он мертв. — тихо произнес Ульрих.

— А вдруг вы ошибаетесь. — прошептал мужчина и снова потянулся к трупу.

— Он прав. — холодно произнесла Сфено. Она выглядела спокойной, но если присмотреться, можно было заметить, как подрагивают ее губы. — Шанс выжить в таком случае — ноль процентов. И для него это лучший вариант. Как вы представляете себе жизнь без...

— Без глаз? В наше время почти каждый может себе позволить установить искусственные глаза. Ничем не хуже настоящих. — Полицейский приложил два пальца к запястью трупа и замер.

— Без мозга. — Ульрих отвернулся, не желая больше пялиться на ямки вместо глаз. Заставить себя отвести взгляд он не мог, но ему удалось повернуть свое тело на 180 градусов. — Он поражен. Его не заменишь на искусственный. Даже если вы заморозите его до лучших времен, думаете, если ему вставят искусственный мозг, это по-прежнему будет он? От него осталась только оболочка.

Внезапно двигатель завелся и полицейская машина тронулась с места. Прежде чем они успели среагировать, она превратилась в два ярких круга фар, которые в следующее мгновение скрылись за углом в конце улицы.

К ним присоединился второй полицейский, который еще приходил в себя, но уже мог медленно передвигаться, как игрушка с почти потраченным заводом.

— Нужно что-то делать... У тебя есть рация? — обратился к нему коллега.

— Она сломалась, когда я упал. Меня прилично шандарахнуло. Странно, что все остальное цело.

Мужчина издал звук, похожий на рычание. Он похлопал себя по карманам и тяжело вздохнул. Его рация осталась в машине, которую только что увели из под носа. Он резко обернулся к свидетелям происшествия.

— Одолжите свою машину. Нам нужно догнать беглецов.

— Сожалею, у нас нет машины. Придется вам добираться своим ходом или одолжить у

кого-то из местных. Постучитесь в любую дверь и вам откроют. — ответила Сфено.

Эвриала не сводила глаз с наставницы. Она нахмурилась, не зная злиться на неё или обожать. Их машина была припаркована за домом заказчика и, тем не менее, Сфено предпочла солгать. Она не стала бы делать что-то просто так. У Эвриалы появились кое-какие догадки. Быстрым движением пальцев, она незаметно набрала на контроле одно слово — «почему». И получила в ответ одно слово — «Медуза».

— А знаете, у меня есть... — начал Ульрих.

— Она сломана. Ты забыл? Ты уже вторую неделю не можешь сдать ее в ремонт. — Эвриала уставилась на него безумным немигающим взглядом. Ульрих ответил таким же.

— Э... Да. Точно. Извините. Совсем забыл о поломке. — Не сводя глаз с Эвриалы, он медленно повернул голову к полицейскому.

— Мне нужен врач. — страдальческим голосом сказал второй полицейский.

— Подожди. — Первый рванул в сторону темного пятна, которое имело очертания машины.

— Сфено, у тебя есть...

— Конечно. — она сняла рюкзак и, покопавшись, достала небольшое устройство, похожее на алкометр, но значительно меньшего размера. Это был анализатор системы жизнеобеспечения или, как называли его экзо, асэжэ. Он был очень полезен в случаях вроде этого. Иногда пострадавшие не выглядят, как пострадавшие, или же выглядят, но не в той степени, чтобы о них беспокоиться.

— ...объяснение. — закончила Эвриала.

— Да. Хотелось бы услышать, почему это моя машина сломана. — Ульрих взглянул на оставшегося полицейского, который пытался привести свой костюм в порядок, несмотря на то, что в бледном свете ночного фонаря всё равно почти ничего не было видно. А зная, что вся улица после очередного «приступа» ливня была сплошь покрыта лужами, можно было ставить десятку на то, что он просто размазал грязь по одежде.

— Как только так сразу. — ответила Сфено, даже не взглянув на них. Раздался щелчок, и красная полоса света прошла от макушки до пяток полицейского и обратно. Тот оторопело заморгал, дважды ослепленной красной вспышкой.

— Никаких серьезных повреждений нет. — констатировала она, пряча асэжэ обратно в рюкзак.

Раздался свист. Покинувший их полицейский стоял у открытой дверцы чьей-то машины и взмахом руки подзывал кого-то из них к себе.

Тот, что стоял со всеми остальными у «обезглазеного» тела, кивнул и повернулся к ним.

— Спасибо. Мне даже полегчало. — обратился он к Сфено.

— Но к врачу все равно наведайтесь. Лечить нужно не только предсмертное состояние. — сказала она и уголки ее губ слегка приподнялись, а вместе с ними приподнялись и брови Ульриха. Ему не мерещилось. Она умеет улыбаться.

— Погодите. — вмешалась Эвриала. — Что нам делать с телом?

— Да-да. Он валяется чуть ли не у моего дома. — недовольно произнес Ульрих, словно его дом — достопримечательность, и обезображенный труп может проредить толпу туристов.

— Вызовите скорую помощь.

— Так не пойдет. — снова остановила его Сфено. — Мы заключили договор с владельцем дома и нам нужно выполнять его условия, а именно — выводить нечисть.

Ульрих кивнул. В коем-то веке он ощущал поддержку. Вроде бы мелочь, но даже она всколыхнула в нем воспоминания о чем-то далеком. Ему одновременно хотелось и не хотелось вспоминать об этом. Это как съесть однажды лучшее в мире мороженое, а после вспоминать о нём через 5, 10, 20 лет, испытывая тягучее ощущение ностальгии о прошлом, которое уже не вернуть. Каждое новое мороженое приятно на вкус, но вместе с удовольствием от поедания холодящих сладостей в жару, ты получаешь порцию боли от воспоминаний о похожих моментах из прошлого, на которые бы, не думая, променял целые годы бесцельной жизни. Людям, которые не сталкивались с такой проблемой, не понять, как можно отказаться от общепризнанных атрибутов счастья. Оказывается, можно. Безжалостная память не дает не только забыть о прошлом, но наслаждаться будущим. Вся твоя жизнь превращается в сплошную попытку избежать напоминаний о прошлом, в попытку снова научиться радоваться простым вещам.

Напористый голос Сфено вернул его в реальность.

— ...Если придет скорая помощь, полиция и еще черт знает кто, нам придется давать показания. Находясь здесь, мы нарушаем договор. По вашей милости заказчик сможет подать на нас в суд за невыполнение его условий.

Ульрих удивленно уставился на менторшу, гадая, зачем вообще она легла в гроб, всучила ему молоток с пакетом гвоздей и хлопнула по крышке, которая лежала рядом.

— Э...Ну ладно. — полицейский почесал затылок, — Тогда просто оттащите его с дороги в те кусты. Я сам вызову скорую помощь.

Это было просто. Экзо имеют статус специалистов в деле, в котором не разбирается никто другой. В иерархии они стоят не на много ниже полиции, а для некоторых фанатиков — даже выше всех остальных инстанций, поэтому с их мнением приходится считаться. Никому не хочется сенсаций в прессе, которые могут подпортить репутацию одной из сторон из «тех, кто нас бережет».

Прежде чем они успели что-то ответить, фигура полицейского потеряла четкость и практически растворилась в темноте салона машины, которую, его коллега у кого-то одолжил.

Они переглянулись и одновременно посмотрели на кусты рядом с фонарем. Никому не нравилась перспектива лишиться спасительной темноты, которая не давала им хорошо рассмотреть труп у их ног.

— Ну что ж. — Ульрих хлопнул ладонями, готовясь взять тело за ноги. Он мысленно радовался, что оказался стоящим именно со стороны его ног, а не головы.

«Хе-хе. Хоть в чем-то я победитель».

— Как будто трупу станет легче от того, что мы его передвинем. — проворчала Эвриала, хватаясь на ногу трупа и как бы невзначай отталкивая Ульриха.

— Эй... — Ульрих пошатнулся, балансируя на одной ноге. Вторая по традиции приземлилась в лужу.

— Привыкай к здоровой конкуренции. — Эвриала натянуто улыбнулась.

— Я, конечно, все понимаю, но этого я не понимаю.

Сфено стояла, подбоченившись, у изголовья трупа и осуждающе качала головой, наблюдая за тем, как они, будто малые дети, препираются из-за того, кому досталась конфета получше.

— Чтобы перетащить труп достаточно и двоих, поэтому я как, ментор, буду руководить процессом.

Ульрих даже сначала решил, что это разумно и сделал шаг вперед по направлению к пугающим углублениям в голове трупа, которые под сенью ночи, зияли двумя почти черными дырами. И тут случилось то, что всегда происходило, когда страх отступал, — его мозг заработал.

— Подождите-ка. Может быть, вы и главная здесь, но только в делах, которые касаются потусторонних сил. Да, и заказчик тут я. Значит, и главный тоже я. — он сложил руки на груди и склонил голову на бок в ожидании ответного шага в этой партии.

Сфено вскинула брови и посмотрела куда-то вдаль, прикидывая, как можно остаться в дамках.

— Только в вопросах нечисти и согласно условиям договора.

— Это вы о том, в котором написано, что в случае чего мне можно отрезать пару конечностей? — Ульрих сделал вид, будто всерьез забыл и теперь пытается вспомнить подробности событий, которые произошли всего несколько часов назад.

— Вы...

Рядом с ними что-то зашуршало и зашлепало. Взявшись за ноги трупа, Эвриала тащила его в сторону обочины, при этом пыхтя и издавая странные звуки, которые напоминали ему тихое прерывистое завывание из фильмов о призраках. Да и в жизни он не раз становился свидетелем подобных моментов и готов был засвидетельствовать, что реальная нечисть так же, как и киношная, любит передвигаться со странными звуками.

— Пока вы...болтаете...его переедет машина или того хуже... — Она не оставляла свои попытки в одиночку перетащить тело взрослого мужчины.

Ноги трупа с плеском приземлились в лужу. Ступни Эвриалы хлюпали в резиновых шлепанцах. Широкие черные штанины была заляпаны внизу грязью. Она уже даже не заботилась о состоянии своей формы. И ему понятно, она надела ее в первый и последний раз. У нее промелькнула мысль о том, что она несколько ошиблась насчет прибыльности профессии экзо. Если после каждого первого-второго выезда, ей придется выбрасывать форму, она потеряет немалый процент дохода.

Зато Сфено как-то умудрилась только чуть-чуть заляпать подол платья. Даже по одной этой детали было ясно, кто из них бывалый, а кто новичок.

Сфено и Ульрих прекратили препирательства и поспешили на помощь к Эвриале. Но даже тогда Ульрих немного замедлил ход, пропустив Сфено вперед, чтобы оказаться где угодно, только не у головы мертвеца.

Ему досталась середина, а точнее — задница, которую ему пришлось поддерживать, чтобы им легче было нести.

Он ощущал покалывание в спине, как если бы кто-то за ним следил. Возможно, сущность и присутствовала поблизости, но дело было не в ней. Тени за шторами в домах напротив с головой выдавали нерадивых наблюдателей. Они следили за всем происходящим, но не решались выйти, видимо, опасаясь быть втянутыми в передрагу. Их трусость раздражала его, и в то же время успокаивала, когда он думал, что будучи не правильно понятыми, они могут нарваться на местных с охотничьими ружьями, которые могут решить, что это они виноваты в смерти мужчины. Но по факту они слишком трусливы, чтобы подойти к ним, да еще и с двустволкой наперевес. Даже если кто-то и решится, у него есть пара экзо. Да, они не обязаны защищать его от обычных людей, но он всегда может натравить их на кого угодно, подбросив идею о том, что те одержимы паранормальной сущностью. Экзо будут рады согласно договору оставить на них пару надразов или лишить

их одной или нескольких конечностей.

В круге света некоторые пугающие детали во внешности трупа, ранее скрываемые сенью ночи, стали проступать явственнее. Черные ямки вместо глаз превратились в два кровавых месива. Заляпанное кровью лицо и шею покрывали синюшные пятна, словно его хорошенько побили. Молния оставила на нем шрамы, вычертив их по своему образу и подобию. Мертвец был похож на Франкенштейна, которому еще не вшили глаза. Жуткое зрелище, особенно, когда находишься всего в метре от его обезображенного лица.

Ульрих поежился при виде тела у куста рядом с калиткой его дома. Лицо трупа отвращало, но почему-то он просто не мог отвести от него глаз. Это был один из тех случаев, когда за тем, что тебя пугает, лучше следить, да повнимательнее. Страшно, неприятно и даже противно, но тебе кажется, что это необходимо, чтобы быть готовым к тому моменту. Моменту, когда оно окажется у тебя за спиной.

Он сидел на корточках с выражением лица, на котором читалось отвращение и страх. Его рука замерла рядом с плечом трупа. Нет, он не может до него дотронуться. Но он ведь только что переносил его! Что-то изменилось за эту минуту. Прищурившись, он переводил взгляд с его рубашки на губы и обратно. Его не покидало предчувствие, что рубашка вот-вот поднимется под натиском наполняемых воздухом легких, что губы приоткроются, и он услышит тихий выдох.

Ш-ш-ш...

Он быстро оперся руками на мокрую траву и, опустив голову, повернул её левым ухом к трупу. Всего лишь машина где-то на соседней улице.

Ледяная капля упала ему за шиворот и скатилась вниз по позвоночнику. Он вздрогнул. Что-то ползло по его спине. Оно слегка прикасалось к нему, вызывая мелкую дрожь натянутой струны.

Все затихло. Только что-то громко стучало совсем рядом. Он не сразу понял, что это сердце. Тьма сгущалась за его спиной, просачивалась под одежду, скользила по коже. Размашистая тень легла перед ним, затемнив верхнюю часть трупа. Её границы колебались и подрагивали, как нагретый воздух в пустыне.

На плечи навалилась тяжесть. Он не видел, чтобы его кто-то трогал. Сам воздух сгустился и пригвоздил его к земле. Холодные пальцы скользнули по его груди под футболкой. Он вскочил, порываясь сорвать её с себя. Вернее, ему так показалось. Он по-прежнему опускался под чем-то тяжелым, сжимающим его со всех сторон в невидимом кулаке.

Дышать становилось тяжелее. Еще немного и он упадет прямо поперек трупа. Он будто провалился в другой мир. Оставаясь на прежнем месте, он потерял способность управлять своим телом. Оно превратилось в камень, который вот-вот покатится от порыва ветра.

Время замедлилось. Другого объяснения, почему экзо не спешат ему на помощь и почему их не слышно, у него не было. Вероятно, они все окаменели, но осознает это только он.

Короткий гудок оповестил о том, что ему на контроллер пришло новое сообщение. К счастью, глаза подчинялись его приказам. Зеленый экран мигал вместе с надписью посередине — «1 новое сообщение от Медузы».

«Медузы? Но экзо были подписаны своими именами. Точнее псевдонимами, взятыми из греческой мифологии. Они пишут ему с другого аккаунта? Что происходит?».

Рука поддалась его стремлению нажать на экран, и он с удивлением стал наблюдать за

тем, как легко она двигается. Снова попытался встать. Тщетно — ему позволили сделать это движение.

Ветра не было, но его пронизывал холод. Выдох, и клубы пара повалились из его рта. Ульрих скосил глаза, чтобы посмотреть сообщение. Шея не поддавалась.

«Братик...»

Он смежил веки. Губы дрожали. Неожиданно он пошатнулся, словно невидимый кулак разжался, и упал на колени. Открыв глаза, он осознал, что находится в каком-то локте от лица мертвеца. Но не это его испугало.

Мертвец больше не был безглазым. Веки разомкнулись и на него уставились знакомые глаза с золотистой радужкой.

— Нет...нет... — Ульрих замотал головой. Дыхание стало прерывистым. Горячая слеза скатилась с ресницы и упала на покрытую пятнами кожу трупа. Она тут же исчезла, как на разогретой сковородке. Труп скорчил гримасу, полную презрения и недовольства. Желание вскочить на ноги и убежать, куда глаза глядят, было сильным как никогда, но, к сожалению, все его порывы наталкивались на невидимую стену, будто он застрял в трубе.

Внезапно что-то холодное и мокрое заволокло его лицо. На губах появился металлический привкус. Ульрих закрыл глаза руками и поднялся. Кажется, его отпустило. Тут же рядом с ним оказались его спутницы. Судя по их реакции, они не видели того, что с ним происходило.

— Он что, на тебя плюнул? — Эвриала дотронулась до его лица и кончик ее пальца окрасился красным. Не побрезговав попробовать жидкость на вкус, она поморщилась и закивала. Это была кровь.

Его ладони были полностью залиты кровью, а значит, и лицо. Бежать домой в ванную было опасно. Именно там висит единственное зеркало, которое он так и не снял, и из-за которого, как он думал, и исчезла одна из ловушек.

Ульрих вытер лицо краем футболки. Нет, так не пойдет. Он только размазал кровь по лицу. Если полиция решит приехать именно в этот момент, ему придется многое объяснить. Либо все же отправиться на опасную прогулку в ванную комнату.

Сфено осматривала труп, закрывая головой его лицо. Ульрих был уверен — оно снова стало безглазым.

— Вы разве не видели? — тихо спросил он.

— Видели, как ты отскочил от мертвеца и оказался залитым кровью. А еще ты не отзывался, когда к тебе обращались. — ответила она, сидя к нему спиной.

— Я ничего не слышал...Меня будто парализовало...Эври, дай пистолет, пока меня никто не видел в таком виде.

Эвриала помедлила, но все же выудила из кармана широких брюк пистолет. Ульрих схватил ее одной рукой за запястье, другой за пистолет, и прошипел: «спрячь, пока никто не увидел». Вспомнив о том, что его руки в кровавых отпечатках, он резко отпустил запястья, подняв ладони, как под прицелом копа.

— Извини...За нами наблюдают из соседних домов. Я это чувствую.

— Ну и что. Мы экзо. Нам разрешается. — она покрутила пистолет, засунув указательный палец в рамку.

— Но они-то могут и не рассмотреть вас. Вызовут еще один наряд полиции. И вообще, я имел в виду пистолет с водой. А точнее, мне нужен был только баллон.

Эвриала потеряла красный отпечаток руки на своем запястье. Она хотела было сказать,

что именно из-за таких случаев и было принято носить заметную форму, но она промолчала. Вспомнила: её форма поблекла от дождя, грязи и мрачного света фонаря, в котором они стояли. Остались только красные полосы на одежде и перчатках — прямые оказательства того, что она не абы кто.

— Послушай, пока Сфено тут колдует... — Эвриала запнулась, заметив, как у него тут же сошлись брови на переносице. — Это выражение такое, если что. Так вот, мы вернемся в дом. Ты умоешься и переоденешься, пока я буду сторожить твой покой.

Мгновение Ульрих не сводил с нее глаз.

— Я в курсе, что ты любишь смотреть на голых людей. — усмехнулся он.

— Только на некоторых. — честно ответила Эвриала и тут же залилась краской, мысленно благодаря ночь за то, что она скрыла ее смущение. Мысли роились в ее голове.

«Он заметил? Что делать? Вдруг он решит, что он ей не безразличен? Какая глупость...»

— Если я отношусь к этим некоторым, то я не против.

Страх и ужас, от которых его сердце стучало как бешенное, растворились в глубине ее серых глаз.

Она слегка стукнула по тепловизору сверху и он скатился вниз, закрыв верхнюю часть лица. Так она чувствовала себя увереннее. Его скулы, длинные волосы почти до плеч и странный задумчивый взгляд казались ей как минимум симпатичными. Но сейчас ряд белых зубов, обнажившихся при улыбке, оттеняют размазанную по лицу кровь, делая его похожим на персонажа из фильма ужасов.

— В таком гриме ты можешь составить достойную конкуренцию нечисти. Она решит, что дом уже занят другим пугалом и отправится восвояси.

— Если бы... — Он еще раз протер лицо футболкой.

Сфено медленно качала головой, слушая их разговор.

Ульрих жестом остановил Эвриалу, которая уже занесла ногу в шлепанце на вырост в сторону дома. Последождевая ночная свежесть прочистила его легкие, и он вспомнил то, на чем остановился до того, как нечисть овладела трупом.

— У меня к вам пара вопросов, Сфено.

В ответ она только издала звук, похожий на короткое мычание, даже не удосужившись повернуться к нему лицом. Она явно что-то нашла, но Ульрих не хотел подходить ближе к трупу, боясь вновь увидеть его лицо. Он все же подошел, прикрыв глаза рукой.

Несмотря на свою занятость, она даже замерла, заметив, каким тоном он произнес ее имя. Похоже, он ожидает, что она будет перед ним отчитываться. Ульрих явно чем-то недоволен и она догадывалась, чем именно. В кое-какой секрет его не посвятили.

— Ну... — понукающее произнесла Сфено, теперь смотря прямо перед собой в пустоту. Можно было бы подумать, что она смотрит на куст, на самом же деле в фокусе были ее размышления о событиях последнего часа. Ей нужно было сделать выводы, чтобы наметить дальнейший план действий. Ловушки расставлены, но их эффективность неизвестна и их слишком мало, чтобы обеспечить безопасность хотя бы Ульриху. Нечисть просто вышла за ними и теперь летает где-то поблизости, вселяясь в незанятые тела. Занятыми она тоже не брезгует — инцидент с её протеже тому подтверждение.

Неизвестна схема, по которой нечисть вселяется в чужое тело. Произойдет ли что-либо, если она дотронется до трупа? Сущность начнет перетекать в ее тело или они обменяются телами, или она вытолкнет Сфено из тела, или...ничего не произойдет и она просто накручивает?

Градус раздраженности в ней потихоньку повышался. Обычно они в течение пары часов определяли, с кем им придется иметь дело. Бывало, что понимание приходило за секунды после первых же проявлений паранормальной активности. А тут... Бомба замедленного действия, против которой у них имеется куча барахла, которое можно сравнить с пластмассовыми лопатками для песочных куличиков. Чем они занимаются? Размахивают лопатками и пускают мыльные пузыри в надежде, что у нечисти есть аллергия на пластмассу или шампунь...

— Почему вы сказали полицейскому, что у меня сломана машина, хотя у меня ее даже нет? Почему вы сказали, что у вас нет машины, если она припаркована у внутреннего двора моего дома?

Сфено многозначительно вздохнула, но он этого не услышал. После небольшого затишья ветер снова начал усиливаться. Черные кроны деревьев раскачивались из стороны в сторону. Громкий шелест, будто из огромного ковша на землю сыпятся фантики из-под конфет, вырывал его из размышлений о собственном страхе и о том, куда он может его завести. Если бы нечисть хотела его убить, то сделала бы это еще 8 лет назад. Тогда что же ей нужно?

— Позже, Ульрих. Ты обязательно все узнаешь. Ты же помнишь, что у нечисти хороший слух. Она до сих пор может прятаться в трупе.

При этих словах он сделал шаг назад. И все же любопытство взяло вверх. Сквозь пальцы было видно, как Сфено что-то достает из внутреннего кармана легкой куртки мертвеца.

— Вы что же, обчищаете мертвого человека? — возмущенно воскликнул он. — Я вам не позволю!

Он схватил ее за плечо, но она скинула его руку.

— Не обчищаю, а ищу улики. — спокойно произнесла Сфено и наконец обернулась к нему. — Ты же хочешь узнать, почему твоих милых соседей хотят посадить в тюрьму и как им можно помочь?

Последняя фраза прозвучала скорее как утверждение, а не вопрос. Реакция Ульриха на арест соседей выдала его равнодушие к ним.

Ульрих кивнул.

— Тогда тебе придется подождать. — она вернулась к обследованию карманов мертвеца. — Лучше иди в дом с Эвриалой. Там безопаснее.

Она похлопала по груди безглазого. Рука тут же юркнула под ветровку и достала черную прямоугольную коробочку и два небольших листка, которые оказались чеками. Их она выбросила. Пальцы скользили по граням прямоугольника, пока не нащупали несколько кнопок.

— Это же... — начала Эвриала.

Сфено встала и подошла к фонарю, вертя прямоугольник перед глазами: «Записывающее устройство».

Глава № 12. Находка

Тихо. Ни полиция, ни машина скорой помощи до сих пор не приехали. Один раз где-то неподалеку собака изошлась лаем. Ульрих было рванул к входной двери, но его тут же остановили. На мгновение он позабыл о том, что некоторые разновидности нечисти отлично имитируют любые звуки. Не он один просчитывал в уме варианты того, что будет, если за ним закроется дверь, разделяющая его и экзо.

Эвриала сходила проверить, не накиннулись ли собаки на мертвеца. О том, что бы перенести тело в дом, и речи не шло. Ульрих рассказал о том, что с ним произошло, когда он присел рядом с мертвым, и заявил, что пока этот дом принадлежит ему, никаких трупов в нем не будет, разве что его собственный.

— Я наотрез отказываюсь переносить его в дом! И не просите!

Девушки и не подумывали об этом. Кому охота держать в доме латентного зомби. Если уж он снова проявит себя, им придется применить оружие. И попробуй потом доказать, что он умер от молнии, а не от электрозажима Эвриалы. Их единодушие его приободрило. Только где-то в глубине души екнула совесть. Он тут же запел ей колыбельную о собственной безопасности, о том, что жизнь живых дороже целостности тел и почитания умерших. В полудреме совесть что-то пробормотала и снова заснула под его убаюкивающие доводы.

— Устаревшая модель. Не знала, что такой еще пользуются. — Сфено изучала свою находку. Они сидели в гостиной, недалеко от ближайшей к ним ловушки.

Ульрих хмыкнул. Экзо что не покажешь — для них все устаревшее. Хорошо же иметь доступ к последним инновациям, которого нет у всех остальных. Рынок пестрит кучей новоявленного барахла из сегмента масс-маркет, но с тем, что имеют экзо, могут потягаться разве что правительственные структуры. Им можно заниматься разработками, но исключительно товара, который не может быть смертельно опасен для человека. Единственная причина, по которой правительство дало экзо зеленый свет на разработку оружия, — оно не предназначено для людей. Одной бумажки с печатями обеих стороны правительству было мало, поэтому его представители периодически устраивают экзо сюрпризы, захаживая к ним для внезапной проверки. Обо всем это Ульрих узнал из сводки об успехах правительства по поддержанию мира во всем мире. Её печатали еженедельно.

Однажды у экзо даже изъяли оружие, которое готовилось в выпуску. Точнее, это был защитный экран, который якобы защищал от некоторых воздействий паранормальных сил. Пробные образцы были отобраны и протестированы. Как оказалось, экран отлично защищает и от обычных пуль. А монополию на изготовление обычного оружия имело только государство. К счастью или несчастью, экзо отделались малой кровью — получили предупреждение и лишились пробной партии.

Ульрих тут же вспомнил о пистолете в кармане Эвриалы. Законно ли это? Если это оружие было произведено экзо — нет, если же оно было куплено, то вполне. Пистолет не выглядел необычно и точно не имел эмблемы на корпусе. И это было разумно. Экзо не добились бы такой репутации, если бы в их руководстве были люди, которые ставят пафос выше безопасности. Он достаточно долго изучал их деятельность, прежде чем к ним обратиться, и пришел к выводу, что у экзо нет кого-то одного главного. Во главе стоит совет. Точный состав и число, входящих в него, указано на сайте по поиску данных о любом

гражданине планеты.

Сайт заработал всего год назад и был назван в СМИ еще огромным шагом на пути к равенству. Тут же появилась группа анархистов, которые поставили ультиматум — либо обнародование этих данных будет прекращено, либо они устроят переворот. В ответ правительство поставило им свой ультиматум: либо они замолкают, либо их ждет срок за клевету. Сначала наказанием был штраф, затем — общественные работы, но когда оппозиция начала активно распространять листовки с пропагандой, наказание ужесточилось до заключения под стражу на неопределенный срок. Следующая ступень в этом окне Овертона — казнь с трансляцией по всем каналам. Такое уже раньше случалось. Случится и теперь. К/н/и/г/о/л/ю/б . нет

Ульрих был только за то, что бы информация о каждом человеке и о новых рассекреченных ведьмах и ведьмаках была доступна всем и каждому. Ровно до тех пор, пока не решил поискать себя в реестре. Это было неприятно. Стоило ему набрать свое имя в поисковой строке сайта, как появился длинный список всех Ульрихов, обитающих на планете Земля. В тот момент он ощутил себя клейменный скотом, одним из тысяч, произведенных на свет Ульрихов, частью одной огромной толпы, которой многие противопоставляют себя, носителя уникальных личности и опыта. Он стал понимать протестующих, но вступать в их ряды не спешил.

Правительство пытается создать для нас лучший мир — не стоит ему мешать в этом. Ради процветания общества он готов был закрыть глаза на многое...

Ульрих сидел в кресле и размышлял о том, как бы невзначай задать им довольно щекотливый вопрос — связаны ли экзо с протестующими? Лучший способ незаметно провести незаконное собрание — позиционировать его как законное. Например, как собрание совета экзо. А в курсе ли правительство того, что они там обсуждают?

Сфено сидела рядом на диване. Она подключила наушники к записывающему устройству и с сосредоточенным видом что-то слушала. Ее брови, то хмурились, то поднимались, выдавая удивление. Кнопки остановки, перемотки и проигрыша попеременно щелкали под пальцами. Не тот момент, чтобы задавать подобные вопросы.

Остается Эвриала. Только он открыл рот, как пришлось его закрыть, потому что голову внезапно накрыло свитером с большим изображением сердца.

— Тебе нужен был свитер... Странно, что его оно не стащило. Тапочки взяло, а свитер — нет. Видимо, у этого существа свой особый стиль. — Эвриала налила в стакан воды из графина и залпом его осушила. Ульрих про себя отметил, что за таким стаканом удобно наблюдать — если вода начнет появляться в нем, как это было с кружкой, он сможет зафиксировать это. Возможно, фокус с кружкой даже признак того, что сущность находится поблизости.

Она снова была босой. От вида ее голых ступней ему становилось не по себе. Он не любил, чтобы его гости в чем-то нуждались. Если вдруг случится форс мажор и ей придется сражаться с монстром, её быстро выведет из строя первый же удар мизинцем об угол тумбочки или стула.

— В прихожей в тумбочке должна лежать старая обувь. Посмотри. Может, найдешь что-то своего размера.

Она кивнула и, уставившись на контролер, направилась к выходу.

— Если увидишь там каких-то птиц, не прикасайся! Даже если они очень милые!

Экран контролера мигнул.

«Хорошая шутка». - сообщение от Эвриалы.

— Ульрих.

От неожиданности он вздрогнул. Сфено высунула один наушник из уха. Прищуренные глаза посматривали то на него, то на стену за ним. Её лицо умещалось между большим и остальными пальцами руки. Размышляя о чем-то, она слишком сильно сдавила свои щеки, от чего лицо обрело детские черты.

Не успел он и глазом моргнуть, как в ее руке появился блокнот с ручкой. Возможно, он был там изначально. Он не был уверен. На лицо первые последствия перенапряжения и недосыпа.

— Твоя сущность ничего тебе не говорила? Возможно, делала намеки на что...

Он задумался. Стоит ли ему сообщать о том, что он слышал сегодня. Это мелочь, но экзо может решить, что даже в одном слове есть глубокий смысл.

— Ульрих?

— Да. То есть нет. То есть да. Там, на улице, когда в тело вселилась сущность, мне на контроллер пришло сообщение с одним словом...братик.

Его внутренности сжались в ожидании бурной реакции, но вместо этого Сфено разочаровано махнула рукой.

— Видимо, где-то поблизости работают другие экзо. Проверь в истории сообщений осталось ли оно.

— Уже проверял. Ничего нет. — Ульрих медленно выдохнул, так, чтобы никто не понял, что это был выдох облегчения.

— У меня к вам тоже вопрос. Вернее, просьба. Одолжите ноутбук или планшет. У меня есть свой, но, боюсь, если я отправлюсь на его поиски, затишье закончится.

— А моторную лодку тебе не достать из рюкзака? — В дверях стояла Эвриала. Кулаки в бока, ноги расставлены, словно она собралась противостоять сильному ветру. На ногах черные кирзовые сапоги в красный цветочек. Все лучше пушистых розовых тапочек. Заметив его удивленный взгляд, она немного опешила.

— Это ничего, что я их обула?

— Ничего. — Он усмехнулся, чувствуя небольшое покалывание в шее — верный признак того, что он лжет. — Можешь достать и лодку. Лишь бы интернет был. Мне нужно кое-что проверить.

Эвриала покопалась в одном из кармашков в рюкзаке Сфено. Об стол щелкнул маленький кубик размером с фалангу пальца с одной единственной кнопкой на верхней стенке.

— Вы хотите, чтобы я что-то подорвал этим устройством? — совершенно искренне спросил Ульрих. Он видел его впервые.

— Ты просил ноутбук. Вот тебе ноутбук. Это одна из последних разработок. Можно заходить в интернет, связываться с людьми, смотреть видео и картинки. С чего начнешь? — Эвриала плюхнулась на диван рядом с его креслом и продолжила загибать пальцы.

Внезапно она замерла. Часть лба под короткой черной челкой покрылась морщинами у переносицы. Она повернула голову вправо, при этом продолжая смотреть прямо перед собой. Словив на себе его взгляд, она тут же стала похожей на прежнюю Эври. Тревога быстро была упрятана куда подальше под жирный слой грима под названием «притворство».

— Все в порядке. Просто послышалось карканье.

— Ну тогда нам нужно быть готовыми. Я часто слышу карканье при ее приближении.

— Возможно, это просто слуховые галлюцинации от перенапряжения. — предположила Эвриала, но оглушающее устройство, похожее на флейту, все-таки достала.

— В моем доме? — Пораженный ее наивностью, Ульрих даже не заметил, что случайно нажал на пугающую кнопку. Другой его мыслью был вопрос, кто именно изготовил такое устройство. Экзо не имеют права производить что-либо, кроме оружия для охоты на нечисть. В любом случае логотипа фирмы на этом устройстве не было, поэтому узнать, кто именно его разработал, можно, только отправив анонимное письмо инспекторам с просьбой нагрянуть на предприятия, которые предположительно отвечают за появление этой инновации.

По столешнице пробежались тонкие голубые линии. Встретившись, они мигнули и на столе появилась проекция прямоугольника. По нижнюю сторону от устройства появилась проекция клавиатуры, а выше — страница браузера, в которой все без исключений состояло из неоновой обводки, подобно только что купленной разукраске.

Прищурившись, он заметил в уголке знак, похожий на букву «н». И все-таки они производят что-то кроме оружия. Это либо незаконно, либо он не в курсе последних нововведений в законодательстве. Интуиция ему подсказывала, что ему не стоит сейчас затрагивать эту тему.

Ульрих пробежался пальцами по изображению клавиатуры, открыл сайт реестра ведьм и ведьмаков по всей стране, выбрал свой город и ввел имя и фамилию. На экране появилась надпись «найдено», а под ней какой-то текст с фотографией девочки.

— Постой-ка.

Девушки вытянули шеи, чтобы рассмотреть фото.

— Это же... — глаза Эвриалы расширились. Она с трудом перевела взгляд на Сфено, которая сидела с видом человека, играющего в прятки в музее мадам Тюссо.

Это была его соседка.

Некоторые удары по воображаемой клавиатуре и на экране появилось фото ее отца. Именно они этой ночью угнали машину полицейских. И они одни из людей новой эпохи, те, кого большинство людей старой эпохи презирает. Можно было не сомневаться — на них повесят убийство полицейского. Скажут, мол, это они с помощью своих мерзких сил направили на него молнию. А, может, все так и было на самом деле? Ну не может же молния так удачно попасть в нужное место и в нужный момент.

Он прикрыл нижнюю часть лица ладонью и прерывисто вздохнул.

— И как я мог не заметить, что они не обычные люди. Что они из этих... — медленно пробормотал он. — Зачем полицейские скрыли это? Устроили цирк с наркотиками... Ничего не понимаю.

— Может, за тем, что твои соседи на самом деле не имеют никаких способностей. — Пожала плечами Эвриала, — На них кто-то донес, либо правительство точит на них зуб по другой причине. Раньше так католическая церковь отбирала земли у влиятельных людей. Взять, к примеру, графиню Батори. Она была протестанткой, причем очень влиятельной. Церковь придумывает ей кровавый образ молодящейся садистки и запирает в башне на всю оставшуюся жизнь. Земли естественно забирает себе. Протестантизм теряет поддержку, а католики получают новые земли. Вуаля! — она развела руками, как фокусник над котелком, полным кроликов.

Сфено внимательно наблюдала за Эвриалой, чтобы понять к чему она клонит. А сделать это было не сложно. Сложно было бы скрыть очевидные вещи, которые полностью

опровергали ее рассуждения.

Ульрих заметил её замешательство. Она как-то странно сжимала в руке записывающее устройство. Теперь Сфено сидела, не прикасаясь спиной к дивану в напряженной позе, словно собиралась что-то сказать или выбежать из комнаты. Зачесанные назад белые волосы после дождя пошли волнами. Лоб блестел то ли от дождя, то ли от пота.

Свет снова замигал. Когда он появлялся на пару секунд, ему казалось, что на ее волосы кто-то просыпал мешочек с бриллиантам. Мигание прекратилось. Бриллианты оказались всего лишь капельками дождя, попавшие в ловушку налакированных волос.

Заметив на себе его взгляд, Сфено поняла, что он чего-то ждет и то, чего он ждет, избежать невозможно. Она и так обещала ему, что ответит на его вопросы позже. Если продолжать их игнорировать, он может сделать выводы самостоятельно и не в их пользу.

— В этом устройстве запись разговора. Похоже, голоса принадлежат твоим соседям. Вам стоит послушать.

Она отсоединила наушники и нажала на кнопку.

«— Если ты долго стоишь на улице с загадочным видом, рано или поздно к тебе кто-то да подойдет. Вот взять даже тебя. Ты слушаешь?» — первый голос был мужским. Он определенно принадлежал соседу.

«— Ага. Говори потише». - а этот точно был его дочери. Она почти всегда агакала вместо того, чтобы сказать «да».

«— Я заметил, ты часто идешь по улице с таким видом, будто у тебя есть секрет...»

Ульрих кивнул. Он давно это заметил, но не придавал значения. Мало ли странных подростков в округе?

«...- Притворись, что у тебя его нет. Обрати внимание на то, как себя ведут остальные и имитируй. Только так ты выживешь. И не пялься на полицейских. Она как животные. Если смотреть им в глаза, решат, что ты что-то скрываешь и можешь представлять опасность. Поэтому не выделяйся, чтобы к тебе не подошли гонцы инквизиторов.

— Мне страшно.

— Я это знаю. Вернее, чувствую. К сожалению...Какая же хреновая способность мне досталась. Уму непостижимо. Я даже не знаю, что может быть хуже, чем знать все, о чужих страхах.

— Превращать все в дерьмо прикосновением мизинца?»

Эвриала хихикнула. Сфено осуждающе покачала головой. Голоса сменились шипением, которое через несколько секунд прекратилось, и их снова стало хорошо слышно.

«— ...А еще...

— Ладно, я понял, что их много. Можешь все не перечислять. Послушай, я хочу, чтобы ты поняла кое-что. Или по крайней мере задумала об этом. Ты слушаешь?»

Шелест прекратился.

«— Ага.

— Наша цель — не обрести, а лишиться того, что мы обрели в этом мире. Мы приходим в него без страха и должны покинуть его без оного. Здесь мы учимся избавляться от ненужного балласта. Думаю, за этим мы сюда и явились. Человек без страха способен на все, что угодно. Он становится божеством круче всей олимпийской тусовки.

В этом мире все построено на манипуляции людей с помощью их страхов. Весь рынок ненужного барахла держится на чужих страхах. Мы — моральные инвалиды, которые способны лишь культивировать страх в себе и окружающих. Зачем мы разносим эту боль как

паразиты? Чтобы заглушить свою собственную. Поэтому главный задира в школе — всегда главный трус. Понимаешь, к чему я клоню?

— Ты считаешь, что люди старой эры боятся нас, поэтому и устроили эту охоту на ведьм. Они хотят быть одними из нас, но не могут. Как думаешь, если им действительно удастся разобраться, откуда взялись наши силы, как их копировать и вживлять обычным людям... Думаешь, они успокоятся?»

Ульрих знал ответ на этот вопрос. Им, «обычным» людям, всего лишь нужно равенство. Как только несправедливость будет устранена, с этой проблемой будет покончено. Правительство же только выражает интересы своего народа. А народ этот не хочет чувствовать себя второсортным человечеством, которое постепенно заменяют избранные.

«— Нет. — тем временем продолжал рассуждать мужчина из записи. — Думаю, их цель — не сделать так, чтобы у всех были какие-то способности, а уничтожить нас. В своих пыточных лабораториях, они могут делать с нами все, что угодно. А люди верят, что еще немного и они станут одними из нас, и сдают нас правительству, как расходный материал для экспериментов. Ты хоть раз слышала о ведьмах или ведьмаках, которые вернулись к обычной жизни после опытов в этом их госотделе по изучению сверхспособностей? Я — нет».

Запись закончилась.

Он никогда не смотрел на это с такой стороны. И действительно, возвращался ли кто-то после этих экспериментов домой? Ведьмаков и ведьм новой эпохи сдавали не на казнь. По крайней мере, так думали, те, кто звонил на круглосуточный номер, по которому можно было сообщить координаты потенциального представителя ментальной буржуазии, как их называли в газетах и журналах. А несколько месяцев назад появилась возможность слать смс с именем и адресом проживания возможной ведьмы или ведьмака.

Ульрих представил, как он мило болтает с девушкой, которая с помощью слепого набора, прямо за спиной отправляет смс с его данными «куда надо». Ему стало настолько противно, что он поежился.

У него под носом жили «избранные», а он и не подозревал об этом. И не кто угодно, а его хорошие знакомые, которые даже иногда угощали его пирогом или запеканкой. Что если того полицейского действительно убили они, а не молния? Еще неизвестно, какими способностями они могут обладать. Метать молнии, подражая верховному богу Зевсу, по мнению Ульриха, было уж лишком даже для «избранных», но он теперь ни в чем не был уверен. Хотя слово «избранные» он по-прежнему даже мысленно произносил с насмешливой интонацией. Функция, доведенная телевидением и правительством, а точнее правительством через телевидение, до автоматизма. Он уже не знал, хорошо это или плохо. Все-таки оно действует в его интересах, но люди, которые на него работают, как и все остальные, способны на ошибки. Поэтому если кто и не вернулся после экспериментов, то это произошло по случайному стечению обстоятельств.

«Сопутствующий ущерб в таких делах неизбежен». - мысленно сказал он себе, даже не замечая, как шкафчик с сервизом напротив дивана то исчезает, то появляется под мигающим светом лампы.

— Записывающие устройства в их доме говорят об обратном... — задумчиво произнесла Эвриала. Когда он вышел из раздумий, то обнаружил, что она уже сидит на подлокотнике дивана и нервно покусывает костяшку большого пальца.

— Что ты хочешь этим сказать? — озвучила Сфено их общий вопрос.

— Так сказал полицейский. Помнишь? — полушепотом ответила она. В ее глазах отражалось предвкушение того, к чему может привести тайна, завесу которой она только что приоткрыла. Глаза Сфено внезапно расширились и стали походить на кукольные. Она кивнула.

Сфено обернулась. Она смотрела на него с нескрываемым раздражением, но секрет не давал ей на него как следует накричать. Она стиснула зубы и нагнулась к нему так, чтобы губы оказались рядом с его ухом.

— Ты называл нас ведьмами...

Примечания:

Окно Овертона — <http://interesnyefakty.org/okno-overtona/>

Глава № 13. Комната Медузы

Следующие минут 20 они бегали по дому, стараясь не попасть в одну из экзо-ловушек. За это время они не проронили ни слова. Максимальное взаимодействие — взгляд, кивок и короткие фразы через контроллер. Ульрих несколько раз пытался разговаривать Эвриалу, но она постоянно обрывала разговор, подгоняя его. Копы могли заявиться в любой момент. Мало того, что рядом с калиткой его дома валяется труп полицейского, он ещё и в шутку назвал Эвриалу ведьмой, и Сфено, кажется, тоже.

Он не видел в этом ничего опасного. Даже если окажется, что его прослушивали, «прослушивающие» поймут, что это была всего лишь шутка. Все же не бакланов набирают в их отдел по поиску «избранных». Поразмыслив, Ульрих признал, что у них был повод установить жучки и в его доме. Он живет по соседству с ведьмаком и подрастающей ведьмочкой! Если они следили за соседями, то могли заметить, что между ними хорошие добрососедские отношения. По их мнению, он тоже мог быть ведьмаком. На их месте он поступил бы так же — проверил бы всех друзей. Правонарушители любят сбиваться в группы, чтобы проще было выживать. К тому же, любой тайне нужны те, кто будут ее хранить. Делать это в одиночку просто невыносимо.

— Поэтому они и решили заодно проверить и меня — успокаивал себя вслух Ульрих. Он прыгнул на кровать и отскочил от матраса так, что чуть не скатился на пол. Перила были чисты — никаких признаков прослушивающего устройства.

Эвриала распахивала комоды и шкафчики. Не побрезговала даже покопаться в ящичках с нижним бельем.

— Теперь ты знаешь обо мне слишком много. Даже трусы все пересмотрела. — усмехнулся Ульрих.

— Ну а вдруг. Не бойся, я никому не расскажу, что у тебя есть трусы в красный горошек. — Эвриала подмигнула и ее глаза скрылись за красными очулярами.

— Вообще-то сейчас они в моде. Прямо на мне такие же.

Ульрих решил ей подыграть, отвлекая ее от того факта, что он просто валяется на кровати вместо того, что бы искать жучки. Он вяло шарил рукой под матрасом, прекрасно помня, что ничего, кроме карт там нет.

В спальне горел только ночник у его изголовья. Редкие мелкие удары о стекло начали учащаться. Этот дождь был крепким орешком. Ульриху надоело уже считать, в который раз он возвращается в их обитель. Луна проглядывала сквозь темные бегущие облака, подсвечивая их неоновым светом.

В этой небольшой комнате стояла одна ловушка, установленная Сфено. Она находилась рядом с кроватью и, судя по мигающему красному полю вокруг точки на контроллере, ее действие захватывало часть кровати. Стоит ему протянуть руку в сторону, как она застрянет в подобии невидимого желе. И все же, он позволил себе немного расслабиться. Тут было довольно уютно.

Эвриала занималась поисками жучков, а он только имитировал деятельность. Он и не должен был напрягаться. Это не входило в обязанности заказчика. Единственная его обязанность — оплатить выполненный заказ. С другой стороны, Ульрих чувствовал себя обязанным делать хоть что-то, когда все другие работают. Пока его совести хватало на то, чтобы притворяться, что он помогает.

Эвриала повернулась к нему и приподняла окуляры.

— Ты что заигрываешь со мной?

— Ну а кто бы не стал? Особенно привлекает то, что ты расхаживаешь по дому в кирзовых сапогах на босу ногу... — полушутил он. Это было первое, что пришло ему в голову. Он был одним из тех людей, которые наивно полагали, что болтовня может отвлечь внимание собеседника от смущения, которое он испытывает. Он прищурился с видом человека, который пытается вспомнить, когда истекает срок годности у открытой пачки молока.

— А еще... твои глаза меняются.

— Ах да. Извини. Если хочешь, я их сниму. Стоп, что ты сказал? — Эвриала застыла с выключенной настольной лампой в руке.

— Серость пасмурного неба растворяется в синеве. Отражение неба в морских волнах. Вздыхается ветер и оно синее, покрывается полупрозрачными голубыми волокнами. Вот на что это похоже...

Эвриала молчала, не зная, что на это ответить.

— Ты точно ведьма. — в нее полетела маленькая подушка. Она ударила ее прямо в лицо и упала рядом. От последней фразы Эвриала быстро пришла в себя.

— Молчи! — зашипела она, оглядываясь по сторонам.

— Ведьма-ведьма... — прошептал он, приставив к губам ладони наподобие рупора. Ему нравилось ее дразнить.

Она в два счета оказалась у его кровати. Ее рука залепила ему рот. Он замычал, пытаясь отцепить от себя ладонь, обтянутую перчаткой. Она почему-то была влажной.

Он указал пальцем на экран его контроллера. Уловка сработала. Она убрала руку. На экране не было ничего необычного — 2 зеленые точки и одна красная совсем рядом.

— Только у ведьмы могут быть такие удивительные глаза.

Эвриала склонила голову набок и взглянула на потолок. Эта фраза не была похожа на обвинение. Если ее услышат через подслушивающее устройство, то поймут, что парень просто флиртует, а не является очевидцем чего-то очевидно ведьминского происхождения.

— Продолжай в том же духе. — наконец сказала она.

— Непохоже, чтобы тебе это нравилось. — Ульрих резко поднял туловище и его лицо оказалось всего в нескольких сантиметрах от её. Он слегка дотронулся до ее щеки. — Твои глаза опять серые...

Эвриала взяла его за запястье, не зная, что делать дальше — убрать руку или оставить.

— Почему тебе не нравится, когда я называю тебя ведьмой? Мне казалось, ты к ним хорошо относишься.

— Зато ты относишься нехорошо. — ответила она. — И, я уже говорила. Твои слова могут истолковать неправильно и тогда мне не поздоровится.

— Тогда я буду называть тебя необыкновенной. Идет? Будет еще лучше, если ты назовешь своё настоящее имя. И не говори, что тебя зовут Эвриала. Я проверил ваши имена. Это имена горгон-сестер Медузы. Назови свое настоящее имя. — Ульрих заглянул ей в глаза. Ему снова показалось, что в радужке ее глаз появляются и исчезают синеватые вкрапления. Это всего лишь воображение. Таких глаз не бывает.

— Я...

— Ты мне нравишься и я хотел бы знать его. — едва касаясь кожи, он провел пальцем по ее подбородку.

Эвриала смежила веки. Нарушение личного пространства и виноградный шлейф, который она уловила, оказавшись так близко к его лицу, ослабили контроль над ее языком. Еще чуть-чуть и она бы назвала свое настоящее имя.

Она хотела сказать «нельзя», но ответ вдруг растворился в поцелуе. Когда она открыла глаза, он уже отстранился.

— К...

Нет, она не скажет. Рука резко дернулась и опустила телевизор на глаза. Так проще лгать.

— Катинка... — медленно произнес он, пробуя это имя на вкус. Он взял ее за запястье и повернул руку ладонью вверх. — Это имя вытатуировано у тебя на запястье. Я заметил это, еще когда загорелся ковер и ты сняла перчатки.

Ее губы превратились в две тонкие линии.

— Это имя ничего не значит. — холодно сказала она.

— Именно поэтому ты вытатуировала его у себя на запястье.

Эвриала вздохнула.

— Скажем так. Был девичник. Я много выпила. Проснулась с этим словом на теле. Никакой Катинки я не знаю. — она выдернула руку и подалась вперед. Они снова оказались слишком близко друг к другу.

— Еще раз поцелуешь меня без спроса, и я воспользуюсь пистолетом. — прошептала она.

— Ради этого я готов немного промокнуть. — Ульрих усмехнулся и тоже подался вперед.

— Не этим пистолетом... А вот этим.

У его виска оказалось дуло пистолета, который он уже видел ранее, когда стоял на улице весь измазанный кровью. Оно холодком прошло от виска к его нижней челюсти и исчезло в кармане ее штанов.

— Оу.

— То-то же.

— Нет-нет там...

Он уставился на зеркало, в котором отражалась фотография уже знакомой всем девушки. Оно висело на стене напротив и отражало фото, за его спиной.

Фотография в зеркале загорелась. Он обернулся. С оригиналом все было в порядке. А вот с Эвриалой нет.

Ее лицо изменилось. Фотография в отражении исчезла вместе с растущими языками пламени. Лицо с фото будто переместилось на Эвриалу. Ее короткие черные волосы стали удлиняться и светлеть. Овал лица немного потерял резкость. Глаза... Они были скрыты окулярами телевизора. Губы изогнулись в легкой доброжелательной улыбке. У правого уголка губ появилась ямочка. Эту улыбку он узнал бы из тысячи. Все говорили, что у них она одинаковая. Мамина...

А глаза должны походить на отцовские. Вполне обычной, ничем неприметной формы с серозеленой радужкой. Тем не менее, в них было что-то этакое, едва уловимое, из-за чего их можно было легко узнать. Даже ресницы у них обоих были длинными, почти как у куклы. Отец шутил, что им, видимо, передан ген нарощенных ресниц, которые часто носила мама во время беременности и позже.

Дрожащей рукой он потянулся к телевизору. Кто-то зашипел, и тыльную сторону

ладони прошила острая боль. Он прижал ее к груди. Рядом с костяшками пальцев багровела небольшая рана. Пара капель крови стекли вниз по ладони.

Снова зашипело. Ульрих отпрянул. На уровне его глаз извивалась небольшая тёмно-зелёная змейка. Маленький раздвоенный язычок трепетал, как осенний лист на ветру, и прятался. Ульрих стал медленно опускаться, чтобы избежать повторного укуса змеи. В руке пульсировало, словно в нее засунули маленький шарик, который то сдувался, то надувался.

Стоило ему двинуться, как из-за головы Эвриалы с обеих сторон выплыли еще несколько змеек. Он не знал, сколько их было всего — 5 или 10 — в этот момент ему было не до подсчета.

Бока змеек лоснились в свете ночника, а маленькие блестящие бусины-глазки давали понять — ему не рады. Комната наполнилась шипением множества маленьких головок. Они двигались взад и вперед, приближаясь и шипя при малейшем движении его тела.

Он больше не пытался снять с нее тепловизор. Странно, что они сразу не разорвали его руку на мелкие кусочки. Эвриала сама взялась руками за устройство и потянула вверх. Змейки обвили ее пальцы. Ему даже показалось, что они ластятся к своей хозяйке.

Прижимая раненную руку, он ошарашено наблюдал за этой семейной идиллией. Глаза оказались не папины. Но он их узнал. Эта золотистая радужка и красные капилляры на белках уже давно преследуют его в кошмарах. Он видел их раньше, но тогда они принадлежали мужчине, очевидно, призраку, который донимал его. Теперь же они стали частью девушки по имени Медуза. Именно из-за воспоминаний о ней он и обратился к экзо, в названии конторы которых значилось её имя.

Её назвали в честь той самой Медузы, которую изнасиловали в храме Афины, а после за это же превратили в горгону. Родители не знали об этом. Им достаточно было знать, что она превращала любого, кто посмотрит ей в глаза, в камень. Они только вернулись из Италии, когда мать узнала о своей беременности. Гадать над именем долго не пришлось — в Италии они часто натыкались на необычные дверные ручки-стукачи в виде головы горгоны. Местные рассказывали, что это оберег.

Вот почему она пришла к нему в таком образе. Использует ли она свои воспоминания или его? Это не может быть ничем кроме воспоминаний. Горгон не существует. Она не может явиться к нему. Все это бредовые галлюцинации его воспаленного сознания. Но как насчет укуса? Он же чувствует боль!

— Они будут мучить меня, братик. Вонзать острые иглы в спину, накачивать меня всякой дрянью, задавать одни и те же вопросы снова и снова... снова и снова... — тихо прошептала она. Глаза блестели от слез, которые стекали по ее щекам и собирались на подбородке. Несмотря на весь страх, который он испытывал, услышав ее голос, ему вдруг захотелось её обнять и успокоить. Он попытался поднести к ее плечу руку, но его тут же отогнали раздраженные змеи.

— Ты видел мое тело?

Ульрих замотал головой.

— Ах да, ты видел только пепел. Разве ты не хочешь отомстить за меня, братик? Они сделают с тобой тоже самое, если ты их не уничтожишь.

Рука медленно приблизилась к его щеке. Она делала плавные поглаживающие движения, но не прикасалась к нему. От рук исходил легкий холодок.

— Я...не твой...братик...И я не буду мстить... за несчастный случай. — еле-еле выдавил из себя Ульрих. Лоб покрылся испариной. Он неровно дышал, боясь сводить с нее

глаз. Он чувствовал — за этой показной уязвимость скрывается что-то могущественное и злое.

Ее лоб рассекла вертикальная складка. Ноздри раздулись, а губы скривились и задрожали. Рука сдавила его горло. Целый сонм змей устремился в его сторону. Шипение оглушало. Множество маленьких раздвоенных язычков касались его лица, но ни одна из змей не посмела укусить его. Они не были неконтролируемой частью её тела. Она могла управлять любой из голов по своему усмотрению. И все же, у змей была некоторая свобода действий — небольшой змеиный мозг позволял им управлять своим тельцем, но когда хозяйке было что-то от них нужно, они полностью переходили под её контроль.

— Предатель... — зашипели змеи. Сама Медуза молча смотрела на него глазами, полными ненависти. Золото в них зло блеснуло и она тихо зарычала. Ульрих начал задыхаться. Она не была похожа на галлюцинацию. Воздух почти перестал поступать в горло.

Внезапно Медуза ударила его по щеке и он провалился в темноту. Ульрих отдышался и открыл глаза. Перед ним была непроглядная тьма. Он резко встал и резко лег, столкнувшись с чем-то твердым. Затем боль появилась и в правой руке, которую он машинально поднял, чтобы потереть ушиб. Над ним явно была стена.

Повернув голову, он рассмотрел слабо освещенный паркет.

Все в порядке. Он всего лишь лежит под кроватью. Извивающаяся тень упала на полосы света. В пространстве между кроватью и полом появилась голова Медузы.

— Вылезай. — спокойно произнесла она.

Ульрих замотал головой и попытался поднести к лицу контроллер. У него оставалась одна надежда — Сфено. Он не знал, что произошло с Эвриалой. Возможно, сущность использовала его информацию о его сестре и, вселившись в тело Эвриалы, внесла в ее внешность некоторые коррективы. Но почему Эври не почувствовала, что кто-то снова пытается выкинуть ее из тела? А что если она всё ещё внутри тела и прямо сейчас зовет на помощь?

Пока вся эта мешанина мыслей вскипала в его голове, он не заметил, как Медуза очутилась совсем рядом. Она лежала, касаясь плечом его плеча. Ульрих вздрогнул. Странно, но теперь он не чувствовал холода. Её кожа была горячей. Она сжала его дрожащую ладонь. Боясь разозлить ее змей-малышек, Ульрих медленно повернул голову.

Испуганное лицо Эвриалы было совсем рядом. Она нахмурилась.

— Ты снова со мной? — прошептала она.

У него хватило сил только на то, чтобы разжать челюсти. Она хотела его обнять, но под кроватью было слишком мало места.

Девушка повернулась к нему всем телом и положила ладонь ему на щеку. Он понял — это больше не Медуза.

— Успокойся. Все хорошо.

— Что... произошло?

— Ты душил себя, а потом забрался под кровать. У тебя, видимо, галлюцинации. Ты принимаешь какие-нибудь лекарства? Посещал каких-нибудь врачей. Психиатра, например? Не обижайся, это важно.

— Ты что, не веришь мне? Нечисть только что была здесь... Вместо тебя. — Ульрих убрал ее руку с лица, но не разжал пальцы. Так и держал её руку, ожидая ответа. От тепла, который исходил от её кожи, он начинал забывать о том, что они лежат на холодном,

пыльном полу, о том, что всего пару минут назад он был менее чем в метре от головы, усеянной змеями.

— Нет, я верю тебе. Просто поинтересовалась. — Она начала понемногу отодвигаться, чтобы выбраться из этого сумрачного подкроватного царства, но он сильнее сжал ее ладонь, и она замерла.

— Я думал, сущность вселилась в тебя. — полушепотом произнес он. — Разве ты ничего не почувствовала? В прошлый раз же было все по-другому.

— Вот поэтому я и спросила тебя о галлюцинациях. Я ничего не чувствовала. Совершенно ничего.

Внезапно дверь скрипнула. Затем снова, но уже протяжно, будто бы она медленно открывалась нараспашку. Они обменялись продолжительным взглядом со значением. Эвриала опомнилась и принялась искать, чем можно защитить себя из такого укрытия. Чтобы достать электрозажим, не хватало места. Она похлопала по портупее и достала то самое, похожее на дудку, устройство. Ульрих заблаговременно приложил руки к ушам.

Они прислушались. Кто-то осторожными шапками продвигался в их сторону. Эвриала медленно повернулась к краю кровати и приставила устройство к губам. Стало тихо. В такие моменты кажется, что дыхание и биение сердца — чуть ли не самые громкие звуки в мире.

Рядом с ними появилась белокурая голова Сфено. А в следующее мгновение за спиной Ульриха кто-то мякнул.

Глава № 14. Пончик и Ищейка

Ульрих держал в руке маленькое черное устройство, определенно похожее на жучок. Он отцепил его от кровати, когда лежал под ней. Теперь же Ульрих снова сидел на кровати и размышлял о том, как долго работал этот жучок и что именно слышали те, кто занимается прослушкой. Слышали ли они голос Медузы?

Ульрих взглянул на шею Эвриалы и Сфено. У них были совершенно одинаковые татуировки изогнутых змеек с высунутым раздвоенным языком.

Он потер укус от настоящей змеи на тыльной стороне ладони между большим и указательным пальцами. Оставалось только надеяться, что она не была ядовитой. Так или иначе, рана побаливала.

Эвриала, говорила, что он разговаривал сам с собой, но как она объяснит этот укус? Он просто не мог оставить такие отметины на руке. У него нет таких клыков и сама челюсть по размеру намного превышает укус.

Они нашли его под кроватью. Серый кот с несколькими полосками выглядел таким испуганным, что даже обозленная на котов Эвриала протянула руку, чтобы его погладить. Сфено стукнула её по вытянутой ладони — ещё чуть-чуть и она бы тоже попала под действие ловушки. Если экзо-ловушка срабатывает, она не становится безвредной для окружающих. Она устроена по принципу липкой ленты для мух — одной жертвой тут не ограничится. Но даже у липкой ленты есть свой предел: она может ловить мух ровно до тех пор, пока её липкая поверхность не будет усеяна насекомыми. Если в экзолушке окажется слишком много элементов, искусственное притяжение ослабнет и у его жертв появится возможность его преодолеть. Таким образом, она годится для ловли людей и других животных, ведь ни те, ни другие, какими умными они бы себя не считали, не догадаются о том, что чтобы ловушка перестала действовать в нее должно попасть как можно больше живых существ.

Пока в нее попал только кот и он не спешил звать на помощь. Маленькие перепуганные глазки осматривали свидетелей его позора. Хищник и гроза местных пернатых сам попался в ловушку и теперь беспомощно дергал лапами, балансируя в 20 сантиметрах от пола.

— Все-таки это была не галлюцинация. Этот маленький пушистый гаденыш изорвал мою накидку. — констатировала Эвриала радостным голосом. Она наконец нашла подтверждение того, что у нее не было помутнения рассудка — чертов кот реально существовал.

— Тот самый... — прошептал Ульрих, не сводя с него глаз.

— Ты встречал его раньше и не сказал мне? Я думала, что тронулась умом. Мог бы и предупредить о том, что к вам захаживают коты. — начала ворчать Эвриала.

— Это кот моей девушки, который пропал много лет назад. Он уже должен быть старым или мертвым. Но он выглядит таким, как в день, когда я видел его в последний раз. — Ульрих приставил указательные пальцы к внешним уголкам глаз и потянул назад. — Это точно он.

— Хочешь сказать, все эти 8 лет тебя терроризировал потерянный кот? — усмехнулась Эвриала.

— Это невозможно...

— Сказал тот, кто толком ничего не знает об экзо.

— Я знаю о вас больше, чем вы думаете. — холодно ответил Ульрих. Глаза Эвриалы расширились, выдавая удивление. Она гадала о том, говорит ли он правду или блефует.

— Тихо вы... — вмещалась Сфено. Внизу что-то щелкнуло. На их контроллерах появился красный пульсирующий крестик.

— Мы поймали его? — испуганно прошептал Ульрих. Он хотел, чтобы они наконец избавились от нечисти, но перспектива встретиться с ней лицом к лицу его не радовала.

— Сейчас проверим. — ответила Сфено спокойным голосом. Она распахнула дверь и, приложив ладонь ко рту, крикнула. — Вы там случайно не повисли в воздухе и не можете сдвинуться с места?

С нижнего этажа кто-то выкрикнул в ответ.

— Дыыыаа... Это хорошо или плохо?

— Зависит от того, кто вы.

Сфено шагнула в коридор, но её остановило покашливание Эвриалы.

— Ну?

— Может, сначала освободим кота? Он, наверное, голоден.

В подтверждение сказанного кот мяукнул из-под кровати. Его не было видно, иначе они заметили бы его, как только зашли в комнату. До поры, до времени он сидел смирно и прислушивался, видимо, боясь привлечь того, кого не стоит привлекать, и только когда он понял, что перед ним обычные смертные, подал голос.

— Займись этим, а я проверю, что там с копами.

Сфено снова сделала шаг в сторону коридора, но синхронное «эээ» заставило ее вернуться на исходную позицию. Стоя к ним спиной, она повернула в бок голову и устало зевнула.

— С какими еще копами? — спросила Эвриала.

— Пока вы тут развлекались, к нам заявили блюстители правопорядка. Думаю, пришли обсудить тот труп возле дома. А еще... — ее глаза расширились и замерли. Она глубоко вдохнула и выдохнула. — Я оставила жучки на столе в гостиной. — Она поднесла к лицу контроллер. — А это совсем рядом со сработавшей ловушкой.

Сфено сорвалась с места. Последовал громкий топот ботинок.

— Ну что ж... — как ни в чем не бывало Эвриала перенесла свое внимание на мяукающее существо.

— Это может быть...

— Знаю. — резко остановила его она. — Это может быть совсем не кот, а тот, кто выдает себя за него. В таком случае это существо не из тех, на которые действует ловушка. Его не разорвало, если заметил. — она опустилась на колени и заглянула под кровать. Тепловизор опустился на глаза. — Тааак... По крайней мере тепло оно излучает.

Она пробежалась пальцами по экрану. Раздалось короткое «мяу» и глухой шлепок от приземления на пол. Эвриала достала из-за плеча электрозажим или огромные щипцы, которые, насколько помнил Ульрих, били током, и протянула их в его сторону.

— Возьми это. Если вдруг кот окажется не совсем обычным, нажмешь на кнопки на внутренней стороне ручек. Не бойся, они прорезинены.

Ульрих аккуратно взялся за прорезиненную часть щипцов. Они были намного легче, чем он ожидал. На внутренних сторонах обеих ручек нащупались небольшие выпуклости. Он нажал на обе и воздух затрещал от разрядов электричества, которые забегали между двумя половинками щипцов. Серый хвост исчез под диваном.

— Ты его напугал. — процедила она, вперив в него взгляд, полный недовольства.

— Зато, если это нечисть, она будет знать, что нападать не стоит. — прошептал он, высматривая кота то с одной, то с другой стороны кровати.

— Она будет знать, что не стоит нападать сейчас. Сейчас, Ульрих. — Эвриала закричала бы, будь ее воля, но ей не хотелось привлечь внимание полиции. — Ты только что предупредил ее о том, что вооружен и даже показал, чем именно. Она нападет, когда ты повернешься к ней спиной.

— Тогда я буду нести ее впереди себя. — одной рукой Ульрих достал из-под кровати животное, а другой положил устройство на плечо. Кот изогнулся и попытался вцепиться в руку задней лапой, но Ульрих успел подхватить его и положить так, чтобы передними лапами, он обхватывал его плечо.

Серые ушки были прижаты к голове. Всем своим видом он показывал, что напуган. Еще бы. Сначала он в прямом смысле зависает под кроватью, затем его пугают разрядами тока, а теперь какой-то человек прижимает его к себе будто мешок с кошачьим кормом. Слишком много событий как на одного кота. Он был просто шокирован. Но не настолько, чтобы молча терпеть прикосновения человекоподобного существа с округлыми красными глазами, которые бросали на него очевидно агрессивные блики.

В ответ на приближение руки Эвриалы кот зашипел и выпустил когти. Ульрих застонал от боли.

— Злится он на тебя, а больно мне. — Ульрих еле отцепил от плеча его когти и переложил кота на другое плечо. — А вот если бы я был в кофте...

Громкий писк напугал животное и оно снова выпустил когти.

— Да что ж ты...

Эвриала взглянула на экран контроллера. Поглаживая кота, Ульрих подошел ближе и заглянул ей через плечо. Вторая ловушка была отключена.

Эвриала открыла дверь и крикнула.

— Все в порядке?

Ответом был тихий шорох. Она обернулась и встретилась взглядом с Ульрихом. В ее глазах читался неподдельный испуг. Брови нахмурились. Не сказав ни слова, она сорвалась с места и выбежала из комнаты. Ульрих, по-прежнему боясь оставаться один, ринулся следом за ней. В коридоре он наткнулся на ее спину и кот в очередной раз недовольно мяукнув, проткнул ему когтями кожу.

Эвриала взглянула на контроллер и облегченно вздохнула.

— Ложная тревога. — Она напустила на себя беспечный вид и засунув руки в карманы, медленными, размашистыми шагами стала спускаться по ступенькам.

Ступенька скрипнула и все трое подняли головы. Сфено стояла полубоком, держась руками за дверные косяки в проходе. Она выглядела спокойной ровно до того момента, пока не подняла на них глаза.

Короткий встревоженный взгляд, как сигнал о том, что найденные ею жучки, по-прежнему лежат на столе в гостиной, вход в которую она и закрывает своей спиной. Короткий кивок от ее подопечной, как знак понимания того, что еще чуть-чуть и из привилегированных экзо они могут превратиться в подозреваемых в измене родине.

Два полицейских стояли рядом и рассматривали круглое устройство в руках Сфено. Она как раз объясняла им, как экзо-ловушки действуют на нечисть. Тот, что стоял к ней ближе, походил на большой пончик, но без дырочки и пудры. Откровенно говоря, он мало походил

на пончик, разве что заметной округлостью, но при виде него Эвриала сразу вспомнила об оставленном в машине пакете с пончиками, которые она собиралась съесть, если проголодается. Она хотела положить его в рюкзак Сфено, но та наотрез отказалась хранить еду рядом с «оружием против вредителей».

Эври вздохнула. Эти принципы доведут ее до полуоборочного состояния и тогда нечисти все же удастся выкинуть ее из тела. Ей стало стыдно, что вместо того, чтобы думать о том, как невзначай спрятать найденные жучки, она фантазирует о еде.

Желудок запротестовал сдавленным рычанием. Она облизнулась.

Молодой напарник «пончика» нахмурился, будто бы догадываясь о том, какие мысли вызывает его коллега у людей, которых мучает голод. Он первый заметил Ульриха и Эвриалу, и дернул напарника за рукав.

Пончик понял на них взгляд и улыбнулся. Эвриале эта улыбка совершенно не понравилась. В ней было что-то от маньяка, который наконец определился с жертвой. Или от старшего брата, который вот-вот выдаст маме твой секрет. Он следит за твоей реакцией: наслаждается страхом в твоих глазах, надеждой на то, что он промолчит. В любом случае, он явно был тем, кто что-то о них знает, или пытается сделать вид, что знает.

— Добрый день. Вы хозяин дома? — спросил Пончик, протягивая вперед руку.

Ульрих протянул руку в ответ и тут же отдернул — в ней был жучок. Пока он спускался по ступенькам, то размышлял о том, что ему делать с найденными жучками. Экзо явно не собирались сообщать о них полиции. Но это ведь нарушение его прав!

С другой стороны, он оправдывал прослушку дома стремлением правительства поддерживать порядок в этом хаосе, а он невозможен без постоянной проверки всех и каждого.

В последний момент он передумал и спрятал жучок в карман. Это не тот вопрос, который решается на горячую голову. Нужно все обдумать.

Рука скользнула в карман и только, когда она опустела, он протянул ее снова. Это не осталось без внимания напарника Пончика. Эта ищейка стояла, заложив руки за спину и щурясь всякий раз, когда ему казалось, что он заметил что-то подозрительное. Вероятно, он казался себе мастером разоблачения. Это сквозило в каждом его движении и он даже не скрывал, что пристально за всеми наблюдает.

«Не сбейся со счета, когда будешь считать наши вдохи и выдохи». - мысленно произнесла Эвриала.

Ульрих же решил говорить вслух. Ему было что сказать, никого при этом не оскорбляя...

— Да.

— А это, полагаю, еще одна экзо. Я слышал, вы часто носите экзотические наряды, но что бы ходить босиком... — Пончик быстрым взглядом окинул ее ступни, — это что-то новенькое. — добавил он шутливым тоном. Оба полицейских обменялись смешками.

— Если вы пробудете здесь слишком долго, можете остаться не только без обуви, но и без ног. — парировала Эвриала.

Сфено наклонила голову и подала сигнал, широко раскрыв глаза и сжав губы в тонкие ниточки.

Ментор считает, что от них исходит опасность. — это было для нее открытием. Ей казалось, она ничего не боится.

— Я имею в виду, я не всегда была без обуви. Нечистая сила решила, что мне она не

нужна. — поспешила объяснить она.

— Она еще на свободе? — Глаза Ищейки испуганно забегали по прихожей. — Наверное, здесь очень опасно.

— Очень. — убедительно ответила Эвриала.

— Наверное...нам лучше уйти. — обратился Пончик к своему напарнику испуганным голосом.

— Ага. — быстро закивал Ищейка.

Внезапно они замерли, уставившись друг на друга. Пончик сжимал его плечо, будто собирался взять Ищейку подмышку и унести куда подальше.

— Бежим отсюда.

— Ага.

Повисла пауза.

Внезапно они разразились громким залиvistым смехом. Оба согнулись и принялись хлопать по ногам чуть выше колена. Экзо и Ульрих недоуменно переглянулись.

«Что происходит? — спросила Эвриала одними губами.

Ульрих и Сфено одновременно пожали плечами. Менторша кивнула в сторону гостиной, которую она загоразживала своим телом. Нужно было спрятать жучки, пока полицейские не решили тут все осмотреть. Только теперь Эвриала заметила оленьи рога, висящие над входной дверью. Присмотревшись, она поняла, что это всего лишь имитация из изогнутых веток. Так или иначе, ей вдруг захотелось не только добраться до своих пончиков с присыпкой, но и незаметно поддеть болты, на которых держались деревянные рога. Если бы этот тупой гогот оборвался из-за падения веток на эту двоицу, она бы тоже присоединилась к веселью.

— Фух... — Пончик оттянул край воротника. — Думаете, нас можно напугать этими сказками?

Он протянул ладонь к напарнику. Тот положил в нее платок. Пончик, давясь смешками, вытер подступившие слезы.

На залитом румянцем лице Ищейки появилась едва заметная глуповатая улыбка.

— Сказки!?! — внезапно вскричала Эвриала. — Да я чуть не сгорела!

— Эври... — процедила Сфено и обернулась к полицейским. — Извините мою подопечную. Она еще только учится.

Вежливость в ее голосе звучала настолько искусственно, что даже Ульрих заподозрил что-то неладное.

— ...Но вам не стоит подвергать сомнению существование темных сил и параллельных миров. Если вы верите в существование людей новой эпохи, то и в это должны верить.

— И вы нас извините. — ответил Пончик. — Во все эти ненормальные вещи просто трудно поверить. Это что-то вроде легенд о далеком прошлом, которое, возможно, существовало, а, возможно, — нет.

— Мой отец говорит, что все это чепуха. Приведения — реалистичные муляжи, которых подкладывают заказчику, а страшные звуки легко подделать, расставив мини-проигрыватели в нужных местах, а еще....

— Хватит. — оборвала Ищейку Эври. Она стояла на первой ступеньке лестницы, ухватившись пальцами за перила. На мгновение ее скулы приобрели четкость и стали заметнее.

Откуда-то из-за ее спины донеслось карканье. Повинуясь чутью, она пригнулась. Крыло

задело волосы и несколько прядей упало на глаза.

Не переставая каркать, птица пронеслась через прихожую. Полицейская фуражка слетела с головы Пончика. Лысина заблестела и тут же исчезла под сжимающим платок кулаком.

Фуражки нигде не было. Пончик даже вышел на улицу и осмотрел крыльцо. Ульрих хотел было сказать, что видел, как ворона подцепила его фуражку и вылетела через открытую дверь, но смолчал. Ему не нравилось, что они, даже сами того не подозревая, насмеются над ним. Ульриху было так гадко от того, что весь его опыт может запросто стать анекдотом для любителей посмеяться над тем, что они не понимают. Еле уловимая ухмылка застыла на его лице.

Но Ищейка своим острым, пикассовским носом унюхал даже это. Полицейский кинул на него косой взгляд. Рот приоткрылся. Он собирался что-то сказать, но Пончик снял с его головы фуражку и прикрыл ею свою лысину. У Ищейки были короткие светлорусые волосы, но без заметных залысин, поэтому он только недовольно «эйкнул».

— Попугаев надо держать в клетке! Сначала я попадаю в ловушку, которая должна была меня разорвать, если бы моя частотность оказалась какой-то не такой... — вскипел Пончик. На его светлой коже стали проступать красные пятна. — А теперь дурацкий попугай ворует мою фуражку!

— С фуражкой у меня аналогичная ситуация. — произнес полупшепотом его напарник. В ответ Пончик только недовольно на него зыркнул. Так, будто бы хотел продырявить его своим взглядом.

— В любом случае мы пришли не за этим. — Ищейка многозначительно кивнул в сторону экзо и Ульриха, который не сводил глаз с деревянных рогов. Он давно заметил такую особенность — если смотришь на что-то слишком долго, рано или поздно оно начнет двигаться. В какой-то момент мозг понимает, что его хозяин чего-то ждет. Если в течение некоторого времени это что-то не происходит, а хозяин продолжает ждать, ему ничего не остается, кроме как удовлетворить его ожидания. Все верно, это засранец просто подменяют реальность иллюзией.

Ульрих знал это. Поэтому, когда рога покачнулись, он только закатил глаза, как бы говоря своему мозгу «держи свои приемчики при себе».

Дверь за их спинами внезапно хлопнула. Правый рог со скрипом опустился вниз. Он покачивался, подстегиваемый инерцией, которая, подобно эху, повторяющему оригинальную фразу, продолжает толкать то, что было уже один раз толкнуто.

— Жаль, дверь не хлопнула сильнее. Боги ветра не на нашей стороне. — шепнула Эвриала. Она наклонилась к нему, не сводя глаз с Ищейки, который не сводил глаз с нее. Кажется, только она и понимала, что здесь происходит. Ну и Сфено. Не может же менторша знать меньше своей подопечной.

Когда Ульрих снова покинул свою воображаемую комнату для размышлений, она как раз обсуждала что-то с Пончиком.

— Вообще-то здесь опасная зона, которую наводнили пришельцы из черт знает какого мира. — возмущалась она размахивая руками. — Что бы не записали ваши прослушивающие устройства... Это может быть что угодно. Даже если на записи слышно наши голоса, нет ни какой гарантии, что это были именно мы. Даже если вы думаете, что говорите сейчас с нами, на самом деле, мы можем быть теми тварями, которые просто имитируют внешность тех, кого вы видите перед собой.

— Ищейка и Пончик недоверчиво переглянулись.

— Хм... — Ищейка тряхнул головой, пытаясь докопаться до сути всех этих сложноподчиненных предложений. Он поставил локоть на тыльную сторону кулака другой руки и прислонил два пальца к губам — боялся наговорить лишнего. — А разве, если бы вы были теми тварями, как вы сказали, разве вы бы беседовали тут с нами? Разве вы бы стали выпускать мистера Кингсли из ловушки? Как-то не вяжется...

— Тогда возьмите другие спицы! — оборвала его Сфено. В ней произошли странные перемены. До встречи с этой парочкой она была само спокойствие. Казалось, она абстрагировалась от своей работы, и как бы наблюдала за всей этой чепухой, за устранение которой ей платят, со стороны.

То ли она ненавидела копов, то ли они стали последней каплей, которая перевернула ее чашу терпения.

Или... Он вспомнил о жучках, которые она оставила в гостиной. Сфено по-прежнему стояла в дверном проеме. Нужно было найти их и запрятать куда подальше. Но он же честный гражданин своей страны. Он не должен обманывать правительство. Обманывая исполнителей власти, он обманывает саму власть!

Он нервно тербил жучок, запрятанный в карман штанов.

— У нас очень много дел. У вас очень много дел. Например, труп в кустах. Помните? А что если нам всем приступить к своим обязанностям?

— Мы как раз этим и занимае...

— Хотите чаю? — вмещалась Эвриала. Одной рукой она поглаживала серое чудо, испоганившее ей наряд для инициации, другой — сжимала тепловизор. Ее улыбка была такой искренней, что Ульрих ей почти поверил. Когда все несинхронно пробормотали «нет, нет, спасибо», она с той же улыбкой ответила «я сделаю» и направилась в гостиную. Штирлиц еще никогда не был так близок к провалу.

— Кухня в другой стороне. — бросил Ульрих, удивляясь тому, почему его рот произнес это, не посоветовавшись сначала с мозгом. Эвриала оглянулась так, чтобы Ищейка не мог видеть ее лица, а оно в этот момент выражало всего одно слово — «убивать».

— Но чайник я оставил там. Все верно. — нервно произнес он. Она шлепнула себя по лбу и скрылась в гостиной.

— Как раз этим мы и занимаемся. Выполнением своих обязанностей. К нам поступило сообщение о том, что вы отключили все жучки в доме. — сообщил Пончик с лицом, которое ничего не выражало. Зато Ищейка работал за двоих. Он прищурился, посматривая то на Сфено, то на Ульриха, то на кота, балдевшего от его поглаживаний.

Его рука зависла над головой кота. Тот не стал дожидаться и сам погладил себя, потершись головой о ладонь.

— Что вы сказали? — Ульрих подошел ближе. — Вы открыто заявляете, что напичкали мой дом жучками и теперь хотите, чтоб мы объяснили, почему они перестали работать? Это незаконно!

Он был не просто возмущен. Он был шокирован. Как можно было подозревать его в нарушении закона? Разве был повод? Ах-да, милые соседи — ведьмак и ведьмочка... Они просто перестраховываются. Только и всего. Он громко выдохнул, пытаясь успокоиться.

— Вообще-то... — Пончик медленным широким шагом направился в сторону кухни и остановился напротив Ульриха. — Это законно. Уже как неделю. Читайте газеты.

Он взял с тумбочки мокрую, свернутую в трубку газету и ладонью припечатал к его

груди. Ему не пришлось ее разворачивать. На одной из сторон, среди размазанных водой строк была различима фраза «установка прослушивающих устройств полицией считается законной, если...», а дальше все снова смазано.

Ульрих запнулся.

«...если есть законные основания, например, подозрение в серьезном нарушении закона». - закончил фразу Пончик.

С открытым ртом Ульрих поднял на него взгляд.

— Как это? Как можно меня подозревать, да еще и в серьезном нарушении закона?

Кошка чуть не выпала у него из рук. Благо Эвриала водхватила ее вываливающиеся лапки. От напряжения у него на лбу появилась испарина. Он просто не верил своим ушам. Они либо, проверяют так всех, либо только его, потому что его в чем-то подозревают... в заговоре с соседями. Ему не нравились оба расклада, но если проверяют всех, то это всего лишь меры по поддержанию порядка и благополучия общества.

Ульрих был готов закатить скандал. Полный решимости, он вытянул вперед руку с зажатой в кулаке газетой.

— Где чай? — с небольшим удивлением в голосе спросил Пончик. Эти два слова выплеснулись на разгорающийся внутри него клубок гнева и он мгновенно потух, обдавая все внутри громким шипением. Оно еще долго будет стихать, угли еще долго будут дымиться, подпитывая его обиду воспоминаниями о том, как с ним обошлись.

— Вы сказали, что не хотите, я и не делала. — Эвриала пожалала плечами. Обе руки в перчатках были запряты в карманы. Она слишком сильно старалась показать, что ничего особенного не происходит. — К тому же, чайника там больше нет. — она бросила косой взгляд в сторону Сфено.

— Точно нет? — спросила ментор.

Она кивнула.

— А теперь слушайте. — Пончик поднял вверх небольшую черную коробочку. — И слушайте внимательно.

Все замерли. После щелчка появился шум. Голос, звучащий из устройства, принадлежал Ульриху. Им он произносил очень опасные вещи. Там были обрывки фраз, в каждой из которых все четко различали слово «ведьма». Эвриала прекрасно помнила эти реплики — они предназначались ей.

«...только у ведьмы могут быть такие красивые глаза» — после этой фразы он ее поцеловал.

Снова щелчок. Запись закончилась.

— И как вы объясните ЭТО? — спросил он с самодовольным видом. Кажется, Пончик на все 100 % был уверен, что загнал их в угол. Но тут в игру вступила Сфено.,

— Теперь послушайте вы. — Она запрятала страх под маску самоуверенности. — А еще лучше, пройдемте в гостиную, а Эвриала пока все же сделает чай. — Последнее предложение прозвучало без капли угрозы и даже несколько гостеприимно. Кажется, она что-то задумала.

Полицейские последовали за Сфено. Ульрих поплелся следом, но она его остановила.

— А ты покорми кота.

Когда они оказались одни на кухне, Ульрих шепнул Эвриале:

— Я понял, чайник — это пароль. Что мы должны делать теперь?

Эвриала закрыла ему рот ладонью, приблизив лицо так, что губы почти касались

тыльной стороны ее руки, и прошептала:

— Молчи.

«Не забывай о ненайденных жучках». - гласило сообщение на его контроллере.

«Что мы должны делать теперь?»

Их взгляды встретились. У Эвриалы был встревоженный вид. Она пожала плечами.

«То, что сказала Сфено. Заваривать чай и кормить кота. Не думаю, что это шифровка».

Он понял. Она все же думала, что это шифровка и беспокоилась из-за того, что не может ее разгадать.

Ульрих кивнул и полез в холодильник за едой, которая сошла бы за корм для кошек.

Через минуты две они услышали шум в коридоре и громкий хлопок. В кухню вошла Сфено. На ее лице застыла легкая улыбочка. Она хлопнула в ладоши и села за стол, словно он был заставлен всякими вкусностями. Кот запрыгнул к ней на колени и уселся, активно массируя ноги лапками.

— Дело сделано.

— Они живы? — осторожно спросила Эвриала.

— Да. Уже ушли.

— Как ты это сделала? Дала взятку?

— Нет, сказала, что ты придурок.

Глава № 15. Последняя ловушка

На работе Сфено предпочитала отвечать кратко и по существу. Иногда это плохо отражалось на отношениях с другими людьми. Они не всегда верно понимали смысл ее слов и либо проглатывали обиду молча, либо требовали объяснений. В итоге на объяснения Сфено тратила времени больше, чем когда не пыталась сократить информацию.

Войдя на кухню, она по привычке выдала сокращенную версию разговора и получила в ответ целый спектр эмоций. Удивление перешло в возмущение. Возмущение перешло в гнев. Гнев внезапно сменился смирением.

— Ну а что я должна была сказать? Тебе же говорили, придержи язык, но ты предпочел болтать о всяких ведьмах. — шепотом ругалась она, подкрепляя речь жестами. Руки в бока, брови сведены, губы — тонкие полосы. Несколько намазанных гелем прядей дугой закрывали лоб. Она намочила ладонь водой из крана и приладила их, уложив назад.

— Мам, не болтай! — крикнула Эвриала, кивая на контроллер.

— Точно... — Сфено пробежалась пальцами по дисплею на запястье и все 3 контроллера завибрировали. На экране снова загорелись красным несколько пульсирующих точек — ловушки активированы.

— Мам? — удивился Ульрих. Он медленно перевел взгляд с Эвриалы на Сфено и обратно. — Но вы же не похожи.

Сфено одарила напарницу убийственным взглядом, но ничего не сказала. Кот порывался спрыгнуть на пол, поэтому она закрыла дверь, чтобы он не сбежал в коридор и снова не попал в ловушку.

— Этому есть разумное объяснение. — ответила Эвриала, неловко потирая плечо.

— Да, например, то, что вы не... — он осекся. До него вдруг дошло, что Эвриалу могли удочерить. Тогда она и не должна быть похожей на свою мать. Он хотел извиниться, но его перебила Сфено.

— Мне удалось убедить их в том, что у тебя всего лишь помутнение рассудка. Я сказала, что ты думаешь, будто дом захватила ведьма...

Внезапно стол вздрогнул. Пол под ним задрожал. Они переглянулись. Кот громко мяукнул и спрыгнул со стула. Сфено попыталась поймать его хвост, но он легко выскользнул из перчаток. Кот поднялся и уперся передними лапами в дверь. Он истошно мяукал, отвлекаясь только на то, чтобы повернуть голову в их сторону и взглядом показать, что ему срочно нужно в коридор.

— А, может быть, это... — встрял в кошачью симфонию Ульрих. — Коты чувствуют нечисть. Вдруг он найдет и прогонит его. Может, он поэтому тут и появился... Потому что почувствовал, что в этом доме происходит что-то неладное.

Сфено медленно повернулась к нему всем телом.

— А ты и впрямь неособо блестяешь интеллектом. Если бы коты сами справлялись с наплывом нечисти, такой профессии как экзотолог не существовало бы.

— Я просто предложил. — Он обиженно надул губы. — Почему бы не дать животному то, что ему нужно?

— Вы как хотите, а я не собираюсь отвечать за его смерть. — вскинула руки Эвриала.

Сфено молча указала на нее пальцем. Мол, она дело говорит, а ты — нет.

— Так вот. — продолжила Сфено, перекивая завывания кота. — Сказала им, что

никакой ведьмы тут не было и нет, а у парня, то есть у тебя, просто галлюцинации.

— Странно, что они тебе поверили. Не думаю, что Ищейка так просто от нас отстанет. — Ульрих откусил кусок сырой моркови. К кошачьим мольбам добавился хруст, издаваемый его челюстями.

— Прости кто? — обе экзо повернулись в его сторону.

— Ну э...

Кажется, он не поделился с ними прозвищами, которые придумал этим двум полицейским.

И тут раздался писк. Затем еще один. И еще один. И еще один. Он повторялся, и повторялся. Гул стоял невероятный, потому что он исходил от всех контроллеров одновременно. Они взглянули на дисплей — недалеко от них осталась одна красная мигающая точка. Снова раздался писк и она исчезла. Ни одна из ловушек больше не действовала. Если верить тому, что отображал контроллер.

Разве может сущность просто выключить все ловушки? Видимо, может. Было ясно, с такой они еще не сталкивались, иначе ее бы уже разорвало или хотя бы поймало в одну из них.

Девушки переглянулись. Ульрих давно подозревал, что они общаются с помощью телепатии, и даже хотел сообщить им о своих размышлениях, но вспомнил о табу на слово «ведьма». Не хватало еще, чтоб эти полоумные копы вернулись.

Он и не заметил, как в их руках очутились цилиндры с небольшим ножом на конце. Возможно, он не разобрался в охоте на нечисть, но ему казалось, что ножи тут не опаснее младенца. Тем более, с такой короткой режущей частью, точно для резки бумаги.

Сфено кивнула на дверь. Эвриала кивнула в знак согласия.

— А мне что делать? — совершенно искренне поинтересовался он, когда до него дошло, что они уже решили, что им делать, но забыли посвятить его в свои планы.

— Следуй за нами, но держись на расстоянии 5 метров. И возьми кота на руки. — проинструктировала Сфено.

— Кота? А... — он прищурился. — Ты все-таки веришь в то, что кошачьи защищают от нечисти.

— Нет. Я верю в то, что так будет безопаснее для кота. Он контактировал с нами. Нечисть может посчитать это признаком того, что он нам дорог.

— И она может отыграться на нем... — понял Ульрих.

— В точку. Поэтому держи кота крепче.

Эвриала потрепала кота за загривок.

— А меня? — шепнул Ульрих.

Она оглянулась. Сфено как раз открывала дверь. Она запустила пальцы в его длинные волосы и взъерошила их. Ульрих слегка наступил ей на ногу.

— Ээй.

Он кивнул в сторону. Сфено стояла в дверях с видом человека, которому надоело это дерьмо. Сквозь полуприкрытые веки она смотрела даже не на них, а куда-то в пространство, но было очевидно, что она стала свидетелем того, за что при некоторых обстоятельствах можно и четвертовать.

— А теперь пойдём. — безучастно сказала она, указывая жестом в сторону коридора, в котором тоже мигал свет. Иной, далекий от вопросов нечисти человек, сказал бы, что при таком раскладе, им повезло — нечисть не обесточила их дом, хотя могла бы. Но любой экзо

скажет — мигающий свет, быстро сменяющийся темнотой, а потом снова светом, — намного страшнее. Это все равно что зажмуриться и, открыв глаза, увидеть перед собой кого-угодно. Даже обычная детская игрушка в этот момент сможет посоревноваться с Фредди Крюггером по части внезапного появления.

Стоило им выйти в коридор, как свет погас. Ульрих видел, только два светящихся глаза в районе его рук. Он смотрел в них, а они мигали, когда кот моргал. Он подтянул его повыше к плечу, чтобы лучше ухватиться. Если начнется паника, у кота сработает инстинктивная реакция «бить и бежать», и если уж они договорились, что он отвечает за кота, нужно все хорошенько обдумать. Он обдумал и пришел к парадоксальному для себя выводу — коту было бы в разы безопаснее, если бы он находился подальше от Ульриха. Но разве он может выбросить бедное животное на улицу? Пока они пробирались сквозь темноту, он продолжал обдумывать этот вопрос. Было принято компромиссное решение — нести кота в руках, пока безопасно, а когда он поймет, что все совсем плохо, выбросит его из окна.

«Да, выбросить из окна... Так он точно спасется, но перестанет доверять людям».

Ульрих хотел было продолжить взвешивать за и против выкидывания кота из окна в случае опасности, но наткнулся на ступеньки.

— Через тепловизор что-то видно? — донесся до него шепот Сфено.

— Ненормально, что им пользуюсь только я. Не хочется быть чьими-то глазами. А если мой тепловизор сломается, что будем делать?

— Сломается, найду кого-нибудь с тепловизором.

Ульрих медленно поднимался по ступенькам, упираясь одной рукой в стену. Ему стоило бы переложить кота на другое плечо, чтобы можно было держаться за перила, но, кот, словно предчувствуя плохой исход их затеи, вцепился ему в плечо и не хотел его отпускать.

— А как же я? — он услышал, как Эвриала остановилась.

— Я тебя беру с собой только для того, чтобы не портить свою прическу всякими устройствами.

Молчание.

Ульрих остановился, ожидая, что они опустятся до оскорблений или даже драки. Он бы с радостью посмотрел на это, но не в ситуации, когда на него в любой момент могут напасть, а у него из защиты только перепуганный кот. Нечисти стоит толкнуть его пальцем и он кубарем полетит вниз, потому что в одной руке у него кот, а другой не за что схватиться.

— Это шутка? — тихо спросила Эвриала.

— Да. А ты по-прежнему не понимаешь мой юмор. Хотела проверить, ты ли это или нечисть все-таки смогла выкинуть тебя из тела.

— С чего вдруг такие переживания? — к ним поднялся Ульрих. Теперь он стоял на одной ступеньке с Эвриалой.

— Плохое предчувствие... — ответила ему темнота, постепенно приобретающая черты Сфено.

Она внезапно к нему повернулась и строго сказала:

— Ты должен всегда отставать на 5 шагов. Разве я не ясно выразилась, заказчик?

— Тогда вам стоит выполнять свою работу, а не болтать на лестнице. Тут темно. Как я могу рассчитать расстояние между нами? — возмутился он. Ульрих заметил, что возмущаться в намного проще, когда вокруг темно и эта белобрысая бестия не смотрит на него в упор.

Молчание. Видимо, она разрывается между тем, чтобы проучить его и тем, чтобы

согласиться с ним.

— Ты прав. — бесцветно произнесла она, и он снова услышал, как ее ботинки с тихим скрипом касаются ступенек.

Экран контроллера замигал. Сообщение от Эвриалы. Ничего, кроме подмигивающего смайла. Ему даже показалось, что она оглянулась через плечо и улыбнулась ему. Хотя это могло быть и продуктом его воображения. С другой стороны, темнота обычно дорисовывает силуэтам жуткие детали, но никак не улыбки и воздушные поцелуйчики. Да, позже он пришел к выводу, что она не просто повернулась, но еще и послала воздушный поцелуй.

А через секунду он заметил, что экран погас. Касание экрана ничем не помогло. Ни одна кнопка не работала.

— Эй, кажется, контроллер разрядился.

— У меня тоже. — ответила Эвриала. — Странно, что оно не сделало этого раньше.

— Оно играло с нами. Создало иллюзию безопасности, чтобы мы не искали других вариантов... Стоп... — Сфено обернулась.

Он определил это по светящемуся экрану, который появился чуть ли не у него под носом. На нем пульсировала одна единственная красная точка. И она наокидалась относительно недалеко от них.

Нужно было подняться на второй этаж и повернуть направо, сделать пару шагов и открыть дверь. А дальше может произойти все что угодно, потому что этой ловушки там быть не должно было. Это была та самая ловушка, которую экзо прицепили к зеркалу в ванной. После чего она исчезла. Почему она вернулась из зазеркалья и как?

— Нечисть попала в силки намного раньше, чем мы думали. — задумчиво произнесла Сфено, попутно цепляя на голову какое-то устройство. Щелчок, и луч света ослепил его.

— Извини — Она покрутила что-то у виска и яркость луча спала. Он выхватывал из темноты их бледные очертания, делая их похожими на грабителей, забравшихся в чужой дом.

— Эта сущность, кем бы она ни была, попала в ловушку и провалилась обратно в зеркало. — продолжила Сфено.

— Обратно? — спросил Ульрих.

— Да. Видимо, она покидала то, что находится по другую сторону зеркала, и сразу же попала в зону действия ловушки. Вместе с ней она провалилась обратно в зазеркалье, но теперь ей как-то удалось вернуться обратно.

— Теперь понятно, почему то зеркало чуть не превратило меня в бенгальский огонек. — восторженно произнесла Эвриала. Ей нравилось, когда что-то хоть немного прояснялось, — она получала от этого настоящее удовольствие.

— Это всего лишь версия. Одно ясно точно. Сущность узнала о ловушках и отключила их.

— Но эта же еще действует. — заметил Ульрих.

— Потому что она попала в нее и не может выключить изнутри. Вот в чем ее слабость.

— Или... — прошептала Эвриала. — Или... Это ловушка. Только ловят нас. Иначе зачем бы она не тронула твой контроллер. Это приглашение.

Сфено повернулась к Эвриале и бледный луч света осветил ее лицо. По нему заскользили тени, предавая чертам зловещести. Можно было подумать, что она оборотень, который только-только начал превращаться в свое второе «я».

Они молча обдумывали услышанное. Луч, исходивший из обруча Сфено, опустился на ступени. В нем мелькнули два светящихся кошачьих глаза, которые все пытались понять, что за чертовщина творится в этом доме и кто все эти люди.

— Я пойду первая. — твердо сказала Эвриала.

Луч света метнулся вверх.

— Мы пойдем вместе. — произнесла Сфено, будто подражая своей напарнице в интонации.

Ульрих хотел было добавить «да, мы пойдем вместе», но вспомнил, что статус заказчика не подразумевает самому выполнять работу, за которую обязуешься платить другим. Это было бы странно, но ему почему-то хотелось принимать в этом участие. Остаться одному, в тишине, сидеть и ждать, пока твои проблемы будут решать другие — перспектива похуже, чем оказаться в смертоносной гуще событий.

— Я иду одна. Неизвестно, что там в той комнате. Если мы вдвоем попадем в ловушку, миссия будет провалена. Нам нужна подстраховка.

— Тогда я захожу первая, а ты страхуешь.

— Нет же! — вдруг закричала Эвриала и прикрыла рот ладонью. — Это моя инициация. Я должна пройти посвящение. Это дело принципа.

Слышно было, как Сфено вздохнула.

— Хорошо.

После короткой паузы она быстро добавила:

— Но я буду стоять за дверью. Если что-то пойдет не так, свистни.

Эвриала кивнула. Она покрутила в руке устройство, имеющее вид большой рукояти меча, из которой торчал небольшой наконечник. Он вполне сгодился бы для чистки картофеля, но стоит нажать на маленький, незаметный рычажок снизу и лезвие удлинится настолько, что проткнет любого, кто окажется на расстоянии метра или меньше. Но даже так, совсем не меч опасен, а то, что пускают по его поверхности. Экзо если и имитируют оружие прошлого, делают это только для того, чтобы использовать их как сосуд для настоящего оружия против всякой нечисти.

Эвриала скрылась за дверью.

Сфено стояла напротив двери в позе человека, собирающегося то ли нападать, то ли защищаться. Медленным движением она стянула с правой руки перчатку и заткнула за пояс. Она провела рукой в перчатке по шрамам, которые покрывали ее обнаженную кожу. Это было своеобразным ритуалом — напоминанием о том, кто она такая в противовес тому, кем она кажется.

Она не сводила глаз с двери, ожидая, что та вот-вот распахнется. Но из комнаты не доносилось ни звука. Сфено потянулась к ручке, когда услышала глухой удар, словно что-то тяжелое упало на пол.

Резкое движение рукой — и короткий металлический наконечник вытянулся. Блеск металла был еле различим в сумраке. Фонарик на голове отключился. Она резко вытянула руку в сторону. Поверхность под ее пальцами начала светиться. Сначала бледно. Затем в какую-то долю секунды весь металлический прут и ее рука до локтя вспыхнула языками пламени. Извивающиеся ленты устремлялись вверх.

Лицо Сфено источало уверенность. В нем не было ни страха, ни боли — только намерение. И если бы кто-то сейчас ее отдернул, она прикончила бы его на месте, то ли своим оружием, то ли взглядом. Но рядом никого не было.

Ее убежденность в этом тут же опроверг тихий, еле уловимый звук, будто кто-то усердно вылизывал пол.

Кот сидел у ступенек и с интересом ее рассматривал. Язык был высунут, а выражение морды ясно давало понять, что она отвлекла его от гигиенических процедур. Огонь извивался в его сверкающих зеленых глазах, от чего кот принимал немного бесноватый вид.

— Ульрих... — прошипела она. — Я же просила следить за котом... Ульрих!

Никто не отозвался. Она перевела взгляд на экран контроллера. Стоило ей только подумать, как хорошо, что она додумалась надеть контроллер на левую руку, как он перестал работать. Но даже если бы этого не произошло, она не смогла бы ни с кем связаться. Контроллеры Эвриалы и Ульриха не работали. Чтобы от золота была польза, нужен банк или ювелир, иначе это всего лишь кусок железа.

Из комнаты донесся грохот.

Сфено распахнула в дверь и вбежала внутрь. Несмотря на то, что в руке у нее было подобие пылающего меча, яркий комнатный свет все равно ослепил ее. Кто бы мог подумать, что в этой ночной вылазке ей могут помочь очки от солнца. Которых у нее с собой не было. Она взяла с собой целый рюкзак барахла, но не подумала взять очки.

Прийти к выводу о том, что предусмотреть все невозможно, она не успела. Отчасти потому что она машинально попыталась прикрыть рукой лицо. Той самой, в которой сжимала полыхающее устройство.

Еще до того, как Сфено отдернула руку, она заметила мужское тело, валяющееся у арки слева. Оказывается, в комнату вела еще одна дверь, о которой Ульрих ничего не сказал. Теперь он лежит на полу с кровоподтеком у виска и не двигается.

— Будет тебе уроком, если ты еще жив. Если мертв, будет уроком для следующей жизни. — подумала она и на полусогнутых повернулась направо.

То, что она увидела, заставило ее отпрыгнуть от неожиданности.

Перед ней стояли две абсолютно одинаковые Эвриалы. Те же короткие черные пряди, торчащие из-под тепловизора, оборванная полупрозрачная накидка поверх широких штанов — они были идентичными, за исключением того факта, что одна из них стояла рядом с приклеенной к полу ловушкой. У нее была странная застывшая поза: обе руки тянулись куда-то за спину поверх правого плеча, как если бы у нее в руке что-то разлилось и стекло к локтю.

Другая Эвриала, стоявшая на расстоянии полутора метра от первой, двинулась в ее сторону. Сфено махнула полыхающим железом, отгоняя ее, словно медведя от палатки.

— Ты это серьезно? Мам, нечисть в ловушке. Надо все-таки придумать ей название... Выключи этот ад. Мне итак жарко. — в подтверждение своих слов Эвриала расстегнула две пуговицы на жилетке. Она выглядела беспечной и явно не собиралась с ней драться.

Сфено сделала резкое движение рукой. Устройство погасло и собралось в рукоять. Из нее заструился тонкий дымок. Внутри явно что-то плавилось.

Она перевела взгляд на Эвриалу номер 2, застывшую в ловушке, с видом очень оригинального манекена. Ее глаза были полны испуга, лоб сморщен, а рот слегка приоткрыт. Именно так выглядит человек, который не ожидал, что попадет в экзолушку. Ты даже в туалет сходить в ней не сможешь

— избавит от позора, если сильно перепугался. В стазисе все процесс в организме останавливаются, будто ты и не жил. Помнится, разработчик Рик Петельман так и сказал...

«Ты даже пописать в ней не сможешь. Пока человек в ловушке, он сознание, заключенное

в камень. Собственно попасть в нее — почти родиться человеком. Разве что этот камень не двигается...»

— Не хочешь узнать, почему он валяется на полу без сознания?» — Эвриала подошла ближе. Все еще опасаясь, Сфено вздрогнула.

— С тобой все нормально? — Эвриала положила руку ей на плечо и слегка трянула. — Ты какая-то заторможенная.

— Просто...Вас двое. Не совсем то, на что я рассчитывала. — Сфено потеряла глаза руками, размазывая по лицу серые перламутровые тени. — И... — она подняла голову и уставилась на сущность в образе Эвриалы. — Ловушка не действует! Она вырубил Ульриха! Она не могла это сделать, находясь в ловушке!

Рука с модифицированной флешеттой взметнулась в воздух.

— Стой!!! — что есть мочи закричала Эвриала. — Ульриха вырубил я! А ловушка действует, потому что она в нее уже попала. Она могла бы отключить ее, как сделала со всеми остальными, но не сделала, потому что она уже внутри нее. Понимаешь?

— Кажется... — растерянно пробормотала Сфено.

— Эта сущность нам еще не известна. Она явно из группы неразрываемых. И того, в группе неразрываемых нашими ловушками уже три сущности. А это значит?

— И что же это значит? — Сфено не спешила прятать оружие. Чем дольше она находилась в этой комнате, тем отчетливее проступала вертикальная морщина на ее лбу. Ей не нравилось терять контроль над ситуацией.

— Это значит, что ей пора уже придумать имя.

Глава № 16. Ящик Пандоры

Имя было придумано — Эвриала номер 2. Эвриала номер 1 протестовала, поэтому было решено сделать его временным, пока не придумается что-то более подходящее.

— Оно же будет занесено в реестр. Я не хочу, чтобы мое имя ассоциировалось с чудовищем!

— Болезни часто называют в честь первооткрывателей.

— Если это устраивало их, это не должно устраивать меня. — Эвриала с недовольным видом сложила руки на груди.

Ульрих не хотел приходить в себя. По словам Эвриалы, он внезапно появился у нее за спиной и ее тело приняло меры раньше, чем ее мозг. Сфено на всякий случай проверила пульс. Он был жив.

— Странно, что он не рассказал нам о второй двери. — задумчиво Сфено, раскрывая Ульриху по очереди оба глаза. Зрачки не двигались.

— Видимо, он чувствовал себя лишним, и ему хотелось внести хоть какой-то вклад в дело. Если бы он рассказал нам о двери, разве мы бы его туда пустили? — Эвриала повернулась к своей застывшей копии и уперлась ладонями в бедра.

— Резонно. С каких пор ты так хорошо его знаешь?

— Ну...Мы немного пообщались и у меня сложилось такое впечатление.

Сфено подошла сзади и положила руку ей на плечо. Они обе стояли напротив девушки в ловушке.

Сфено не могла отделаться от вопроса «Почему Эвриала? Почему сущность проявляет к ней такой интерес?». Это могло быть совпадением, но что-то ей подсказывало, что этому есть какое-то другое, более правдоподобное, объяснение. Чтобы прийти хоть к какому-то выводу, ей нужно было мысленно просмотреть все события этой ночи, найти все намеки, которые обычно не замечаешь в спешке и сложить их вместе, как кусочки пазла. Но времени не было...

— Кажется, свою работу мы выполнили.

Появившийся из неоткуда кот решил внести в их жизнь немного острых ощущений. Его зубы вцепились в штанину Эвриалы. Он прижимался всем туловищем к полу и дергал головой из стороны в сторону. И хотя его уши тоже были прижаты, как это бывает у испуганных котов, его глаза, полные ярости, говорили о том, что он всерьез решил оторвать ей штанину.

— По-моему, мы его так и не покормили. Эй... — Эвриала стряхнула с себя ее руку.

— Что такое?

Она повернулась к Сфено. В тепловизоре, закрывавшем всю верхнюю часть лица, она была похожа на киборга. Нижняя часть лица был скорее подобием на лицо живого человека — на не нем было никаких эмоций.

— Ты что-то приклеила мне к спине? Зачем? — ее голос звучал холодно и жестко.

Сфено устала себе под ноги.

— Пойми меня правильно...

Резким движением руки она сорвала с ее головы тепловизор. На нее смотрели два глаза с золотистой радужкой. Девушка закричала громким нечеловеческим голосом, закинув голову далеко назад. Сфено машинально прижала кулаки к ушам. Голова закружилась и она

пошатнулась. В одну из секунд, когда сознанию все-таки удалось вернуться в реальность, ее пальцы разжались, и на пол упала коробочка с кнопками на одной из сторон.

Крик перешел в скулеж, который растворился в затихающем хрипе.

Справа от нее больше никого не было. Зато слева стояла Эвриала. Она уперлась руками в колени и глубоко отдышалась. Рядом валялась ловушка, которая, судя по всему никогда и не действовала.

Эвриала вцепилась в ее плечо, и тяжело дыша, подняла туловище.

— Как ты...как ты догадалась, что это не настоящая я? — спросила она сиплым голосом. Сфено опустила ее в кресло и проверила пульс. Ее сердце стучало как бешенное, точно наверстывало упущенное за время, проведенное в замороженном состоянии.

— Оно...кем бы оно ни было, допустило слишком много косяков. С чего бы начать... Включенный экран контроллера, твоя поза и, мне показалось, что у тебя на шее мышца дрогнула.

— Есть! — Эвриала сделала жест, который выражал полную удовлетворенность собственной персоной. — Я пыталась дать тебе знак, но эта...тварь не давала мне это сделать. В какой-то момент на мгновение ее бдительность ослабла...А с позой что не так?

— Еще когда я увидела тебя, поняла, что ты тянулась к водяному автомату. Только ты могла додуматься в такой момент решить, что опасную неведомую тварь можно окатить водой и она, видимо, передумает нападать.

— Я не тянулась к нему... — буркнула Эвриала и шмыгнула носом. Она действительно потянулась за водяным пистолетом в самый неподходящий момент — когда, зайдя в комнату, увидела перед собой себя же. Ее успокаивал только тот факт, что психика человека работает таким образом, что когда он попадает в экстремальную ситуацию, срабатывает либо инстинкт, либо привычная схема поведения. А для нее было привычно баловаться водяным автоматом. Выходит, она всего лишь жертва человеческой природы.

Сфено дотронулась пальцем до коробочки, которая медленно двигалась по полу в направлении выхода. Коробочка подскочила. Сфено наступила на нее ногой. Она чувствовала, как внутри ящика Пандоры, как они его называли, пульсирует нечто.

Конечно, ловушка могла и не сработать. Стандартные ловушки, управляемые контроллером, не подействовали, но эта оказалась то, что надо.

Эвриала выгнула спину, упираясь в нее руками. Где-то внутри нее хрустнуло. Ее лицо расплылось в блаженной улыбке.

— Пора бы и Ульриха порадовать. Ульрих! — она повернулась к валяющемуся у двери телу. — Ульрих...Мы словили ее в ящик Пандоры. Не вздумай открывать или с тебя двойная плата. Ульрих! — она подняла его руку и пощупала пульс. — Проспал все веселье.

— Предлагаю перетащить его на кровать, раз такое дело. Бедный мальчик, не понимает, что эта сущность — его благословение. — Сфено спрятала коробочку в кармашек на портупее и взялась за руки Ульриха. Коробочка завибрировала.

— Опасный случай. — Эвриала почесала затылок. — Он ненавидит людей нового эпохи, хотя сам к нему принадлежит. Может дойти и до суицида.

Они взяли его за руки и ноги, и перетащили в другую комнату. На счет три тело полетело на диван и приземлилось с видом тряпичной куклы.

— Может. — Сфено с чувством выполненного долга отряхнула одну ладонь о другую. — Но если ты сможешь убедить его в том, что быть ведьмаком не так уж и плохо, он смирится.

— Почему я?

— Потому что ты ему нравишься. Это же очевидно.

— Стоп. — Эвриала чувствовала, что начинает краснеть. — Ты что-то слышала? Или... видела?

В сознании всплыл момент, когда они оказались одни в комнате. Не стоило ему целовать ее. Или стоило? У нее было странное предчувствие, что с ним могут быть проблемы. Он не воспримет свою природу. Что ж, придется поставить ему блок на разглашение любой информации, связанной с экзо. Это кажется хорошей защитой от длинного языка, но на самом деле в некоторых случаях такой блок только привлекает внимание. С человеком, который на все вопросы по конкретной теме отвечает только «не знаю», «не интересуется», «ничего не слышал» и все в этом роде, явно не все в порядке. Любой, подозревающий его в нарушении закона, решит, что он что-то скрывает, и продолжит задавать каверзные вопросы. Похоже, его придется держать в заточении до тех пор, пока он не поймет, что ошибался.

Незаметно для себя, она стала нервно грызть ногти, посматривая на Сфено исподлобья.

— Он наделил выдуманное существо твоей внешностью. Сначала попытка затащить тебя в зеркало. Потом тот инцидент с вороном. И последний аккорд — существо получает твое лицо и не только. Правда, некоторые детали оно упустило. Например, экран контроллера у него по-прежнему горел. Хотя сначала я подумала, что вряд ли это можно считать признаком подделки.

Коробка, прицепленная к португее, снова задрожала. Внезапно она выскользнула из кармашка и чуть было не упала на пол. В каких-то сантиметрах от него она была поймана рукой Сфено. На мгновение она замерла, размышляя, что делать дальше. Ящик Пандоры плавно приземлился на дощатый пол. Из него доносились шорохи, постукивания и тихое рычание. Такому Алладино вряд ли кто рискнул бы потереть лампу.

— Говори! — резко крикнула Сфено.

Эвриала вздрогнула.

— У него часто болит голова, будто кто-то грызет его череп. — Тихий голос словно струйка тумана потек из глубин коробки. Он принадлежал мужчине. — Угрызения, они такие. Но не думайте... Он сам меня об этом просит. Сначала просит, а когда получает желаемое, жалуется.

— Ты... Мужчина? Мы думали, ты призрак его бывшей. — произнесла Эвриала. Она держала руки в карманах. Точнее — спрятанные в них устройства. Тот, кто сидел в коробке, мог в очередной раз притворяться. Было бы глупо наступить на те же грабли.

— Не сказал бы. У меня есть некоторые черты, приписываемые мужчинам. Например, голос. Все из-за Ульриха. Он меня придумал таким.

Его голос был спокоен, словно, он не имел к ним никакого дела, но все же чувствовалось, что ему нужно кому-то пожаловаться, возможно, даже исповедоваться. И если бы они направились к выходу, коробка покатила бы за ними, ибо кот — неблагодарный слушатель, от которого не получишь ни грана ожидаемой реакции.

— Ты в курсе, что ты всего лишь проявление его неукротимой силы? Стоит ему понять — кто ты, как этот балаган закончится. — сказала Сфено.

— Очень сомневаюсь. Боюсь, он продолжит себя уничтожать. Он занимался этим на протяжении 8 лет. Всего лишь 1 день в год, но какой эффект. Он узнает, кто я, и этот день превратится в вечность.

— Ты не можешь этого знать.

— Я — его персонифицированная совесть, такой сосуд боли. Кому как не мне это знать? — повысила голос сущность. — Он превратил эмоцию в личность и дал ей нож с тупым лезвием. Когда-нибудь его тоненькая шея все-таки сломается. Надеюсь, это случится совсем скоро. Мне надоело быть использованной не по назначению. — Я Сила под маской Совести. И лучше с меня ее не срывать!

Коробка кубарем покатила к выходу. Эвриала преградила ему выход и придавила сверху сапогом.

— Если ты такая могущественная, то почему наш ящик Пандоры оказался тебе не по зубам? — спросила она, уставившись на коробку. В ней вздохнули.

— Как только Ульрих узнает, кто я, стены этого ящика перестанут для меня существовать. С другой стороны, если он решит, что его сила может быть упрятана в эту коробку, так тому и быть. Я как колесо, которое крутит само себя, но при этом корректируется ветром.

— То есть... — задумалась Эвриала. — Если он решит, что ты жуткий клоун с бензопилой, который получает удовольствие от кромсания людей, ты им станешь?

Сфено шикнула. Она махнула головой в сторону спальни, в которой лежал Ульрих, всем своим видом как бы говоря «не подавай идеи этому чудовищу».

— Именно. Поэтому ему лучше бы узнать, кто я. Иначе он может снова приписать мне выдуманный образ и тогда мне придется ему соответствовать.

Девушки переглянулись. Голос из шкапулки звучал спокойно и даже устало, с легкой примесью печали и, как показалось, Эвриале, сочувствия.

Они и раньше сталкивались с ведьмаками и ведьмами, как их продолжает обзывать общество, накопленная нереализованная энергия которых, находила выход в образах из их кошмаров, страхов и желаний.

К сожалению, у неконтролируемой Силы есть большой недостаток — любую мысль своего хозяина она может воспринять, как призыв к действию, любой образ, всплывший в его сознании, может быть подхвачен и напаян на себя Силой.

Она как маленький ребенок, который хочет хоть чем-то помочь своим родителям. Они раз за разом говорят, что ему еще рано играть с такими вещами, что его помощь пока не требуется, и тогда он сам берется за свое воспитание, и сам пытается учиться, хватаясь за все те вещи, которые родители оставили без присмотра. Любая мысль, не спрятанная на крышке шкафа, любая, до которой можно дотянуться, может быть использована Силой.

— Снова? Какой образ ты носила все это время? — спросила Сфено.

— Медузы.

— Горгоны?

— Иногда и ее тоже. Но это из-за ассоциаций. Слушайте, когда хозяин проснется, я могу начать вести себя непредсказуемо. Не обессудьте. Я тут не причем. Виновато его воображение.

Повисло молчание. Они ждали, когда он ответит на их вопрос. Формально он ответил, но ответ был неполным, пока он не прошептал:

— Сестры.

— Мы не сестры, но да, родственники. — Сфено опустила ладонь на плечо Эвриале. Та ответ слегка приподняла уголки губ.

В коробке кашлянули.

— Я имела в виду не это. Все это время я носила образ его сестры.

Это было что-то новенькое.

Они не знали, чему удивляться больше. Тому, что мужской голос говорит о себе в женском роде, или тому, что он сообщил. Конечно, версию о призраке его бывшей они выдумали в процессе обработки клиента, так как он еще не был готов к тому, чтобы воспринять правду о себе.

— Разве Ульрих не рассказывал вам о своей сестре? Конечно, не рассказывал. Он ведь ее убил.

Из соседней комнаты донесся тихий стон и шуршание.

— Думаю, я смогу его некоторое время удерживать. — спокойно произнес голос. — Странно. Чем меньше он меня неосознанно контролирует, тем меньше мне хочется вас прикончить.

— Стоп. Ты можешь воздействовать на него сквозь ящик Пандоры? Тогда почему она удерживает тебя? — Сфено медленно вышагивала от одной стены комнаты к другой, перекатывая пальцами флешетту, так что вверху оказывался то, один, то другой её конец.

— Кажется, мы это уже проходили. — вздохнул голос. — Он верит в вас. И пока он уверен, что вы способны меня одолеть, способны обуздать выдуманный им призрак сестры, вы будете побеждать. Да, все непросто. Он контролирует меня. Я контролирую его.

— Постойте-ка. Никто не хочет обсудить, что только что Сила, она же Совесть с мужским голосом, нам сказала? — вмешалась Эвриала.

— Иногда у меня женский голос. Голос его сестры.

— Вот это я и хочу обсудить. Ты сказал, он убил свою сестру.

До них снова донеслись стоны и бормотание. Коробка шелохнулась.

— Не в прямом смысле.

— Не знала, что у Совести знает, что такое аллегория.

— Это не аллегория. Совесть знает только мучительную правду. И я поведаю вам ее, хотите вы этого или нет. Усаживайтесь поудобнее и слушайте.

— Постойте! — Эвриала вытянула руки вперед в останавливающем жесте, будто собираясь сдерживать толпу. — Я поняла, почему ты являлась к нам в моем образе, почему пыталась вытолкнуть меня из тела.

— Потому что я неприрученная Сила, черпающая вдохновение в сознании своего хозяина. — устало произнес голос. — Ты ему нравишься.

Коробка сделала несколько переворотов. Они дернулись было ее ловить, но на середине комнаты она остановилась. Внутри нее откашлялись. Наступила пауза, которая рождала в воображении притихший перед началом спектакля зал.

Они погрузились в транс. Веки опустились и экзо увидели перед собой Ульриха. Это явно был он, правда с короткими волосами и лицом, которое немного отличалось от того, что они видели раньше. Он был совсем юным, на вид — не старше 20 лет. А рядом девушка, с глазами, заглянув в которые у них сразу возникло чувство, будто они встретили давнюю подругу, будто они разделяют что-то общее, чего у них не отнять.

Они бы и дальше рассматривали ее, если бы не история, которая начала разворачиваться прямо у них перед глазами...

Глава № 17. Та ночь...

О костюме я задумался в самый последний момент, а именно утром накануне Хэллоуина. Никогда не делал ничего особенного в этот день. Мода наряжаться в средневековых ведьм и колдунов до сих пор не прошла, поэтому я предпочитаю по возможности проводить его дома. Не могу отделаться от мысли, что настоящему ведьминскому отродью обязательно придет в голову открыть свою личину именно в этот день. Можно прихватить с собой метлу и черного кота, можно говорить всем, что ты ведьма, что каждое второе воскресенье пьешь кровь убиенных младенцев, — все воспримут это как часть образа. Максимум вам намекнут, что вы слишком вошли в роль и вам стоит сбавить обороты.

Если бы я был на самом деле таким чудовищем, то именно так и делал бы — воспринимал Хэллоуин, как возможность сказать людям правду. Когда же в ведьминский образ входит кто-то другой, мне становится тошно почти так же, как если бы этот человек подошел ко мне и сказал «я — представитель ментальной буржуазии, насмехаюсь над тобой, пролетариат без капли возможности получить хотя бы жалкое подобие Силы, данной мне по праву рождения и ничем не заслуженной».

Так и хочется плеснуть в лицо кипящей смолы и позвать охрану.

В этот раз я тоже решил, что просто сделаю вид, будто никакого праздника и нет, раз мне лень подыскивать нормальный костюм. Стоило мне принять окончательное решение, как от Медузы пришла смс:

«Едем на вечеринку. Ты будешь палачом».

На что я ответил «только через мой труп».

— Отлично будешь зомби-палачом из средневековья. — сказала она, перезвонив мне после моего ответа.

Вот так я и стал зомби-палачом из средневековья. Для себя сестра не придумала ничего оригинальнее, чем прицепить к волосам игрушечных изогнутых змеек, сделать лицо мертвецки бледным, надеть линзы с желтоватой радужкой и соорудить тогу из длинного белого покрывала с красной каймой. То есть, когда я ее будут спрашивать, кто она, она сможет ответить «Медуза», и это будет ответом одновременно на 2 вопроса «кого ты изображаешь» и «как тебя зовут». Она так сказала.

Проблема в том, что никто не спросит, кто она, потому что, согласитесь, все знают о горгонах; никто не спросит, как ее зовут — мы идем на вечеринку, на которой 99 % приглашен приглашенных — либо друзья, либо знакомые.

На что сестра ответила, что «Медуза горгона» — это поверхностный ответ на поверхностный вопрос.

— На самом деле... — начинает она, и я понимаю, что меня ждет самая длинная лекция в моей жизни. — На самом деле, я — демон, сотканный из хрупких нитей уязвимости, невинности, физической слабости и наивности. Растение, объявленное сорняком, только потому что его больше нельзя использовать. Сегодня я — символ демонизации жертвы, символ торжества закона над справедливостью, символ отчаяния и ненависти, возвращенных чужими руками на почву, которая изначально была для них не пригодной.

— Я не понимаю, о чем ты.

Она взглянула на меня с видом человека, который хочет поделиться великой тайной, но

понимает, что не должен, потому что даже собственный брат, видимо, не тянет на человека, которому можно доверять.

И вот она мечется среди двух огней. Я вижу это по ее микроэмоциям: морщинкам, которые то проступают, то исчезают на ее лбу, тому, как она растягивает слова, пытаюсь выиграть время на обдумывание того, что именно стоит мне сообщить и стоит ли вообще. А еще взгляд, этот ненормальный взгляд, который длится всего секунду. Ее достаточно, чтобы заглянуть ему в душу и откопать там ответ на свой вопрос. Без понятия какой, возможно, никакого вопроса и не было — просто иногда она выглядит слегка сумасшедшей, особенно, когда философствует.

— Разве демон может родиться в Раю? — внезапно спрашивает она.

— Разве Люцифер не был сброшен с небес за свои проступки?

— Потому что Рай оказался совсем не тем, каким он описан в Библии. Иначе он не сделал бы ангела демоном. Люцифер всего лишь отказался склонить голову перед первыми людьми. Виноват он или система, которая могла бы дать ему право выбора, или могла бы быть такой, чтобы у Люцифера даже не возникло желания не подчиниться? Вместо того, чтобы менять систему, Бог просто низверг несогласного. Разве не так же поступали диктаторы — отправляли в ссылку, концлагеря, просто изгоняли всех неудобных? Разве это не повод задуматься о несовершенстве системы, которая она не терпит инакомыслия, не готова понять его причины и пойти на компромисс?

— Мы все еще говорим о твоём костюме?

— Да. Точнее, о причине его возникновения. Медуза и ее сестры не стали бы озлобленными, крайне опасными существами, готовыми обратить любого в камень или разорвать его на части, если бы Медузу, обычную милую девушку с красивыми длинными волосами не изнасиловал сам Нептун, потому что посчитал, что раз он бог, то имеет право. Произошло это в храме Минервы, она же Афина. Считаюсь правильной мудрой женщиной, она занимает сторону насильника и обвиняет жертву в осквернении храма. Затем она превращает ее в чудовище, которое больше никогда не сможет быть «правильной» женщиной, ибо она испорчена. Нептун же по-прежнему цельный, ибо богам можно все. Затем «правильная» женщина демонизирует вступившихся за Медузу сестер, превращая их в таких же горгон.

— Разве ты не одна из нас? Почему не накажешь настоящего обидчика? — вопрошали сестры.

— Я — богиня, и вы мне неровня. — ответила Афина, — Когда сталкиваются интересы богов и смертных, виноваты всегда простые смертные. За то, что вы посмели подвергнуть этот постулат сомнению, вы разделите участь своей сестры.

— Но ведь ты же тоже женщина. Неужто ты думаешь, если бы у тебя было чуть меньше силы, он не тронул бы и тебя?

Афина фыркнула.

— Он не стал бы нападать на правильную, мудрую женщину, коей я являюсь. Если зайцу перегрызли глотку, значит, виноват он, потому что бегал слишком медленно. К тому же, не все мужчины такие.

А через некоторое время, когда Медуза была на последнем сроке беременности, Персей отрубил ей голову. Он носил ее в сумке, как побежденного голыми руками монстра, готового поглотить весь мир. А потом они спрашивают, откуда в таком изначально хорошем мире появляются злодеи? В мире безумцев шутком становится тот, кто не сошел с ума. Вместо того,

чтобы менять систему, мы просто уничтожаем ее жертв и делаем вид, что их и не существовало.

Когда она закончила, и наконец перевела взгляд с воображаемого слушателя на меня, я крутил барабан своего игрушечного пистолета.

— Очень смешно.

— Кажется, ты вложила свой костюм слишком много смысла. Теперь мне точно не хочется идти на вечеринку. После твоей тирады, все решат, что и мой костюм носит глубокий смысл. И что я им буду отвечать? Нет, я просто палач?

— Но ведь ты будешь средневековым палачом, который казнил...ведьм и колдунов, если пожелаешь. Разве это не мило? — Она приподняла свои плечи, делая странные движения пальцами, которые, видимо, изображали умиление. Только вышло оно каким-то картонным, язвительной пародией на настоящую эмоцию.

— Мне хотелось чего-то посовременнее. Почти все старые образы затерты до дыр.

— Ведьминский палач. Куда еще современнее? Конец 21 века, как он есть.

Медуза оказалась права. Большинство предпочло нарядиться в классических персонажей: зомби, оборотни, мертвецы, и конечно же ведьмы и колдуны. Куда же без них. Странно, но я не насчитал ни одного палача, кроме меня, конечно. А значит, я один такой на всей вечеринке, хотя в клубе по моим подсчетам было около 50 человек. С другой стороны, весь этот полумрак с подсветкой создавал плохую видимость, и я мог кого-то не досчитаться.

В какой-то момент от музыки неприятно запульсировало в висках, а черный колпак с прорезями стал прилипать к коже. Я даже начал задыхаться, потому что в нем не было прорези для носа. Стянув его с головы и получив порцию прохладного воздуха, я направился к черному выходу, чтобы проверить.

Я захлопнул дверь и оказался на улице, практически напротив мусорных баков. Чистый воздух — ничего не скажешь. До меня доносились приглушенный смех, крики и музыка. Осенний воздух неприятно холодил кожу. Растирая руки, чтобы быстрее согреться, я медленно вышагивал по переулку. На улице было ветрено, однако стены зданий хорошо защищали от порывов ветра. Можно сказать, я бродил вдоль безопасного островка, за пределами, которого бушевала стихия.

Я смотрел только себе под ноги. Мусор, который мне попадался, был гораздо интереснее кирпичных стен. Мой взгляд зацепился за маленькое блестящее пятнышко, очутившееся у ботинка, когда я сделал шаг вперед.

Пока я пытался подцепить блестящую безделушку, под ногтями собралась грязь, а пальцы измазались. Решив, что грязь только дополнит образ палача, я вытер пальцы о жилетку.

Не успел я рассмотреть находку, как заметил коричневые ботинки. Подойдя ближе, стало ясно, что они не просто так стоят носками вверх — два штанины вели от них к куче грязных помятых газет.

Я легонько пнул в районе щиколотки и прислушался. Никакой реакции. Стал разгребать мусор, попутно раздумывая, был ли кто-нибудь в клубе в таких бордовых брюках и длинном бордовом пиджаке. Подняв очередную смятую бумажку, я наткнулся на вытянутый котелок. Это же Вилли Вонка!

Вернее, человек, парень, нарядившийся в его костюм. Он был первым, кого я заметил, зайдя в клуб. Сидел за столиком с двумя обаятельными вампирами и заговаривал им их

выступающие клыки. Одна из девушек сделала вид, будто укусила ему шею и он, видимо, в благодарность подарил ей шоколадный батончик. Кажется, он еще пошутил, что если они подружатся, то к следующему Хэллоуину она останется без клыков.

Она хихикая, спросила:

— Это потому что они сгниют от конфет?

На что он внезапно рыкнул:

— Это потому что я их вырву!

После непродолжительно паузы он засмеялся и к его смеху примешались их смешки. Но как по мне, они звучали натянуто. Не удивлюсь, если они споили его и оставили без гроша в кармане.

— Вставай... бездельник. — Я отбросил в сторону последние несколько бумажек.

Не знаю, что произошло потом, но рефлексы сработали быстрее, чем я успел осознать увиденное. Я просто отскочил к стене. Стержни железной лестницы хорошенько меня отделали. Я не мог посмотреть, остались ли на спине синяки, но они определенно там были.

Меня охватил страх непонятого. Что это было? Что я только что увидел? Я медленно подкрался к телу и заглянул ему в лицо.

Две кровавые дыры зияли на том месте, где у людей обычно находятся глаза. Рот был приоткрыт. На губах темнела запекшаяся кровь.

Меня охватила паника. Но прежде чем бежать, я должен был убедиться, что он мертв. Дрожащей рукой я прикоснулся к запястью. Она была холодной и не подавала признаков жизни — никакой пульсации.

Я прикусил кулак, размышляя о том, что делать дальше. Похоже, мне придется испортить праздник, позвав сюда копов. Кулак сжался так сильно, что зажатая в ней безделушка, больно впиалась в ладонь.

Я раскрыл ее, придерживая одну руку другой, потому что она дрожала.

Маленькая золотистая фигурка вспорхнувшего ворона.

Сглотнув подступивший к горлу ком, я достал телефон и отправил сестре смс. Две минуты ожидания я просто стоял, уставившись в пустоту. Не знаю, как ноги держали мое тело. Если бы в этот переулочек случайно забрел отбившийся от остальных порыв ветра, я бы просто повалился на грязный влажный асфальт и лежал бы там, как этот труп, пока меня кто-то бы не нашел.

— Ульрих, ты что...ты что тут делаешь? — со стороны черного входа до меня донесся встревоженный голос сестры. Она подбежала и встряхнула меня за плечи.

— Ты что, наклюкался? А ну, пойдём. — она взяла меня за руку, как делала это в детстве и потянула к двери.

Я не поддался.

— Смотри. — между средним и указательным пальцами я сжимал фигурку ворона.

— Где ты это нашел? — Медуза выхватила фигурку и начала возиться с браслетом. — Ну вот. — она слегка трянула рукой и вороны зашатались из стороны в сторону. Мне вдруг показалось, что тень от мусорного бака стала увеличиваться. Рядом на стене вдруг выросла тень птицы. Она увеличивалась в размере, хлопала крыльями и...каркала. Я отчетливо слышал и карканье, и хлопанье крыльев, но никакого ворона или вороны рядом не было.

— Что это?

Медуза опустила руку и тень исчезла.

— Твой подарок. Забыл что ли? — Она сложила руки на груди. Браслет снова пришел в

движение.

Я притянул ее запястье поближе к лицу.

— Откуда здесь эти фигурки? Что это за...

Он всмотрелся. Рядом с фигурками воронов, которых он лично зарисовывал, чтобы заказать браслет с уникальным дизайном, появилось кое-что новое. Два золотистых глаза.

Колпак палача выпал из рук. Я замер с распахнутым ртом и глазами, полными страха и ненависти.

— Зачем ты сделала это? — моя рука мертвой хваткой сжала ее запястье. Шок пригвоздил меня к ней и я стоял, не зная, что будет дальше. Весь мой мир разбился вдребезги. Все, что я ненавидел лютой ненавистью, оказалось моей сестрой.

Она стояла такая беспечная, лениво поглядывала в сторону трупа, ничуть не пугаясь его. Как же он раньше не замечал — Медуза насквозь пропитана этим мерзким чувством собственного превосходства.

— Я? Это все ты, Ульрих. — Она, будто играясь, толкнула его в плечо. Этот жест был родом из детства, тех частых моментов, когда они в шутку разыгрывали драки и ссоры, чтобы найти повод побегать друг за другом. — Это ты подарил мне этот браслет. Сам придумал каждого ворона. Когда ты мне его подарил, помнишь, что ты сказал?

Я отрицательно мотнул головой.

— Помнишь. — отрезала она. — Ты сказал, пусть он будет твоим талисманом. Только сама придумай, как и от чего он будет тебя защищать. Вот я и придумала. Этот придурок напал на меня, потому что решил, что я ведьма. Он хотел меня убить.

— Но ты же и есть...

— Мы вместе. — Медуза положила горячую ладонь на мои пальцы, сжимавшие ее запястье. В ее глазах теплилась надежда.

— Вместе... — тихо прошептал я. Не знаю почему, но мои щеки стали мокрыми и горячими. Внутри все дрожало как в перегревшемся механизме, который вот-вот взорвется. — Не может быть... Не может быть...

Она обняла меня свободной рукой. Игрушечные змеи оплелись вокруг моей шеи. Она поглаживала мои волосы и ждала, когда мои нервные подрагивания прекратятся.

Я выплакивал свое горе, освобождая место для ненависти.

«Она — ведьма. Я — человек. Она — ведьма. Я — человек». - мысленно повторял я стоя в переулке с зажмуренными глазами. — Я должен был следовать закону, а он гласил, что все обнаруженные ведьмы и ведьмаки должны быть сданы в тот самый госотдел для обследования и проведения опытов по изучению природы их способностей и попыткам их имитировать. Так они делают свой принудительный вклад в развитие общества... Все будет хорошо. Она просто поможет нам достичь равноправия. Разве не это нам нужно. Человек перестанет быть предпоследним звеном — два последних сольются в новый, более могущественный венец творения. Никому не хочется быть птенцом в мире, где существуют лисы. Медуза поймет меня и простит...».

Я прижал ее к себе и зарылся в волосы. Это все не в последний раз...

Глава № 18. Пора домой

Видение исчезло. Глаза пересохли от редкого моргания. Из соседней комнаты донесся тихий стон. Видимо, Ульрих только что проснулся и дотронулся до шишки на голове, либо ему снятся кошмары.

— Он ведь знал, что она может погибнуть. — прошептала Эвриала. — И все равно сдал ее. — Она дико озиралась по сторонам. — Но не себя.

Сфено быстро моргала. После этого спектакля, который развернулся прямо внутри их сознания, было немного трудно воспринимать обычную реальность. Первые мгновения она была несколько смазанной и больно резала по глазам.

— Неужели он не знал, что на самом деле ни один человек со способностями не покинул стен отдела? Говорят, все они погибают во время пыток, которые власть называет экспериментами. Вот почему я говорила тебе не создавать дружеских отношений с заказчиками, пока не будет ясно, что они не вед`омые. — Сфено на мгновение закрыла лицо руками и вытерла глаза. — Я знала его сестру.

— Знала? — Эвриала широко раскрыла глаза.

— Вернее, должна была узнать. Мы должны были встретиться и поговорить насчет ее вступления в организацию. У нас были сомнения в том, то она не замешана в шпионаже. За ней не было замечено ничего подозрительного, но ее взгляд. Ты сама видела — у нее всегда был такой вид, будто она что-то скрывает. Так странно... Сам не ведая, он вложил в браслет кусочек своей силы. Олицетворение. Эти вороны... Ты понимаешь, о чем я?

Эвриала закивала раньше, чем начала понимать. Он может создать живую копию чего-то ненастоящего? И настоящего — она вспомнила о своей копии. Правильнее было бы назвать это имитацией оживления. Очень реалистичная голограмма, хорошо имитирующая внешний вид, голос, поведение. Настолько хорошо, насколько создатель осведомлен о том, кого или что она должна имитировать. Вот и получается викинг в сапогах на резиновой подошве, потому что только таких он в сериалах и видел.

— Она тогда не пришла на встречу и больше ее никто никогда не видел... Но я знаю, где она похоронена. В одной из безымянных могил на Ведьминской пустоши. Так ее теперь называют те, кто знают правду.

В комнате было тихо. Они только сейчас заметили, что за все время с того момента, как их видение закончилось, голос из ящика Пандоры не произнес ни слова. Коробка даже ни разу не вздрогнула.

Эвриала аккуратно взяла коробку и поднесла к уху. Внезапно она шевельнулась и вывалилась на пол. Лампочки замигали. Половица скрипнула.

В дверном проходе стоял Ульрих. Сгорбленный, он поддерживал одну руку другой, держась за локоть. Белки его глаз были воспаленными, словно он натер их перцем, а кожа под ними — влажной и покрасневшей. И во взгляде, и в позе сквозила крайняя уязвимость. Он знал, они больше не его защитницы, не исполнители заказа. Теперь они опасны для него не меньше блуждающей в доме Силы. И зная все это, Ульрих твердо решил не сопротивляться. Просыпаясь, он услышал совсем немного, но этого было достаточно, чтобы понять, что речь идет об его сестре.

— Ее нет на Ведьминской пустоши. — тихо произнес Ульрих, всматриваясь в пустоту перед собой. Спутанные черные пряди частично скрывали его глаза. Серебряная ниточка у

самых ресниц блестела под мигающим светом. Он шмыгнул носом. — Они отдали мне пепел.

— Так, у тебя действительно стоит сахарница с пеплом в одном из шкафчиков? — ошарашенно спросила Эвриала.

Он коротко кивнул.

— Ты врал нам. — она стиснула зубы, пытаясь сдержать свой гнев. Она подошла ближе и сняла с пояса тонкий метровый трос с ручкой на конце.

— Это плеть? — Ульрих отступил к двери.

— При необходимости может стать и плетью. Чем это пахнет?

Сфено сидела на диване, широко раставив ноги в небрежной расслабленной позе. В зубах была зажата дымящаяся самокрутка. Перчатки валялись рядом, поэтому множественные шрамы, покрывавшие ее руки до локтей, можно было рассмотреть в мельчайших подробностях.

— Ну наконец-то ты их сняла. Больше не надевай. Сейчас 21 век. Идеальная кожа больше уже не в моде. — Эвриала криво усмехнулась, наблюдая за тем, как ее напарница затягивается и выпускает в воздух струйку дыма.

— Я только что видел, как вы зажгли сигарету пальцем. — прошептал Ульрих, в глазах которого появилось отражение искорок, разгорающихся на конце сигареты.

— Хочешь узнать, откуда у меня эти шрамы? — спросила Сфено, натянуто улыбаясь. — Оказалось, что обычный огонь отличается по составу от того, что производит мое тело. Не быть мне пожарником.

— А ты... — Ульрих взял Эвриалу за запястье и поднес ладонь к своему лицу. Глаза сосредоточенно рассматривали каждый ее палец. — Тот трюк с кружкой. Ты управляешь водой. Но как?

— Собираю её из окружающей среды. Хотя нет, постойте-ка — Она изобразила крайнюю степень задумчивости. — Ведьмы ведь не так делают...Призвала сатану. Да, точно. Именно так все и было.

— Я впустил в дом ведьм! — взвыл Ульрих. Его буквально согнуло пополам. Он схватился за голову и стал раскачиваться, видимо, пытаясь себя успокоить. Внезапно он схватил Эвриалу за плечи и крепко их сжал.

— Даже ты...Сначала сестра...А теперь еще и ты. — процедил он, впери в нее взгляд, полный ненависти и разочарования. — Я должен позвонить в...

— Ты забыл о себе. — одним отточенным движением она прицепила к его запястью «ручку» веревки. Веревка вытянулась и мгновенно оплела Ульриха. Он начал брыкаться, и она затянулась в ответ. Не прошло и минуты, как он уже валялся на полу — беспомощный, с большим ушибом на щеке.

— Расскажешь об этом в госотделе по изучению сверхспособностей. — произнесла Эвриала. Ее голос отражал одну единственную эмоцию — презрение. Она достала из портупеи очередной маленький цилиндрик, который вытянулся в длинную палку с пазами, и прицепила ее к веревке на спине Ульриха.

Сфено отдернула шторы и внутрь полился бледный свет восходящего солнца. Лучи пробивались сквозь тучи, оставшиеся после ночного дождя. Они кучками медленно плыли по небу, то открывая, то закрывая блестящий диск солнца. Внизу было тихо, но они знали, пройдет еще от силы час, и город снова наполнится привычными шумами.

Сфено взяла Эвриалу под локоть и вывела в коридор. В руках она держала коробку с

Совестью, который теперь только рычал, завывал, шипел и иногда вибрировал.

— Ты уверена? Он же один из нас. — прошептала Сфено, когда дверь за ней закрылась. Ее показное хладнокровие куда-то испарилось.

— Он предатель. — резко ответила напарница и отвела взгляд. Ее ноздри раздувались. Она выдохнула, смахнув с себя внешнее проявление раздраженности. Но внутри все оставалось по-прежнему.

— Я думала, он тебе нравится. — задумчиво произнесла Сфено. — Тебе стоило посоветоваться со мной прежде, чем выносить такой вердикт.

— А что ты предлагаешь? Пустить эту змею в наше логово? Он обрек свою сестру на мучения! И не очень-то похоже на то, что бы он раскаивался.

Сфено закрыла кулаком губы и нахмурилась. В течение полуминуты она стояла, не двигаясь, уставившись на пол, покрытый дорожкой.

— Ты права. Он сам выбрал нас своими палачами. Иначе, зачем было звонить сестрам Медузы? Нам придется придумать убедительное объяснение, почему Ульрих стал лабораторной крысой, а не был завербован. — Сфено положила ладонь ей на щеку. Эвриала вяло улыбнулась и зевнула. — С тобой точно все будет в порядке? Переживешь?

— Мам. Это не первый симпатичный парень в моей жизни, оказавшийся говнюком. — Она вздохнула. — Переживу.

Громкие скребущие звуки отвлекли их от разговора. Эвриала ойкнула. Рядом с ней точил свои когти серый кот и только что он решил, что ее правая нога лучше подходит для этой миссии, чем ковер. Эвриала взяла его на руки и принялась чесать ему за ухом. Кот не сопротивлялся. Он бегал за ней почти всю ночь, выпрашивая у нее еды и ласки. Почему? Так захотел хозяин.

— А вот этого мы заберем себе. Мне нужна какая-то компенсация. — Эвриала прижалась щекой к кошачьей мордочке. В ответ кот нервно замахал хвостом.

— Не знаю, стоит ли мне тебя еще больше разочаровывать... Или живи в сказке, пока не пробьёт 12.

— Наша тыква уже лежит в комнате. Так что вперед, расстрой меня полностью.

Сфено вздохнула и достала из кармана фигурку размером в пол ладони. Это был маленький фарфоровый кот — точная копия живого кота, которого Эвриала держала в руках. Та же мордочка, та же серая шерсть с белыми пятнами-полосами. Причем пятна находились на тех же местах, что и у оригинала.

— Это очень реалистичная проекция, созданная по образу и подобию этой фигурки, либо кота бывшей девушки Ульриха, если он не выдумал ту историю. Но думаю, ответ очевиден. Он может создавать копии по памяти. Если бы он захотел... — она отвела ее подальше от двери и прошептала на ухо. — Он мог бы выпустить гигантского орангутанга против нас, только потому что видел его по телевизору. Поэтому не вздумай ему проговориться о его способностях.

Эвриала кивнула.

— Интересно, а проективных котов нужно кормить? — пробормотала она, обращаясь скорее к коту, чем к Сфено.

— Ты же понимаешь, что если он умрет во время их экспериментов, кот исчезнет так же, как и Совесть. — Сфено тряхнула коробку и в ней зарычали.

— Почему ты не сказала мне об этом раньше? Черт... А мы не можем держать Ульриха в подвале? — ее глаза засияли, будто озаренные гениальностью этой идеи.

— Эври... Это ненастоящий кот. Все равно что любить персонажа из мультфильма. Тем более, Ульрих может и выжить, и ничего с этим котом тогда не случится... Пока Ульрих будет думать, что он настоящий.

Эвриала хмыкнула.

— Ты сама-то в это веришь? В то, что он выживет

Они не стали заклеивать ему рот. Никто не поверит человеку, которого экзо несут привязанным к палке. Если экзо говорит, что этот человек безумен, значит, это правда.

Багажник был завален всякой всячиной, поэтому Ульриха пришлось приземлить на задние кресла. Выпивки или даже обычной воды в машине не было. Они чокнулись пончиками присыпанными пудрой и отправились в путь.

Проективный кот, как оказалось, был совсем не против настоящей еды. Более того, он был настолько голоден, что съел целый пончик и попросил еще.

По дороге они заглянули в школу Экзо, чтобы по-традиции развеять пепел Медузы на его заднем дворе. Когда Эвриала перевернула сахарницу, из нее вместе с пеплом вывалился браслет. Тот самый, о котором говорил Ульрих. Что же они с ней сделали, если даже он не помог ей избежать мучительной смерти? Хотя вороны, наверное, напугают только дилетантов.

Сначала они решили закопать его вместе с пеплом, но передумали. Об этом деле можно будет рассказывать на занятиях в школе, и показывать браслет для пущего эффекта. Знать бы только, как вызывать этих воронов. Вряд ли они станут демонстрировать себя просто так, потому что кому-то захотелось на них взглянуть...

После этой короткой остановки Сфено хватало сил только на то, что бы кое-как везти машину и пережевывать. Эвриала почти заснула с половиной пончика в руке, который активно поедался котом. В ее голове проносились отголоски прошлого — слова учителя:

«К вам будут обращаться 2 типа людей: одни — первенцы новой эпохи, другие — безумцы. Ваша задача понять, с кем вы имеете дело. Если попался наш человек, объясните ему, кто он и что с ним происходит, подготовьте к вступлению в наши ряды. Если это безумец, вызывайте санитаров».

Внезапно Ульрих прервал молчание. Ее сознание уже ничего не воспринимало, но подсознание работало во всю.

— Вы хотя бы узнали, что это было? Что вы поймали в тот ящичек?

— Это твоя нечистая с... — сквозь сон промычала Эвриала.

Сфено закрыла ей рот рукой и та сразу проснулась.

— Это сила. Обычная нечистая сила. Только и всего.

Больше книг на сайте - Knigolub.net